

1933-й год²

1 января. Новый год встретил в постели. Как будто нарочно, уснул я вчера очень крепко в 9 часов и проснулся только около пяти утра. День провел по шаблону, уже сложившемуся у меня в моем госпитальном бытии. После обхода меня навеситил о[тец] Василий Дэ, протодиакон Духовной Русской Миссии в Пекине, мой старый знакомый и друг.

Сегодня впервые совершил прогулку по городской стене Пекина, в пределах Посольского квартала.

Писем от жены все нет и нет.

2 января. Наконец, пришли письма от жены. Дома все в порядке. Получил поздравление с Новым годом от И.Н.Головко-Улазовского. Жена собирается приехать сюда погостить денька на три — четыре к русскому Рождеству.

3 января. — Хао бу хао?

— Хао, — отвечаю я сестре, и кажется, я действительно уже стал чувствовать себя много лучше.

Утром, гуляя, зашел к Зверевым и узнал здесь новость: японцы заняли Шанхайгуань. По этому поводу мы открыли дискуссию, в которой принял участие бывший в это же время в гостях у Зверева тяньцзинец Максимов.

После обеда я побывал в магазине The China Booksellers, где знакомился с книжными новинками о Китае. Любопытный факт: при мне зашли в магазин молодые китаец и китайка и спросили, нет ли в продаже Карла Маркса. Поистине, несчастные наивные люди, думающие, что Карл Маркс спасет их от агрессии японского империализма! Побродил по огромному базару Дунь Ань Ши Чан, где мое внимание привлекла китайская книжная лавка. Присматривался, не найду ли русских книг, и нашел. Это были чудные издания Вольфа, три книги, совершенно новенькие и чистенькие, в изящных переплетах: полное собрание сочинений Загоскина, затем описание Кавказа и описание Крыма; последние две книги с многочисленными иллюстрациями. За все три книги китаец спросил с меня 12 долларов. Это, конечно, дешево.

Вечером меня навестили И.Н.Веревкин, профессор одного из местных китайских университетов, и Зубец*. Последнему я изложил свое мнение относительно его рукописи, и затем мы беседовали до 9 часов вечера. Проводив гостей, я еще не ложился с полчаса. Вдруг в комнату мою заглянул неожиданно доктор Криг и сказал мне по-

¹ NILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 4. Л. 143–202 (8 апр. 1933).

² Записи И.И.Серебренникова.

русски: спать, спать! Делать нечего, пришлось подчиниться приказанию.

*4 января*¹. Просидел все утро в госпитале. Измерение давления крови показало: 165. Получил счет госпиталя с 24 декабря по 1 января. Мне следует уплатить 81 доллар. Это выходит более чем по 10 долларов в сутки. Из них 6 за комнату и стол, 1 доктору и 3 на лекарство и анализы. Для меня это, конечно, дороговато.

5 января. Первую ночь провел неважно. Что-то не спалось. Может быть, это было к перемене погоды. У одного из врачей госпиталя, доктора Диппера, умерла дочь, девочка лет семи, от скарлатины. Не так давно от этой же болезни скончалась в госпитале другая дочь его, девочка 13 лет. За свою долгую медицинскую практику в Пекине доктор Диппер, один из лучших врачей столицы Китая, вылечил от всяких болезней тысячи посторонних ему лиц, а своих дочерей спасти не мог. Такова судьба. Говорят, жена доктора в ужасном горе и едва ли перенесет обрушившиеся на нее несчастья.

По улице Хатамын на днях произошел пожар большого дома, населенного русскими. В пламени пожара погибла одна русская женщина. Несколько других русских получили увечья при прыганье из окон. Пожар начался из обувной мастерской, не так давно открытой какими-то русскими еврейчиками и застрахованной в крупной сумме. Невольно появляются думы о нарочитом и преступном поджоге.

Пекин полон слухами о предполагающемся военном вторжении японцев в Северный Китай.

6 января. Сегодня — наш русский Рождественский сочельник. С утра стояла отличная погода, со свежим бодрящим воздухом и обилием солнечного света. Я совершил хорошую прогулку в пределах Посольского квартала и на вокзале в 12 часов дня встретил жену, с ней же вместе приехал и И.Н. Головко-Улазовский, никогда ранее не бывавший в Пекине и решивший теперь посвятить русские праздники ознакомлению с прежней столицей Китая.

Встреча наша, конечно, была радостная. Кажется, жена не ожидала, чтобы ее больной муж мог выйти на вокзал для ее встречи.

Приехавшие заехали к Зверевым, где и позавтракали. Я пообедал у себя в госпитале.

Часов около двух мы все трое отправились на прогулку на Morrison Street и порядочное время побродили по базару Дунь Ань Ши Чан, где можно найти и купить все, что нужно и не нужно.

После прогулки весь вечер, до восьми часов, жена пробыла у меня в госпитале, сообщила мне все тяньцзиньские новости, рассказала содержание писем, которые пришли ко мне за мое отсутствие в Тяньцзине. Я поделился своими впечатлениями о моем госпитальном житье-бытье в Пекине. Жена нашла, что я выгляжу теперь немного свежее и бодрее, чем это было ранее, и советовала мне запастись терпением и терпением, чтобы основательно подремонтироваться! Я обещал это сделать.

¹ Здесь и далее написано почерком И.И. Серебренникова.

Рад я был и куче номеров шанхайского «Слова», которые были привезены для меня из Тяньцзиня. То-то будет у меня теперь чтения!!

Переписала жена для меня кусочек стихотворного фельетона о нашем общем знакомом по иркутской жизни И.И.Попове*, бывшем редакторе известного в истории Сибири «Восточного обозрения». Это фельетон, принадлежащий перу остроумного Лоло (Мунштейна). Я хочу записать его здесь, чтобы сохранить на память сибирякам. Вот этот фельетон:

Иван Иванович Попов,
Один из наших убежденных
Освободителей «рабов»,
Давным-давно освобожденных...
Он произнести желает речь,
Чтобы в сердцах детей зажечь
Мечту о братстве и свободе...
(Еще была свобода в моде!)
Но в детский праздник в Рождество.
Никто не слушает его...

Попов – занятная фигура,
Мишень для шутки, каламбура.
Красноречив, но на беду
Он с алфавитом не в ладу.
Сказать он хочет «В женском деле»,
Из уст выходит «В женском теле»,
Сказать желаем «Новый Год»,
А произносит «Новый Кот».
– Вот вам икрушки и конфетки,
Глядите, хватит тут для всех.
Телитесь же по-братски, тетки, –
И раздается звонкий смех.

По этому стихотворению мы с женой весьма живо представили себе И.И.Попова, который действительно, не мог произнести звонких согласных звуков. В свое время, проживая уже в Москве, он сотрудничал в журнале «Женское Дело». Я как-то, кажется, уже в 1915 году встретился с ним в Первопрестольной.

– Ну, как живете-можете, Иван Иванович, – спросил я его, – что поделяваете?

– Да вот все вожусь с «Женским телом», – ответил он мне.

Я, конечно, не мог не рассмеяться, услышав такой ответ.

Старые воспоминания! Так порой наши фельетонисты вызывают в памяти картины и образы прошлого. Неужели все мы – только уже в прошлом? Будущее отнято ли у нас? Хочется верить: еще нет!

7 января. Рождество Христово!

Жена и ее спутник утром сделали свою первую прогулку для ознакомления с достопримечательностями Пекина. Они побывали и погуляли на городской стене Пекина в районе Посольского квартала и затем совершили прогулку к южным воротам Императорского города. Здесь они побывали в Храме-пантеоне предков маньчжурских императоров.

Обед для жены я заказал в госпитале, и, таким образом, мы пообедали вместе. После обеда жена и И[ван] Н[иколаевич] отправились на автомобиле снова в экскурсию по Пекину. Вечер жена провела у

меня. Вместе поужинали. Так прошел у меня первый день праздника. С визитом за весь день я побывал только у Зверевых.

8 января. Утром жена в качестве чичероне сопровождала И[вана] Н[иколаевича] в поездках по осмотру Пекина. Я же побродил немного по окрестным улицам. На Morrison Street я встретился с генералом Томашевским, зашел на полчаса в его квартиру, которая оказалась вблизи от места нашей встречи. У генерала нашел некоторые интересные фотографии Колчака, Гайды и ген[ерала] Дитерихса и взял их для пересъемки.

После обеда мы все трое, т.е. я, жена и И[ван] Н[иколаевич], совершили на мотокаре¹ поездку сначала в Бэй Хай, а затем и в Храм Неба. С вершины холма, с террасы знаменитой Ламаистской дагобы в Бэйхае, я долго любовался той чудесной панорамой, которая расстилалась прямо подо мною внизу, в южном направлении. Передо мною был как на ладони весь прославленный Запретный город Пекина с его чудесными дворцовыми строениями. Здесь, в этом городе, жена вчера осматривала восточную секцию дворцового музея. Среди множества интересных вещей, которые ей пришлось увидеть там, были и игрушки императора Пу И, теперь повелителя Маньчжурского государства. Увидят ли эти игрушки вновь своего хозяина здесь?

В Бэйхас мы сделали ряд фотографических снимков, которые, по моему мнению, должны бы оказаться интересными. Снялись мы с женой, между прочим, здесь, у белой сосны.

Храм Неба, как и всегда, произвел на меня сильное впечатление своим торжественным уединением и гордой молчаливостью. Переваривая вечером свои пекинские впечатления, я пришел к заключению, что китайцы более осмысленно умели строить свои дворцы для своих богдыханов, чем европейцы для своих королей и императоров. Прежде чем попасть на прием к богдыхану, нужно было пройти по длинному каменному помосту, через ряд каменных воротарок, мимо триумфальных колонн, изваяний львов, попасть затем в первый двор Императорского города, затем во второй, третий и т.д. Я представляю себе, каким трепетом должны были наполниться сердца посетителей, когда они совершали таким образом свой путь к богдыхану. Это было совсем не то, чтобы подъехать прямо ко дворцу и затем сразу попасть на прием к какому-либо европейскому королю или императору. Не было тут должной подготовки соответственного настроения у шедшего на прием.

За сегодняшнюю поездку по Пекину я все же порядочно утомился.

9 января. Ночь провел хорошо. Спал крепко. Немного натрудил только себе ноги после вчерашнего лазания на холм Бэйхая.

Утром мы с женой закупили подарки для наших тяньцзиньских друзей. В 4 часа проводил жену и И[вана] Н[иколаевича] на вокзал. Остался снова один, в Пекине. Дни, когда гостила здесь жена, пролетели как-то особенно быстро.

10 января. В городе чувствуется тревога. В Посольском квартале можно видеть, как китайцы свозят сюда хорошо упакованные ящи-

¹ Motorcar – автомобиль (англ.).

ки с ценностями. Пожалуй, они боятся не столько прихода японцев сюда, сколько могущих произойти грабежей китайских солдат. Мне передавали, что многие маньчжуры, особенно из числа обедневших теперь, выбираются из Пекина в Маньчжугу при содействии агентов некоей державы.

11 января. Навалилась скука. И нависли мрачные думы. Почти весь день пролежал в госпитале, в ничегонеделании. Даже не читал ничего.

12 января. Днем, после обеда, побывал в Пекинском клубе, где имел беседу с секретарем клуба г[осподином] Спешневым*. В клубе имеется довольно большая библиотека, в которой немало книг по востоковедению.

13 января. — Удивительный город — Пекин! Одна половина населения в нем ездит, другая возит, — сказал как-то мне один русский шутник.

Я невольно вспомнил об этой шутке, когда прочел сегодня в «The Peking Chronicle», что, по данным последней регистрации, в Пекине имеется 48 195 рикш. Велосипедов в ходу — 82 614. Итого, значит, в пользовании четверть миллиона резиновых шин.

Вечером меня навестил И.Н.Веревкин, преподаватель двух местных китайских университетов, проживающий в Пекине с 1910 года. Он жалуется на боли в желудке и собирается лечь в госпиталь на исследование.

14 января. Утром у меня снова побывал Веревкин. Долго с ним я беседовал на разные темы. Разговорились с ним и на тему о китайских студентах, с которыми мой собеседник возится уже двадцать два года, и, Боже мой, каких только ругательств не высыпалось по адресу таковых. Китайские студенты — и лентяи, дармоеды, паразиты. Ничем серьезно не занимаются и не увлекаются. Даже модный среди них марксизм и коммунизм — это приблизительно то же, что модный галстук для неуча-петиметра, не более.

— Кончат университет, поступят на службу и через два—три года начнут воровать казенные деньги, — как-то заметил я своему собеседнику.

— Зачем через два года? Сразу же! — энергично поправил меня он.

Странно было слушать мне эти грозные филиппики против китайского студенчества из уст человека, советофильские настроения которого известны всему русскому Пекину!

15 января. Воскресенье. Утром с Л.Н.Кукурановым*, бывшим лицеистом и анненковцем, теперь служащим American Express Company, совершил поездку по городу и побывал в Национальной библиотеке Пекина, не так давно здесь возникшей. Библиотека построена в районе Бэйхая, одном из живописных уголков Китая. Подъезд к зданию библиотеки отлично аранжирован. Само здание выдержано в китайском архитектурном стиле. Я подумал: наконец-то китайцы становятся настоящими патриотами своего отечества, коли начали украшать свою древнюю столицу такими чудесными зданиями, и в этом роде высказал свое замечание моему спутнику. Последний, однако, разочаровал меня, заявив:

– Все это построено по американской инициативе и на американские деньги. Затрачены большие средства. Со стороны китайцев были лишь хищения при постройке.

Это замечание вернуло меня к китайской прозе жизни.

Внутри здания также оказалось хорошо: просторно, чисто, светло. Отличные читальные комнаты, в коих мы нашли множество журналов и разного рода справочных изданий. Ради любопытства мы с Кукурановым просмотрели русский карточный каталог. Книг русских оказалось немного: может быть, всего две–три сотни. Были сочинения Потанина, Пржевальского, Позднеева и других русских путешественников по Азии. Среди русских книг по каталогу я нашел и свое «Сибиреведение».

К обеду я вернулся в госпиталь, довольный своей прогулкой, в хорошем расположении духа.

После обеда ко мне заглянул И.Н.Веревкин вместе с дежурной сестрой милосердия. Пришедшие сделали мне следующее предложение: в госпиталь привезли одного немца, некоего г[осподина] Люц, по профессии летчика, серьезно больного. Положить его некуда, так как все комнаты заняты. Поэтому не соглашусь ли я переехать в комнату к Веревкину, более просторную, чем моя, и поселиться вместе с ним. Это даст возможность принять нового больного. Я согласился, сразу же затем перебрался в комнату № 19. По моим соображениям, мое новое положение должно было удешевить мое пребывание в госпитале.

Днем сегодня я еще успел побывать с визитом у В.И.Розанова, моего старого знакомого по моей жизни в Пекине еще в 1920/21 году. Розанов – это бывший студент Петроградского политехнического института, потом генерал Гражданской войны в Сибири в 1918/19 году, гроза Минусинского края. Теперь же это мирный пекинец, бухгалтер книжной фирмы The China Booksellers. Он получает хорошее жалованье, имеет деньги в запасе, миловидную жену и уютную квартиру в девять комнат.

16 января. Вчера вечером долго беседовал с Веревкиным на китайские темы. Я больше слушал, чем говорил. От него я получил полные сведения о русских профессорах и преподавателях в пекинских университетах и колледжах. Сведения эти можно суммировать так. В Бэйпинском университете преподавателями состоят пятеро русских: И.Н.Веревкин, И.С.Бруннерт*, П.П.Ребрин, К.И.Василевский* и А.С.Остроумов*; в Бэйцзинском университете – С.А.Полевой*; в Цин Хуа университете Ф.А.Ченцев (не так давно приехал в Пекин из Парижа) и Широкогоров; в North China Language School – Я.Я.Бранд*; в Peking Union Medical College (Институт Рокфеллера) в рядах профессоров состоят Т.И.Курочкин, П.С.Судаков* и А.Ф.Баранов. Для Гарвардского университета в Америке ведут здесь научную работу по вопросам санскритологии и буддизма барон Сталь-Гольштейн и его помощник Б.И.Панкратов*. По словам Веревкина, Панкратов – весьма выдающийся монголовед, ориенталист вообще с громадной эрудицией, несомненное будущее научное светило.

Интересна судьба Баранова, профессора одонтологии Рокфеллеровского института. В не так давно прошлом он был едва ли не фельд-

дшером одной из белых армий, отступивших в пределы Китайского Туркестана. Теперь это профессор лучшего медицинского учреждения во всем Китае, получает жалованье, наверное, не менее чем раньше получал у нас [зачеркнуто: председатель совета министров. — Прим. А.А.Хисамутдинова] начальник губернии. Поневоле подумаешь: судьба играет человеком!

17 января. Мой соквартирант по госпиталю расстроен: рентген показал, что у него язва в желудке.

18 января. Побывал в библиотеке North China Language School, закончил выборку материалов об Албазине и албазинцах.

В городе чувствуется некоторое предпраздничное оживление: через неделю Китайский Новый год. Сегодня китайцы отправляют на небо своих кухонных богов, покровителей очага.

19 января. Утро просидел все дома. На улице — бело. За ночь выпал хороший снежок, еще первый в эту зиму в Пекине. Госпитальный бой пояснил нам, что этот снег устроил кухонный бог.

— Вчера люди отправляли его на небо и жаловались: стоит плохая погода, нет снега, много болезней. Небо смилостивилось и послало снег.

Бой, однако, прояснил нам, что он сам не особенно верит во все это, но люди думают так.

20 января. Сегодня я именинник, Получил много поздравительных писем. Вспомнил невольно, как ровно тринадцать лет тому назад в этот же день я оставил Иркутск, устроив себе печальный именинный подарок: изгнание из родной страны. Взгрустнул и поскучал.

Гуляя после обеда в Посольском квартале, зашел для консультации к зубному врачу Прэнтису. Он внимательно осмотрел мои зубы и рентген с них и дал точное и категорическое заключение: надо удалить одиннадцать зубов, все верхние и один нижний. Это заключение совпадает и с моим мнением. Это тоже именинный подарок, не из приятных. Кажется, я расползаюсь по всем швам.

21 января. Заболел палец на левой ноге, причиной чего было неосторожное вырезание ногтя. Еще одна напасть.

22 января. От йодного лечения распух нос. Еще не легче.

23 января. Сижу второй день без прогулки. Кроме основных болезней лечу теперь еще и нос, и палец.

24 января. Мое лечение должно закончиться к 26-му января, как сказал мне проф[ессор] Криг. Боюсь, что больной палец задержит мой выход из госпиталя.

25 января. Давление крови показало опять 190, т.е. немного менее, чем было при поступлении в госпиталь. Криг сказал мне, что главное не в давлении крови, сколько в сильном расширении сердца. По-видимому, я лечусь еще и от склероза. Еще новые открытия.

26 января. Сегодня — Китайский Новый год. На улицах тихо, не слышно хлопушек, не чувствуется поэтому и праздник. Пятый день сижу безвыходно в комнате.

27 января. Еще на день оставили в госпитале.

28 января. Еще держат. Давление крови — 170. Надоело. Начинаю сильно нервничать.

29 января. Воскресенье. Криг осмотрел палец. Заявил, что завтра я смогу выписаться из госпиталя и поехать в Тяньцзинь.

30 января. Ночь почти не спал. Начал собираться с утра в дорогу. На прощальной беседе с Кригом в три часа дня он сообщил мне, что у меня оказалась еще одна болезнь, и он назвал ее. Услышав страшное слово, я побледнел. Со мною едва не случился нервный удар. Не может быть, это ошибка!! Мне захотелось стремглав выбежать из госпиталя.

В 4 часа 25 мин[ут] я выехал из Пекина и в 8 часов вечера был у себя дома в Тяньцзине.

31 января – 7 февраля. С большой радостью добрался до дома. Собрался как-то с духом и рассказал жене о всех моих болезнях. Жена моя мужественно отнеслась ко всему, что узнала от меня.

Палец продолжал болеть и держал все время и сейчас держит дома. 6 февраля доктор Перцель, мой земляк и коллега по иркутской гимназии, сделал мне под кокаином операцию пальца и извлек из воспаленного места осколки ногтя. Сегодня, 7-го февраля, ездил к доктору на первую перевязку. Вот уже 46 дней, как доктора не перестают возиться со мной.

8 февраля. Понемногу закончил сегодня с накопившейся корреспонденцией. Вниманию шанхайского издательства «Слово» предложил свои мемуары за 1917–1922 год и статью «Албазин и Албазинцы».

9 февраля. Теплый день. Тянет на улицу. Однако из-за больного пальца приходится сидеть дома. Усиленно читаю. Прочел восхитительную хронику Лескова «Соборяне» и принялся за роман «Некуда»¹. Уроков пока очень мало. Мы с женой теперь гораздо более проживаем, чем зарабатываем.

10 февраля. День провел в грустном состоянии. Стал очень мнительным. Все мне кажется: палец мой доболит до того, что его ампутируют или отрежут ногу, произойдет заражение крови, Бог ведает, какие дурные мысли лезут в голову. Пожить еще все же хочется, и все затем, чтобы мельком взглянуть на родные свои сибирские поля и леса.

11 февраля. Начал получать из Харбина «Нашу газету»². Что это еще за газета, пока не могу определить.

Пришло поздравительное письмо из Праги от сотрудников Р[усского] З[арубежного] Исторического архива. Среди подписавшихся проф[ессор] Кизеветтер*, недавно скончавшийся. Вероятно, он подписал письмо за несколько дней до своей кончины.

¹ Николай Семенович Лесков (1831–1887). В 1864 г. под псевдонимом М. Стебницкий опубликовал антинигилистический роман «Некуда», в котором резко критиковал идеи современной революционной молодежи «переделать весь свет» без какого-либо определенного представления о том, к чему это может привести. Писатель считал, что нельзя «подводить народ под страдания», что «форсированными маршами... идти некуда». С момента выхода романа в свет за Лесковым прочно закрепилась репутация писателя-реакционера, и значительная часть критики рассматривала его творчество с этой точки зрения, игнорируя художественные достоинства.

² Наша газета: Еженед. независ. беспарт. газ. № 1 (1 янв. 1933). Первый редактор С.В.Л.Аткинс (до сент. 1933), затем К.В.Родзаевский (1933–1934) и А.А.Кармилов (с 1934, № 178). Переименована в «Наш путь». С 1941 г. издавалась в Шанхае (1941–1943).

12 февраля. Воскресенье. Забыл вчера записать: был у меня некто Псарев из Калгана. Он доставил мне вести о «старикане» Д.П.Першине и привез от него для просмотра его рукопись: начало воспоминаний. Сам Д[митрий] П[етрович] болен, лежит в Адвентистском госпитале, лечится от рожистого воспаления лица. Псарев сегодня выезжает обратно в Калган, и мы с женой отправили с ним нашему сибирскому деду небольшую посылочку, положили в нее любимые вещи Д[митрия] П[етровича]: кофе, сыру, сигарет.

В воскресный день сегодня нас навестил ряд наших друзей и знакомых.

В свободные часы, лежа на кровати, зачитываюсь Лесковым. Читаю роман «Некуда» и многим поражаюсь. Нахожу в романе прототипы наших большевиков. Откуда такое яркое предвидение? Поневоле начинаешь верить в какие-то особенные пророческие прозрения наших писателей. Программа для вождя русской революции Ленина (проклятое имя!) была уже давным-давно разработана для него одним из героев романа «Некуда» — Бычковым. Вот устремления этого господина, как они изображены в романе. Бычков полагал необходимым: «Залить кровью Россию, перерезать все, что к штанам карман пришило. Ну, пятьсот тысяч, ну миллион, ну пять миллионов! Ну что ж такое? Пять миллионов вырезать, зато пятьдесят пять останутся и будут счастливы». И далее: «Пусть все отделяются, кому с нами не угодно. Мы старого, какого-то мнимого права собственности признавать не станем; а кто не хочет с нами: живи сам себе. Пусть и финны, и лифляндские немцы, пусть все идут себе доживать свое право». Еще: «Мы брак долой!» «Устроим общественное воспитание детей, и будут свободные отношения». И так далее. Можно констатировать, что программа Ленина была полностью изложена в главе четвертой книги второй лесковского романа «Некуда».

Еще несколько слов о прототипах русских большевиков в русской дореволюционной литературе. Вероятно, кто-нибудь и когда-нибудь даст нам эту сводную характеристику большевистского прототипа в русской литературе, пользуясь произведениями Достоевского, Писемского, Лескова и отчасти Тургенева и Гончарова. Кажется, только у Л.Н.Толстого в этом отношении найдется весьма мало материалов: Толстой был большим аристократом духа и не любил копаться в разной гадости.

13 февраля. Все еще не выхожу из дома. Продолжаю читать Лескова да пишу два—три письма в день моим корреспондентам — вот и вся моя работа.

Заметил сегодня, что сказал как-то доктор Розанов, одна из центральных фигур романа «Некуда», про старых русских «нигилистов». Вот это пророческое сказание: «Но зато, вот помяните мое слово, проснется общественное сознание, очнутся некоторые из них самих, и не будет для них на русской земле людей поганее этих Красиных; не будет ни одного из них, самими ими не разоблаченного и не заплеванного». Кажется, Лесков предугадал даже фамилии будущих большевицких знаменитостей.

За романом «Некуда» собираюсь прочесть роман «На ножах», а там, если Бог даст, доберусь и до романа Писемского «Взбаламученное море».

14 февраля. Получаю сейчас пять газет. Это «Наша Заря», «Наша Газета», «Слово», «Голос Азии» и «North China Star». Этого достаточно, чтобы быть в курсе русской эмиграционной жизни в Китае.

15 февраля. Японская газета «Голос Азии» переименована в «Возрождение Азии». Газета передана издательству М.Юрьева¹. Кто такой Юрьев, не знаю, м[ожет] б[ыть], псевдоним.

Кажется, приближается день, когда Япония выйдет из Лиги Наций. В Вашингтоне ожидают, что война из-за Маньчжурии неизбежна и что в скором времени Япония объявит блокаду китайских портов.

16 февраля. Газеты сообщают о голодных беспорядках и восстаниях в Советской России. Будто бы большие беспорядки произошли недавно и в нашем родном Иркутске. Всегда не знаешь, насколько верно все сообщаемое о теперешней России.

17 февраля. Все мои болезни порой приводят меня в отчаяние. Я несу наказание: м[ожет] б[ыть], за свои и чужие грехи. Несмотря на произведенную операцию, мой больной палец все еще продолжает находиться в воспаленном состоянии и мешает выходить из дома. Если я еще и не теряю бодрости духа, то этим я всецело обязан моей жене, которая не перестает внушать мне надежды на поправление.

Прочел сегодня в «Слове» заметку под заголовком «Сроки приближаются». В этой заметке приведены выдержки из журнала А.Ф.Керенского «Дни», представляющие из себя результат опроса некоторых иностранцев, возвращавшихся в Европу через польско-советскую границу. В пяти ответах можно найти следующие заявления:

В первом: «Существование большевиков уже кончается. Они пережили самих себя».

Во втором: «Большевистская власть уже кончается, ибо для нее выход закрыт тупиком материальной разоренности всего, что создает власть и государство».

В третьем: «Власть коммунистов уже кончилась. Россией фактически управляет голодная деревня, которая ведет за собой власть».

В четвертом: «Падение власти predetermined завершающимся кругом событий...» «Она кончится драматически...» «В России назревают сложнейшие события».

В пятом: «Неожиданность событий в России для меня не будет предметом удивления. Но когда все это произойдет? Может быть, сегодня, а может быть, завтра. Эти сегодня и завтра я исчисляю при определенных условиях в месяцы, а при том, что происходит сейчас, даже в недели...»

Читая ответы такого рода, и веришь, и не веришь. Когда же, наконец, будут ясные ответы на проклятые вопросы: пошли ли большевики в своем русском эксперименте против истории и против здравого смысла? Были ли правы они, красные, или мы, белые?

¹ Кояма Ю. К читателям // Возрождение Азии. 1933. № 1 (15 февр.).

18 февраля. В получаемой мной из Харбина «Нашей Газете» начинаю различать сибирские областнические тенденции. Это было для меня неожиданным открытием. В № 36-м газеты от 12 февраля крупным шрифтом напечатано: «Пятнадцать лет тому назад была собрана Сибирская областная дума¹. Пятнадцать лет тому назад население Сибири выразило свою волю. Этому событию и посвящается настоящий номер нашей газеты».

На сибирские темы напечатано: «Пятнадцать лет тому назад» (передовица), «Полустанок», «Два первых века Сибирской истории» и «Рост сибирского самосознания в XIX веке». Как будто вновь возрождается к жизни лозунг: «Через свободную Сибирь — к Великой России!» Придется запросить знакомых харбинцев, что это такое — «Наша Газета» и почему ее редактором является англичанин S.V.L. Atkins.

19 февраля. Роман Лескова «На ножах» мне не понравился. Он не обладает художественными достоинствами и слишком надуманный. Идея романа, что из среды революционных деятелей могут выходить подлецы высокой марки, не вызывает возражения. Она доказана теперь самой русской революцией и всем бытом. Впрочем, окончательного мнения о романе «На ножах» я еще составить не могу, так как пока прочел только еще три части романа, т.е. половину его.

Воскресный сегодняшний день провел скучновато. Публика здесь уже начала ходить по гостям на блины, поддерживая русские традиции широкой масленицы.

20 февраля. Получил сегодня письмо от редакции журнала «Парус»². Меня извещают, что журнал будет выходить ежемесячно в дальнейшем. Это было приятно узнать. Редакция просит меня продолжать сотрудничать. Не знаю, смогу ли я это сделать, так как сотрудничество предполагается таким, каким было до сих пор, т.е. бесплатным.

Днем через Тяньцзинь проехал в Пекин шут гороховый (с мировым именем) — Бернард Шоу. Этот мерзавец сздит по свету еще с небитой мордой. Когда-нибудь же он должен будет получить возмездие за свой варварский цинизм, если только не околет скоро от старости! О, Боже! Прости меня за злоречие, но я не могу выносить этого человека!

21 февраля. Жена начала перепечатывать на машинке мою рукопись «Албазин и Албазинцы». Рукопись эта — около пятидесяти страниц. Думаю отправить ее в Шанхай. Зашел ко мне на минуту владыка Виктор с прощальным визитом. Мы тепло простились. Вечером владыка уезжает в Шанхай, к новому месту своего пастырского служения.

22 февраля. Праздник Св[ятого] Иннокентия. С уроками у нас с женой пока слабо. Имеем всего четырех учеников, и наш заработок за февраль составит всего только девяносто долларов. С первого марта у жены прибавляется еще одна ученица, и, может быть, я возобновлю свои занятия с Чжан Гоченом. Тогда наш заработок возрастет до

¹ Сибирская областная дума создана на Чрезвычайном областном общесибирском съезде (6—15 дек. 1917). 10 ноября 1918 самораспустилась.

² Парус: Лит.-полит. журн. Шанхай, 1931. № 1. Редактор-издатель Д.И.Густав.

145 долларов. Это, конечно, тоже мало. Одно утешение, что в тяжкую пору мировой депрессии мы все же имеем некоторый заработок и не состоим в рядах безработных.

Придется налечь на литературу. Пока на 1933 год у меня в этом отношении еще не сложилось определенного плана. Может быть, я засяду за обработку мемуаров Д.П.Першина, чтобы затем продать их в Америке и поделиться со «стариканом» гонораром. Может быть, то же самое можно будет сделать с мемуарами Зубца, относящимися к его службе в китайских войсках. С этими мемуарами я познакомился во время моего недавнего пребывания в Пекине. Автор согласился предоставить их мне для литературной обработки. М[ожет] б[ыть], я предприму собиранис материалов, относящихся к вторжению белых армий в Китайский Туркестан и Монголию в 1920—21 годах и их рассеянию здесь. Эти материалы могут относиться к армиям и отрядам атамана Дутова, атамана Анненкова, Бакича, Кайгородова, Унгерна, Казагранди и др. Если материалов будет достаточно, можно будет за-сесть за их обработку и написать статью. Статья может тоже уйти в Америку.

[Перечеркнута 21 строка. — Прим. А.А.Хисамудинова.]

Сегодня совершил по городу свою первую прогулку пешком.

23 февраля. После перерыва в два месяца побывал у Чжан Гочена. Он подарил мне на память свою новую, недавно вышедшую из печати книгу. В переводе с китайского заглавие этой книги следующее: «Общее положение СССР. Китайско-Советские отношения». В настоящее время Чжан Гочен готовит для печати статью о русской эмиграции в Китае. В этой статье он выдвигает вопрос об организации в крупных центрах Китая Особых бюро по делам русской эмиграции, с участием в работах этих бюро представителей эмиграции, и рекомендует китайскому правительству воспользоваться услугами русских специалистов в интересах Китая, памятуя пример Петра Великого, усиленно приглашавшего иностранцев на русскую службу. Проект этот, несомненно, имеет свои положительные черты.

За мое отсутствие Чжан Гочен опубликовал в китайской печати ряд своих статей, из коих некоторые содержали в себе предложения новых правительственных мероприятий. Одно из этих предложений уже принято правительством Китая, оно относится к учреждению Правительственного бюро по делам торговых сношений с СССР. Идея — противопоставить советской монополии внешней торговли правительственную организацию Китая, помимо которой ни один китайский коммерсант не сможет вступить в торговые сношения с Советской Россией.

Как видно, ум Чжан Гочена работает отлично, и этому молодому деятелю Китая, воспитаннику русской школы, присуща инициатива. Возможно, он пойдет еще далеко вперед, и еще исполнятся слова китайского гадателя, о котором я писал как-то ранее.

Получил письмо от Д.П.Першина из Калгана. Старик жалуется, что его положение отчаянное. Поговорю с Ф.С. Москвитиним, и мы устроим ежемесячную подписку в пользу Д[митрия] П[етровича]. Тяжка должна быть его такая одинокая и бедная старость на чужбине!!

24 февраля. Надвигаются грозные события, начало которым кладут японцы своим военным вторжением в Джехол.

25 февраля. Телеграф принес известие о смерти архиепископа Симона в Шанхае¹. Царство небесное почившему! Понемногу уходят с этого света ветераны Русской Духовной Миссии в Китае. Я знал хорошо покойного, когда он был еще архимандритом. Это было в мой первый приезд в Пекин в 1920 году, когда я нашел приют в стенах Духовной Миссии. Архимандрит Симон оказал тогда большое внимание нам с женой и приложил немало усилий, чтобы лучше устроить нас в одной из келий монастырского общежития Миссии. Вспоминая теперь покойного, я могу засвидетельствовать, что это был монах в полном смысле этого слова, человек не от мира сего, далекий от тщеславия и честолюбия и прочей людской суетности. Порой мне приходилось видеть огонек в покоях архимандрита в поздние часы, и я уже знал, что это смиренный инок на колених перед образами молится Всевышнему. Последний раз я видел покойного владыку и получил от него благословение на весеннем выпускном празднике Русской прогимназии здесь в прошлом году.

Сегодня — яркий солнечный день, и я сделал хорошую прогулку по улицам Тяньцзиня. Зашел в магазин «Знание», где просмотрел свежеполученный номер шанхайского «Паруса». В нем напечатаны два моих рассказа из китайской жизни: «Четырнадцатая наложница» и «Отвоеванное благополучие». Последний рассказ имеет кое-что общее с фольклорным сюжетом из лесковского романа «На ножах», недавно мною прочитанного. (Глава «Живой огонь» из шестой части романа.)

26 февраля. Воскресенье. До обеда успел побывать на выставке картин художницы М.А.Мулликин в Court Hotel. Выставлено 60 полотен, все с китайскими сюжетами. Многие картины мне чрезвычайно понравились по обилию в них мягкого, ласкового света.

После полудня был все время дома. Часам к 5-ти у нас были гости. Я долго играл в шахматы с Д.М.Тобоковым, сибиряком-алтайцем. Вечером жена отправилась в театр «Gaucty» посмотреть оперетту «Баядерка» в исполнении харбинских гастролеров.

27 февраля. Началось наступление японцев на Джехол. Япония выходит из Лиги Наций. Вот главные события политического момента. Мир с тревогой ожидает дальнейшего развития дальневосточного конфликта. В Тяньцзине пока наружно спокойно. Зазвучал здесь грустный великопостный звон колоколов русских церквей.

28 февраля. Сегодня жена получила письмо (открытку) от ее сестры, Валентины Николаевны Петровой, из Иркутска. Письмо было направлено по адресу квартиры, где мы жили более трех лет тому назад. Жена давно не получала писем от сестры и уже считала, что ее нет на этом свете. И вдруг пришло письмо. Вот что написано в нем: «Дорогая Шура! Вот уже два года, как я не имею от тебя известий, да и сама все не соберусь тебе написать. Я временно уезжала из Иркутска. Теперь опять здесь, на прежней службе. Живу хорошо,

¹ Кончина архиепископа Симона: (Некролог) // Хлеб Небесный. 1933. № 3. С. 24—

здорова. Беспokoюсь, как ты живешь и как твое здоровье. Если у тебя есть возможность, пошли американских долларов по следующему адресу: Иркутск, Торгсин (и мой адрес). Это великолепный магазин, где все можно иметь на иностранную валюту. Больше пяти долларов единовременно не посылай. Я не знаю сейчас твоего материального положения. Может быть, для тебя это затруднительно, тогда не беспокойся, обойдусь. Буду ждать от тебя с нетерпением письма, а пока крепко целую. Твоя сестра, Валя».

Выражения «живу хорошо», «это великолепный магазин» мы поняли так, как и следует их понимать применительно к советской обстановке. Когда-то жена более или менее регулярно переписывалась с сестрой и время от времени посылала ей деньги, но затем посторонние люди из Иркутска сообщили нам о необходимости прекратить посылку писем и денег, т.к. это может повредить сестре и она может лишиться даже службы своей. Корреспонденция была прекращена.

1 марта. С утра пошел густыми хлопьями снег. После чая я долго сидел на кресле и с большим удовольствием смотрел на танец снежных пушинок. Это так редко бывает здесь, а мы, сибиряки, так любим снег...

Телеграммы [зачеркнуто: газеты. — Прим. А.А.Хисамутдинова] принесли известия о пожаре в здании Германского рейхстага. Нельзя не признать этот пожар симптоматическим. Может быть, последуют большие события в Германии, где нужно ждать взрыва от накопления больших враждебных друг другу сил на крайних полюсах политической жизни страны.

Газета «Возрождение Азии» печатает сумбурные статьи, стремящиеся посеять панику: скоро-де китайцы выржут всех иностранцев в Тяньцзине. Нет теперь никакой узды для русских газетчиков: пишут белиберду, какая кому взбредет в голову. О том, что такое газетная этика, давным-давно забыли. Печальная действительность, тусклое бытие, заплесневелая общественность. Бежать из болота? Но куда? Да и для того, чтобы бежать, прежде всего нужно здоровье. Вопрос: будет ли лучше в других местах?

2 марта. В Германии отменено действие конституционных гарантий и устанавливается диктатура Гитлера. М[ожет] б[ыть], это поведет к рассечению того мирового гордиева узла, который так крепко был завязан русскими коммунистами.

Пришедший из Шанхая номер «Слова» от 27 февраля имеет вверху крупный заголовок, который содержит следующее: «События в Сибири меняют сложившуюся международную обстановку». Газета содержит заметку о том, что генеральный консул Соединенных Штатов в Харбине, г[осподин] Хэнсон, был запрошен своим правительством о событиях в Сибири. В своем ответе Хэнсон будто бы сообщил, что в Сибири сложилась крайне тревожная и напряженная обстановка. По мнению американского консула, правительство Советского Союза переживает в настоящий момент острый кризис, исход которого неизвестен, поэтому правительству Соединенных Штатов следует повременить с признанием СССР до тех пор, пока сложившаяся в Сибири обстановка окончательно не прояснится.

В номере «Слова» от 26 февраля приведены сведения о сибирских восстаниях против большевиков. Эти сведения относятся преимущественно к Алтайскому району. И веришь тому, что напечатано, и не веришь. Неужели, о Господи, проснулся русский народ и, окончательно отрезвев от коммунистического угара, взялся за свою знаменитую дубину?!

3 марта. Жена засела за печатанье на машинке моей рукописи «Албазин и Албазинцы». Вероятно, я пошлю эту рукопись для издания в Шанхай.

Понемногу начали у нас прибавляться ученики. В марте наше материальное положение уже будет несколько лучше, чем оно было последние два месяца.

Сижу больше дома, почти нигде не бываю. Вечера обычно коротаем втроем: я, жена и наша квартирантка Н.В.Семенова. Порой к нам присоединятся наш новый друг И.Н.Головко-Улазовский. Последний скоро уезжает в Харбин.

4 марта. Сегодня «Возрождение Азии» вечером выпустило экстренный бюллетень со следующими сенсационными заголовками: «Полный развал китайского фронта. Город Жехэ взят японцами. Блестящая операция японских войск. Бунт китайских войск между Пекином и Жехэ. Китайский корпус сдался японцам в районе Шанхайгуаня». Если это так, то для Пекина могут скоро наступить тяжелые дни: деморализованные китайские войска могут ворваться и начать в нем оргию грабежа. Сенсационные новости часто, впрочем, бывают преждевременными. Надо ждать проверки.

5 марта. Воскресенье. В Соединенных Штатах назревает банковский кризис. Так далеко, однако положение это вызывает мое беспокойство: последние свои сбережения я держу в одном из местных американских банков (The National City Bank of New York). Поневоле начинаешь чесать затылок. Новому президенту Штатов, Рузвельту, достается тяжкое наследство...

6 марта. От событий голова идет кругом. Не знаешь, на чем сосредоточить свое внимание. Катастрофическое поражение китайских войск в Жехэ, подход японцев к Северному Китаю, советский хозяйственный кризис, бурная перемена обстановки в Германии, тяжкий финансовый кризис в Америке. Кажется, кризис мировой хозяйственной и политической жизни достигает своей высшей, критической точки. Есть, над чем пораздуматься. Как это еще давно заметил Ключевский, критические эпохи в истории заставляют людей значительно более шевелить своими мозгами, чем это они делают в обычное, тихое и спокойное время. Планетарная эпоха! Апокалипсическая.

7 марта. Был сегодня в местном отделении Национального Городского Банка Нью-Йорка. Большого беспокойства среди клиентов банка не заметил. Немного паникуют только китайцы, выбивают назад вклады. Пришла какая-то пожилая русская женщина, подала кассиру свою книжку сберегательного счета и сказала по-китайски: «Тунтун ванли!» Т.е. давай обратно все деньги, что остались еще на счету!!!!

Я взял со своего сберегательного счета часть своих денег и ушел из Банка: взять все не решился — не хотелось попасть в число паникеров.

Это было лет 7—8 тому назад, когда однажды в кругу друзей мы дебатировали вопрос о том, может ли крахнуть Банк Нью-Йорка, один из больших банков мира. Я сказал тогда: «Ну, если этот банк лопнет, конечно: мировой катастрофы не миновать». Мог ли я тогда думать, что нечто близкое к этому все же случится и в не так далеком будущем.

8 марта. Здоровье все не налаживается: опять начал прихрамывать на левую ногу. Лишаюсь удовольствия длительной прогулки по воздуху. Как поправиться, ума не приложу. От скуки вечером уплелся на оперетку «Голубая Мазурка».

9 марта. Ажиотация с изъятием вкладов в местном отделении Банка Нью-Йорка как будто улеглась. Всего же за дни паники из Банка было изъято до полмиллиона серебряных долларов. Свыше 150 000 долларов было снято со сберегательных счетов. «North China Star» пишет сегодня, что в кладовых Банка хранится свыше 7 миллионов серебряных долларов. Банк, кажется, с большой охотой разгружал себя от серебряных запасов.

10 марта. Мои занятия с Чжан Гоченом сводятся теперь к штудированию вопросов советской пятилетки. Он читает мне вслух одну советскую книжонку, посвященную пятилетке, и расспрашивает меня о тех местах, кои кажутся ему не совсем понятными. Прочитанное он переводит затем дома на китайский язык, прибавляя к советскому изложению свои комментарии. Эту свою работу Чжан Гочен предполагает издать особой книгой.

Вечером я был на собрании русского Литературно-научно-философского кружка и слушал лекцию А.А. Орлова на модную теперь тему о технократии. Слушателей было человек двадцать. Не скажу, чтобы я составил себе отчетливое представление об идеях технократии.

11 марта. Был сегодня утром в советском «Центросоюзе». Устроил перевод 5-ти америк[анских] долларов в Иркутск на Торгсин, в адрес сестры жены В.Н. Петровой. На китайские деньги этот перевод обошелся мне в сумму 23-х долларов 75 центов. Пользуясь этим переводом, адресат сможет получить в Торгсине различных продуктов, по своему выбору, приблизительно на десять червонцев.

12 марта. За последние дни начал отыскивать «сибирское» в русской литературе. Прочел сибирские рассказы Елпатьевского. Некоторые из них мне очень понравились. Теперь читаю сибирские же рассказы Мамина-Сибиряка. Дальше думаю возобновить в памяти рассказы Короленко, Тана и др[угих] писателей, пользовавшихся сибирскими сюжетами. Если иметь затем в виду некоторые произведения Достоевского, Лескова, то кажется мне, что при желании можно было бы составить хорошую сибирскую хрестоматию.

Не знаю, доживу ли до того времени, когда Сибирь станет свободной страной, и я вновь увижу в сибиряках возрождение их областнических чувств. Ранее я был уверен в том, что я еще увижу свою дорогую Сибирь, но теперь эта уверенность моя сильно поколеблена, и это случилось не потому, что я стал считать проклятую советскую власть долговечной, а потому, что мое здоровье сильно пошатнулось

за последнее время. Чему быть, того не миновать. Если случится худшее из того, о чем я могу помышлять теперь, то я очень хотел бы, чтобы прах мой все же опочил когда-нибудь на родной земле.

13 марта. Получил для переработки рукопись В.А.Зубца «На службе в Китайской армии». Это воспоминания русского офицера, прослужившего ряд лет в рядах русской группы войск китайского маршала Чжань Цзу Чана [Чжан Цзучана], известного дубаня Шаньдунской провинции¹. Рукопись содержит интересный материал. Надеюсь, ее можно будет продать в Америку.

14 марта. Моя подписка ежемесячных взносов для поддержки Д.П.Першина успешно продвигается вперед и достигает сейчас суммы около 25 долларов.

Некоторое время тому назад Д[митрий] П[етрович] прислал мне свою рукопись о Монголии. К сожалению, она оказалась не того характера, как я заказывал ее автору. Я просил написать мемуары о жизни Д[митрия] П[етровича] в Монголии (примерно – 1916–1925 годы), надеясь продать эти мемуары в Европе или Америке. Я настойчиво говорил ветерану сибирской журналистики:

– Пишите только мемуары, о том, что Вы лично видели, слышали. Не надо никаких исторических справок, никакой экономики и статистики. Старик не внял все же моим указаниям и теперь прислал мне нечто вроде историко-политического очерка Монголии. Мне пришлось писать Д[митрию] П[етровичу] и снова просить его засесть за мемуары.

15 марта. 2-е марта по старому стилю – день рождения жены. Этот семейный праздник не справляли, но к вечеру собралось все же человек десять гостей. Скромно поужинали и выпили чайку. Я досыта поиграл в шахматы. Часам к 12-ти ночи гости пошли по домам.

16 марта. Сегодня собрался, наконец, с силами, отправился к дантисту Эдеру и выдернул три плохих зуба. Надо было выдернуть одиннадцать зубов, пока же решил только на три. Перед самой операцией меня начала было трясти нервная лихорадка, но вскоре же я взял себя в руки. Моя болезнь, *piorrhoea alveolaris* (воспаление зубных ячеек), мучает меня с 1927 года. Почти все зубные врачи признают ее неизлечимой. Насколько я смог наблюдать, этой болезнью болеют весьма многие. Радикальное лечение ее – это удалить все зубы.

¹ Русские эмигранты, имевшие военный опыт, часто участвовали в китайских конфликтах. Около 3 тыс. человек служили в качестве наемников в составе армии Шаньдунского губернатора генерала Чжан Цзучана (с лета 1924). Формированием отрядов в г. Цинаньфу занимался Н.Д.Меркулов и командир К.П.Нечаев, они получили название Отдельной бригады Авангардной группы войска маршала Чжан Зо-лина (Мукденского), затем 106-й полк. В его составе находилась конница (около 400 сабель), бронепоезда (1-й дивизион – «Пекин», «Тайшан», 2-й дивизион – «Шаньдунь», «Хонань», 3-й дивизион – «Чендженъ», «Чендянь»), авиасоединение и интендантство. Прошли с боями от Мукдена до Шанхая и от Тяньцзиня до Калгана, воевали в Северном Китае. Частично идеологической основой Русского отряда было противодействие коммунистическому влиянию в Китае и желание объединить бывшие белые военные части. В ноябре 1928 г. расформирован. Помимо убитых и захваченных в плен похоронено в Цинаньфу около 2 тыс. русских.

17 марта. Побывал сегодня на винодельном предприятии А.Гнадеберга. Он prepares вина из местного винограда. В прошлом Гнадеберг — управляющий лесными дачами имения Орлова-Давыдова в Самарской губернии. В послереволюционное время он много лет прослужил в советизированной Монголии, где работал также по лесной части. Года три тому назад он выбрался из Монголии, съездил ненадолго к себе на родину, в бывшую русскую Прибалтику, и затем вернулся в Тяньцзинь, где организовал боардинг-хауз и основал винодельное предприятие. Вина его марки разных сортов пока хорошо расходятся на местном рынке ввиду их хороших качеств и дешевизны. Производство — пока небольшое, носит кустарный характер, но весьма показательно как проявление русской инициативы. В доме Гнадеберг меня приняли радушно, угостили обедом и отличным вином.

18 марта. Почти все мои знакомые постыятся, говсеют, каются в грехах и причащаются. Я же, грешный, много-много лет не придерживался этого великопостного обыкновения. Каюсь в этом и в других моих грехах, и да простит мне их Господь Бог.

19 марта. После зубной операции моим ногам стало легче. Кажется, доктор Прентис в Пекине был прав, когда посоветовал мне удалить зубы.

20 марта. Скверная, мрачная погода. Плохое настроение. На политическом горизонте — мертвый штиль, мелкая зыбь. Не затишье ли перед бурей?

Моя корреспонденция почему-то заглохла: за последнее время получаю мало писем. Пришло сегодня извещение, что мой реферат на тему «О шаманизме в Китае» назначен к чтению в местном Литературно-научно-философском кружке на пятницу, на этой неделе, 24 марта, в квартире Н.А.Жебрак. Хочу прочесть этот реферат, чтобы услышать какие-либо возражения, разъяснения, дополнения. Тороплюсь прочесть его, ибо, кажется, он скоро будет напечатан в № 11-м шанхайского журнала «Парус».

21 марта. В газетах промелькнули сведения об аресте японцами в Маньчжурии некоторых выдающихся деятелей русской эмиграции. Такие аресты произошли в Мукдене и Харбине, где объектами внимания японской разведки стали представители генерала Хорвата как главы русской эмиграции на Д[альнем] Востоке. Подробности неизвестны. Ходят слухи, что арестованным вменялось в вину шпионство в пользу маршала Чжан Сюэяна. Едва ли можно сомневаться в том, что обвинения такого рода абсурдны. Видимо, японцы в Маньчжурии проявляют излишнюю нервозность. В некоторых кругах эмиграции здесь, в Тяньцзине, считают, что эти японские аресты белых в Маньчжурии надо относить на счет политических интриг атамана Семенова. На чем основаны такие предположения, не знаю.

22 марта. В Тяньцзине некоторыми русскими деятелями затевается организация какого-то нового общества. Кажется, это будет Эмигрантский союз. Я получил приглашение пожаловать завтра на организационное собрание, созываемое по поводу учреждения этого Союза. М[ожет] б[ыть], ради любопытства я и пойду на него...

23 марта. Гроб с прахом усопшего Симона, архиепископа Пекинского и Китайского, прибыл сегодня рано утром в специальном вагоне в Тяньцзинь. На вокзале была отслужена лития в сослужении епископа Виктора и о[тца] прот[оиерея] Рождественского, нового настоятеля местной Покровской церкви. Останки почившего архиепископа были отправлены затем в Пекин, где и будут погребены в той же церкви, где нашел свое упокоение не так много времени тому назад и митрополит Иннокентий.

Кто будет теперь начальником Русской Духовной Миссии в Пекине, пока неизвестно. Временно исправление обязанностей начальника Миссии возложено на епископа Виктора.

24 марта. Был вчера вечером на собрании учредителей Союза эмигрантов. Долго высидеть на нем не смог. Для меня стало ясно, что скрытая цель учредителей Союза — подорвать существование местной Русской национальной общины. Это интрига местных мелких честолюбцев с обиженными амбициями. Послушал я с десятков ораторов: стало тошно, и я уплелся домой, как раз к моменту, когда началось обсуждение проекта устава Союза.

Получил письмо от А.Г.Грызова из Харбина. В этом письме мой корреспондент сообщает, между прочим, небезынтересные сведения о «Нашей газете»¹. По его информации, «Наша газета» — газета Моравского* и его «Совета уполномоченных автономной Сибири»², каковой не нужно смешивать с другим таким же Советом, руководимым М.П.Головачевым*. Моравский держится в тени. Ближайший сотрудник по газете и Совету — Борисов*. Atkins* — русский беженец, натурализовавшийся в Канаде и вернувшийся в Харбин. Теперь этот русский англичанин — управляющий делами Совета и ответственный издатель-редактор газеты. Фамилия его была ранее другая, фактическим редактором состоит В.Н.Иванов*. В числе сотрудников газеты состоят Е.М.Агапов*, когда-то близкий к покойному А.В.Сазонову* (сибирскому кооператору и политическому деятелю), педагог Пуцято* и другие. Общее мнение харбинских деятелей такое: «газета — под большим вопросом, чтобы не сказать более, — с определенной оценкой. Приносит дефицит. На какие деньги издается, неизвестно. Говорят, на японские, чаще говорят, на американские, говорят также, и на советские».

Письмо А.Г.Грызова содержит также некоторые не лишённые интереса сведения об арестах японцами белых русских в Харбине. Об Обществе Сибиряков имеются следующие пессимистические строчки: «И вообще, что-то с Обществом творится: оно как-то замерло, и как будто им никто не интересуется. Даже на собраниях Правления посещаемость слабая...»

В Шанхае, я думаю, деятельность О[бществ]а сибиряков также очень слабая. В Тяньцзине я даже не решаюсь организовать таковое: не нахожу почвы для этого. М[ожет] б[ыть], все это происходит по-

¹ Выходила в течение 4 месяцев. После этого газету купила РФП.

² Совет уполномоченных автономной Сибири (СУАС). Деятели А.В.Сазонов (председатель), В.И.Моравский, М.П.Головачев, А.А.Пурин и др.

тому, что сибирский областнический вопрос в настоящее апокалипсическое время — это мелочь, маленькая частность. Он мало может заинтересовать кого-либо перед лицом той зловещей действительности, которую являет собою Советская Россия настоящего дня.

25 марта. Вчерашний мой реферат на тему «О шаманизме в Китае» на закрытом заседании Литературно-научно-философского кружка привлек человек двадцать слушателей. По его прочтении состоялся небольшой обмен мнениями. После заседания член кружка М.В.Тарле (брат проф[ессора] Тарле, историка) пригласил меня к нему в дом поужинать. Кроме меня на ужине были супруги Жебрак, М.П.Степанова, Е.П.Рождественская и один немец, фамилии коего я не запомнил.

26 марта. Воскресенье. Сегодня в Пекине хоронят почившего Симона, архиепископа Пекинского и Китайского. Из Тяньцзиня на похороны выехало несколько человек, представителей местных общественных организаций.

27 марта. Один океанский пароход высадил в Чинвандао 160 иностранных туристов. Сегодня эти туристы на рикшах разъезжали по Тяньцзиню и знакомились с городом. Передают, один турист из Лос-Анджелеса, осматривая Тяньцзинь, сказал: «Депрессия, очевидно, не коснулась этого города...» Как нужно было понимать эти слова? М[ожет] б[ыть], здесь, в нашем Тяньцзине, не видать продовольственных хвостов? Нет толп голодных и плохо одетых людей? Все на свете, конечно, относительно. Возможно, депрессия в Америке называется много сильнее, чем в Китае.

28 марта. Отправил сегодня очередные посылки в Русский Заграничный Исторический архив в Прагу и в Воснную библиотеку Хувера в Америку.

Из Праги давно нет писем. В этом году должно выйти из печати юбилейное издание: отчеты Архива о его деятельности за десять лет: 1923—1932 годы. Когда-то я переписывался с И.А.Якушевым*, бывшим председателем Сибирской областной думы, теперь проживающим в Праге. Но он как-то, совсем неожиданно, оборвал свою переписку со мной, на что-то обидевшись. Стороной я слышал: он рассердился на меня за то, что я отослал часть своего личного архива на хранение в Р[усский] З[аграничный] И[сторический] архив и пренебрег организованным им, Якушевым, Сибирским архивом. Повод для прекращения переписки мелкий и ничтожный. Кстати сказать, на днях я получил из Харбина основанный Якушевым журнал «Сибирский Архив», книгу IV-ую. Содержание книги таково: И.Я.Якушев. К 350-летию Сибири. А.Меньшиков. Практика Приморского Земства. Материалы и документы. Библиография. Письмо Харбинского Общества Сибиряков. Анкета о Сибири. Из библиографических заметок «Сибирского архива» я узнал, что советским Сибирским Краевым Издательством в Новосибирске выпущены из печати тома I и II-ой Сибирской Советской Энциклопедии (пока на буквы А—К)¹. У меня явилось же-

¹ Сибирская Советская энциклопедия / Под общей ред. М.К.Азадовского, А.А.Ансона, М.М.Басова и др. Новосибирск: Сиб. кр. изд-во. Т. 1. 1929; Т. 2. 1931; Т. 3. 1932.

лание приобрести вышедшие тома энциклопедии¹. Попробую сделать это через Харбин. Если это не удастся, придется обратиться к содействию Книжной Экспедиции и Общества Сибиряков в Чехословакии.

29 марта. Как будто я обленился. Никак не могу усесться за свои литературные занятия. Пора приняться за обработку мемуаров А.В.Зубца. Пока что с ними знакомится жена. Она находит, что описательная часть мемуаров хороша, слабы рассуждения.

30 марта. В сегодняшнем номере японской газеты «Возрождение Азии» по поводу ареста японцами белых русских в Маньчжурии напечатано следующее: «Арест группы белых эмигрантов был произведен не по ложным доносам японо-маньчжурским властям, в которых последние прекрасно разбираются, и не по наговору безответственных лиц на почве личной мести или провокации, что также прекрасно уясняется властями, а по ряду сгруппированных фактов, подтвержденных последними данными. Те же материалы, которые были получены путем обыска у некоторых арестованных, только окончательно установили темную работу, которую проводили известные русские лица. Японо-Маньчжурские власти никогда не относились пристрастно к белым русским, и то, что было установлено, не менее поразило их, как и широкие русские массы; а потому, как ни печально, но приходится отметить, что русские белые очень ошибаются, голословно утверждая, что в их среде нет темных людей, готовых за деньги нарушить все человеческие ценности — идею, дружеские основы и честность в отношении тех, кому они заявляли о братских чувствах».

Для того чтобы сделать заявление такого рода, надо обладать соответствующим фактическим материалом, и притом солидного характера. Обладает ли им газета, сомневаюсь.

Мне приходилось по моим архивным делам несколько раз бывать в редакции газеты. Помещение редакции и типография при ней помещаются на Японской концессии, в небольшом двухэтажном домике по Акаши-род. Внизу размещена небольшая типография; вверху — контора и редакция газеты. В газете работают постоянно всего только двое русских: это Пастухин и Булычев; кажется, оба амурцы родом. Первый — редактор газеты, заведующий и ее конторой, второй — корректор. В сущности говоря, Пастухин — это и есть вся газета. Некоторый газетный опыт он получил, когда одно время был репортером «Нашей зари». В последний мой визит в газету «Возрождение Азии» (раньше «Голос Азии») я застал Пастухина и Булычева за обедом: оба тут же, в помещении редакции, с аппетитом опустошали миску русского борща. Я почти умилился при виде этой картины и как-то невольно подумал: вот, кормятся же около японцев двое русских. И слава Богу! Надо же как-нибудь жить.

Не скажу, чтобы газета велась умело. Для русской публики она интересна постольку, поскольку иногда они желают узнать, что думают японцы, каковы их ближайшие политические планы. Удовлетворяет

¹ Запланирован очерк о нем: Серебренников Иван Иннокентьевич // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 4: Обдорск — съезды / Гл. ред. Б.З.Шумяцкий. Нью-Йорк: Norman Ross, 1992.

ли газета самих японцев, не знаю. По всему тому, что я мог наблюдать, она не обладает солидной информацией.

Эти строки я записал утром, после прочтения газеты, еще до девяти часов. В девять имел часовой урок по математике, затем отправился на обычную свою утреннюю прогулку по городу. На прогулке встретился с Ефимовым, бывшим офицером белой Оренбургской армии. Он пообещал мне занести завтра свои дневники, относящиеся к 1917–1921 годам, для просмотра¹.

Днем я повстречался на улице же с владыкой Виктором, прибывшим сюда из Пекина. Отдал ему для просмотра находившуюся при мне рукопись «Албазин и Албазинцы» и просил его содействия в том смысле, нельзя ли будет издать эту мою рукопись в Шанхае с какой-либо подходящей благотворительной целью. Владыка обещал подумать.

В половине пятого я отправился в английскую школу Grammar School на школьный акт, или Speech Day, как его называют здесь англичане. В актовом зале разместились приглашенные на торжество гости, на его хорах — ученики, на сцене — педагогический персонал школы во главе с директором ее, Mr. Yeates. Торжество началось с краткой речи директора. После нее последовало распределение наград учащимся. Затем сказал краткое же слово англиканский священник Mr. Scott (между прочим, большой друг русских детей). После этой официальной части педагоги ушли со сцены, и начались школьные представления, в промежутках между коими учащиеся на хорах пели английские песни под аккомпанемент рояля. Поставлены были две балетные [зачеркнуто: сцены. — Прим. А.А.Хисамутдинова] пьесы, один драматический этюд, несколько гимнастических упражнений, образцы ритмической гимнастики и детская пьеса: «The Old Woman who lived in a Shoe». Закончилось торжество исполнением знаменитой песни «Gaudeamus igitur».

В общем, я с большим удовольствием провел время на этом школьном торжестве. Кстати сказать, последние Кембриджские экзаменационные испытания прошли не так успешно, как это бывало ранее. Предварительные (preliminary) экзамены от имени Grammar School держало двадцать учеников, выдержало их семнадцать (из них русских 11, точнее евреев 9, русских 1 и эстонцев 1); младшие (junior) экзамены держало 27, выдержало их 19, в том числе русских 8 (4 русских евреев и 4 русских). Старшие (senior) экзамены, или экзамены на школьное свидетельство, держали 21, выдержали 13, в том числе русских 7 (4 евреев и 3 русских)... Эти цифры показывают, что средний итог успешности экзаменов дал только 72%.

На школьном акте сын генерала Вержбицкого получил спортивный приз — серебряный кубок — за первенство в школе на беге.

31 марта. Видел номер 11-ый шанхайского «Паруса». Моей статьи о шаманизме в Китае в нем не появилось. Значит, редакция журнала ввела меня в заблуждение, сообщив мне, что эта статья моя будет напечатана в ближайшей книжке.

¹ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10 (кн. 1: Дневник А.И.Ефимова, 11 марта 1921 — 3 янв. 1923). Л. 1–22.

Был у меня Ефимов, принес свои дневники: четыре полностью исписанные толстые тетради. Полагаю, они будут весьма интересны. На этих же днях засяду за их изучение.

1 апреля. Газеты приносят много сведений о преследовании евреев в Германии пришедшими к власти гитлеровцами, т.е. наци, социал-националистами, или, вернее, национал-социалистами. Кажется, евреи начали пожинать ту бурю, которую они посеяли своей поддержкой русских большевиков, коммунизма вообще. Умные люди, евреи все же пошли за своими глупыми лидерами. Находящаяся в руках евреев американская и иная пресса подняла шум по поводу антисемитской политики Гитлера, теперешнего диктатора Германии. Однако шум этот не производит такого впечатления, как это могло бы быть в предреволюционное время. Многие теперь радикально изменилось, и многое подверглось переоценке. Сами германские национал-социалисты — явление совершенно невозможное, скажем, двадцать лет тому назад. Недаром, и русские эмигранты из числа непреклонных монархистов сильно смущены. С одной стороны, они готовы рукоплескать Гитлеру как монархисту и антисемиту, а с другой — он все же выходит как будто бы и социалист. Как это все примирить? И как наши эмигрантские мудрые Эдипы разрешат эту загадку текущей современности? Загадок такого рода теперь много. А японо-китайский конфликт? Ведь это уже не конфликт, а настоящая война, и притом война без объявления войны. Тоже, кажется, своеобразный продукт нашей смутной действительности.

Теперь немного про *domo sua*. Жена усиленно готовится отпраздновать завтра день ее именин. Пригласила много гостей. Приводит в порядок квартиру, готовит угощения.

2 апреля. Именины жены. За день перебывало свыше сорока человек гостей, принесших жене поздравления и подарки. Среди подарков — много цветов. К ужину осталось десятка полтора гостей. Немного выпили и попели. Семейный наш праздник закончился около двух часов ночи.

3 апреля. Черствые именины. Жену навестили сегодня еще свыше десятка ее друзей и знакомых. Я немного утомился от гостей и потому удрал с 4-х часов дня в кафе Карацаса, где и провел время за шахматной игрой до девяти часов вечера.

Мои архивные материалы прибавляются: принсс мне для просмотра свои записки полковник Сокольницкий. Обещали занести еще свои дневники Савинцев* и Мокроусов¹. Кроме сего, я получил на днях для использования по своему усмотрению интересные фотографии: от г[осподина] Гнадеберга снимки, относящиеся к Внешней Монголии, и от г[осподина] Селивановского — снимки тибетские, относящиеся к знаменитому ламаистскому монастырю Лаврану.

Публика как-то нервно настроилась по отношению к действиям японцев в Маньчжурии, их арестам и обыскам белых русских деятелей. Откуда-то поползли слухи, что полк[овник] М.А. Михайлов был не только арестован японцами, но еще и расстрелян. Жена его (ирку-

¹ Дн. Мокроусова см.: ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10. Л. 22—43 об.

тянка, урожденная Перетолчина) сильно расстроена этими слухами, она уже больше месяца не получала от мужа никаких сведений и писем. В доме Гнаденберга мне сказали, что будто бы японцами арестован по дороге из Тяньцзиня в Харбин наш новый друг И.Н. Головко-Улазовский.

Насколько верны все сведения и слухи такого рода, никто не знает. Во всяком случае они характерны и симптоматичны. Никто не может объяснить причин японской подозрительности. Может быть, время разъяснит все это.

4 апреля. Записки Сокольницкого написаны, кажется, весьма интересно. Они содержат историю действий в Монголии русского белого отряда Кайгородова.

Начал сегодня стилистическую отделку мемуаров Зубца. Этим я возобновил свои литературные занятия почти после трехмесячного перерыва.

Внизу, под моей квартирой, поселились новые жильцы, какие-то еврейчики. В одной из комнат они открыли магазин электрических принадлежностей. Я стал опасаться, не делается ли это с целью последующего поджога магазина, с намерением получить страховую премию. Сегодня поэтому я сам застраховал свое имущество в сумме двух тысяч мексиканских долларов. Кстати замечу, за прошедшую зиму произошло в Тяньцзине немало подозрительных пожаров, большей частью в помещениях и складах, занятых русскими евреями.

5 апреля. Сегодня в «Peking and Tientsin Times» я прочел одно сообщение, переданное по телеграфу из Берлина агентством «Transocean-Kuo-Min». Это сообщение гласило следующее: «Еврейско-большевистская агитация против Германии, отмечается здесь, проводится по всему миру как раз теми самыми газетами, которые никогда не находили слова протеста против Советского правительства, каковое за первые три года своего существования в России казнило в этой стране 1 860 000 человек, включая в это число 28 епископов, 1000 священников, 6000 учителей, 9000 врачей, 54 000 офицеров армии, 355 000 представителей интеллигенции, 815 000 крестьян и 60 000 жандармов и чиновников. Эти же газеты требуют теперь разрыва отношений с Германией, где еще не был казнен или побит ни один еврей». Это как раз то самое, что мы, русские эмигранты, давно уже отмечали в своих беседах. Стоит только ударить где-либо одного еврейчика по носу, сейчас же начинается по всему миру огромный гвалт. Сотни и тысячи русских антибольшевиков могут быть расстреляны или вырезаны коммунистическими чекистами, и едва ли кто из евреев выразит слово сожаления. Готтентотская мораль. Это то преступление евреев, за которым должно неизменно последовать и наказание. Мне отмщение, и Аз воздам.

6 апреля. Зацвели фруктовые деревья. Стали распускаться почки. Погода стоит, однако, все еще холодная. Весна нынче значительно запаздывает.

Вечером утащился ненадолго в Русский клуб, почитал там парижские «Возрождение» и «Последние новости». Уже давно не видел этих

газет. В клубе множество народа: сегодня там выборы новых пяти членов Совета старшин. Хотел побывать на заседании; но его объявили закрытым. Публика, по поводу выборной горячки, находится в ажиотаже. Борются преимущественно две группы. Одну из них можно назвать консульской, так как ею руководит бывший русский консул А.А.Орлов. Другая группа — это члены местного Военского союза. Благодаря игре в лото, клуб накопил значительные свободные средства: что-то около семи тысяч долларов. Распоряжаться таким фондом, конечно, находится тоже немало охотников.

7 апреля. Благовещение. В 8 часов утра вышел к чаю. Слышу: гудит пронзительная полицейская сирена: это значит, где-то на Английской концессии произошел вооруженный грабёж, и ловят преступников. Это полицейское изобретение, кажется, мало помогает делу: обыкновенно сирена начинает кричать, когда преступники покончили дело и порой уже успели скрыться далеко от места преступления.

Сегодня уделил много времени обработке мемуаров Зубца. Последний на днях должен быть в Тяньцзинь.

8 апреля. Мои шанхайские корреспонденты, А.Н.Васильев-Дубровский и А.А.Пурин совершенно замолчали. В течение двух последних месяцев я не имею от них ни одного письма. Какая тому причина, не знаю. Без писем как-то особенно скучно: чувствуешь себя уже совсем изолированно на этом свете, тем более что я и в Тяньцзине живу вне местной общественной жизни. Нет у меня здесь и таких знакомых, с которыми я имел бы общие интересы и мог бы по душам беседовать, несмотря на часы.

Вот и сейчас в нашем русском Тяньцзиньском большом волнении по случаю выборов старшин в Русском клубе: одни радуются, что на этих выборах одержал решительную победу Военный союз, другие опечалены этим обстоятельством и ждут едва ли не кончины мира по этому случаю, но меня вся эта суэта мало трогает и интересует.

Сию дома и тоже делаю весьма скучную работу: прочитываю и обрабатываю чужие рукописи. Делаю это по необходимости, надеясь, при удаче, что-нибудь заработать на этом. Может быть, удастся продать мемуары Зубца и Сокольницкого в Америку и что-нибудь от этой продажи отчислить для себя. Намреваюсь на днях же отправить в Америку для журнала «Asia» серию фотографий, надеюсь тоже что-нибудь подработать на этом. Волей-неволей приходится обращать свои взоры на Америку, раз так ненадежен становится наш с женой педагогический заработок здесь, в Тяньцзине.

Подумываю я и об издании моих мемуаров за 1917—1922 годы. Но осуществить эту затею в Китае довольно трудно. Как я ни думаю, надо будет для этого выехать в Шанхай. Там есть большие, хорошие русские типографии и достаточно емкий рынок для первоначальной продажи книги, особенно если рискнуть пуститься на эту продажу самому, обходя дома знакомых. Но выехать в Шанхай не так-то просто. Вероятно, если и будет нужно поехать туда, то придется это сделать осенью, когда погода станет попрохладнее. В жаркое лето в этот китайский Вавилон не стоит и соваться.

19 апреля. Вербное воскресенье. В три часа я отправился на футбольное состязание между командами «Великобритания» и «Россия». На груди у каждого русского футболиста красовался крупный круглый значок — двуглавый орел, с русской ленточкой из трех национальных цветов. В сегодняшнем состязании, однако, не в пример прошлому году, Россия проиграла со счетом 2 против 3. Англичане одолели русских игроков с большим трудом и напряжением. На состязании было множество зрителей.

Вечер провел дома, за литературной работой.

10 апреля. Газеты отмечают обострение отношений между японцами и большевиками на Китайской Восточной ж[елезной] д[ороге]. Возможно, японцы прервут сообщение дороги с Сибирью. Что происходит в Харбине, мы знаем плохо. Информация оттуда — крайне недостаточна, особенно у меня лично. Харбинская «Наша газета» почему-то перестала приходить в мой адрес. Жду писем из Харбина от И.Н.Головко-Улазовского...

11 апреля. Побывал сегодня у меня с визитом В.А.Зубец, приехавший сюда на пару дней из Пекина. Я уговорился с ним, что за исправление, обработку и перепечатку на машинке его мемуаров я получу половину той суммы, за которую удастся мне продать его рукопись в Америке.

Получил письмо из Токио от Г.И.Черткова, который подробно описал мне все свои недавние злоключения, происшедшие по поводу ареста его японцами.

12 апреля. Надумал вновь вступить в число членов Русского клуба. Приманкой для меня являются парижские газеты «Последние новости» и «Возрождение», получаемые читальней клуба.

Угощал сегодня В.А.Зубца обедом. Завтра он возвращается в Пекин.

13 апреля. Жена и наша квартирантка, Н.В.Семенова, сегодня заводят куличи. Им помогает Е.А.Лавдовская. По этому поводу в доме много хлопот и забот. Как-то куличи удадутся!

На прогулке зашел сегодня к доктору Чердынцеву и измерил, ради любопытства, давление крови. Прибор показал цифру: 180. Это все же много.

Ноги мои ходят значительно лучше. Это произошло после того, как я выдернул у себя четыре зуба. По-видимому, был прав пекинский дантист Прэнтис, сказавший мне, что зубы страшно отравляют мой организм.

14 апреля. Обработка мною мемуаров Зубца подвинулась вперед: я имею уже свыше ста обработанных мною и переписанных страниц. Хотя это и скучно — сидеть за перепиской чужого труда, но ничего не поделаешь: провоцируют соображения заработка. Во времени депрессии эти соображения приобретают большое значение.

Переписка моя с Америкой ослабла вообще и, в частности, по своему интересу. На днях посылаю в журнал «Азия» 75 фотографий

¹ NILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 5. На обложке написано: «И.И. Серебренников. Тяныцинь, 1933 год. Начат 9 апреля 1933. Кончен 25 мая 1934. Книга III».

Гнадеберга, относящихся к природе и жизни населения Внешней Монголии...

15 апреля. Страстная суббота. Заболело почему-то горло, и я сегодня весь день просидел дома. Немного поработал. Жена извелась в предпасхальных хлопотах.

16 апреля. Первый день Пасхи. Мне не хотелось делать визитов: тянуло не на людей, а от людей. Стали находить на меня такого рода настроения. Почему, я и сам путем не могу взять в толк. М[ожет] б[ыть], от долгого житья в Китае я уже стал психически ненормален.

Жена сидела дома и принимала визитеров, я же шатался по городу, пообедал в «Эдеме», долго дышал свежим воздухом в Victoria Park и, наконец, добрался до кафе Карацаса, где и просидел за шахматами до позднего вечера. За это время жена приняла около двадцати визитеров, среди них некоторые были у нас впервые.

Пришла почта, поздравления. Совершенно неожиданно от И.И.Гапановича* из Пекина получил его новую книгу, только что вышедшую из печати на русском языке: «Камчатские коряки»¹. Давно я уже не видел новых книг по Сибирике... Поэтому счел эту книгу прямо пасхальным подарком для себя.

17 апреля. Получил сегодня три письма: одно от Д.П.Першина из Калгана, другое — от А.К.Илькова* из Шанхая, третье — от доктора Фишера из Америки.

Д.П.Першин пишет нам: «Добрые, хорошие и милые земляки. Как грустно встречать Светлый праздник весны одному, на чужбине! Не слышно колокольного перезвона, не видно русских лиц, и, наконец, нет нарядных столов с куличами, яйцами, окороками и выпивкою, а главное всего, нет близких, тех близких, коих именуют друзьями, земляками... без них свет не мил. С Вами христосуюсь заочно. Ну, конечно, желаю всего того, чего вы сами себе желаете. За сотни верст христосоваться совсем не то, что лично; нет той “изюминки”, от которой шипит квас и выскакивает пробка. Хоть и без “изюминки”, но примите мое сердечное поздравление, дорогие земляки, с Великим праздником Воскресенья, с лучшими пожеланиями». Дальше Д[митрий] П[етрович] сообщает о получении от меня денежных переводов и говорит, что его здоровье поправляется, и потому он засел за мемуары, но еще не может вполне раскачаться. Обещает посылать мне его писания по частям.

А.К.Ильков пишет: «Давно я не отвечал Вам, потому что был поставлен своим диким хозяином-кавказцем в дурацкое положение перед Вами. Сначала он дал мне директивы: заводить знакомства и вообще сношения с авторами трудов по разным вопросам, а когда я, поддерживаемый всеми почитателями Ваших трудов, предложил издать Ваш почтенный труд — мемуары, то он отнесся более чем легкомысленно к моему предложению. В дальнейшем я узнал еще более милые качества “кабардинского ишака”, как называют его здесь, и решил в сравнительно непродолжительном времени оставить службу

¹ Гапанович И.И. Камчатские коряки: Современное положение племени и значение его оленьего хозяйства. Тяньцзинь, 1932.

у этого господина. Это человек, который своим самодурством губит свое собственное дело»¹.

Могу сказать, не очень лестный отзыв даст А.К.Ильков о господине Алтадукове* (если не ошибся я в фамилии), издателя газеты «Слово».

Не очень веселого содержания письмо получил я и от доктора Фишера, секретаря Военной библиотеки Хувера. Пожалуй, оно стоит того, чтобы воспроизвести его здесь. Он сообщает: «В ответ на Ваше письмо от 13 февраля сообщаю, что “Голос Азии” мы получили. Мы также получаем регулярно “Харбинское время”. Книга о Гражданской войне в Сибири нами еще не напечатана и не появится в печати в течение нескольких месяцев. Что касается Вашей статьи о Сибирском областничестве, то решение “Pacific Historical Review” нами еще не получено. В ответ на Ваше письмо от 6 февраля, я не могу обещать Вам, что Библиотека Хувера приобретет у Вас статью, которую Вы предполагаете написать о вторжении в Китай отрядов Анненкова, Дутова, Бакича и других. Я полагаю, что мы скорее дадим благоприятный ответ на приобретение документальных или других материалов, каковые Вы предполагаете использовать для Вашей статьи. Я не могу обещать, что мы приобретем у Вас даже эти материалы, но, конечно, мы будем рады обсудить этот вопрос, если их цена не будет слишком большая. Если Вы будете посылать нам эти материалы, то я рекомендую Вам выбрать из них документы, которые являются исключительной исторической ценностью. В случае если оригиналы этих документов получить невозможно, копии, правильность которых будет засвидетельствована, приемлемы для нас. Ввиду финансового положения мы должны урезать наши расходы в остающемся году...»

При таких условиях как будто мало остается надежд что-либо заработать на мемуарах, которые я прошу разных лиц писать, и на архивных материалах, которые я пытаюсь собирать. Костлявая рука депрессии дотягивается из-за океана сюда, в область моих архивных работ, лишая перспектив на лучшее будущее. Я во многом рассчитывал на Америку. Неужели всем моим расчетам не суждено оправдаться? Не знаю теперь, стоит ли мне далее обрабатывать мемуары Зубца...

18 апреля. Третий день Пасхи. Мы с женой начали уроки. День провел скучно и крайне непродуктивно.

19 апреля. Был с крестом новый настоятель Покровской Церкви, митрофорный протоиерей, о[тец] Петр Рождественский. Я впервые с ним познакомился. Пробыл он у меня около четверти часа. Беседовали: произвел на меня очень благоприятное впечатление. Чувствуется большой ум, умение говорить. По внешности лица гость чем-то неуловимым напоминал мне Д.П.Першина, отчасти моего двоюродного деда С.И.Серебренникова. Протоиерей – беженец из Казани, по пути следования на Д[альний] Восток в 1920 году застрял в Иркутске, где прожил около года, скрываясь под чужим паспортом.

20 апреля. Японцы заняли Циквандао, Пэйтайхо, Чанли и подошли к реке Люань, т.е. находятся сейчас всего в четырех часах езды

¹ Письмо А.И.Илькова от 19 янв. 1933 г.

отсюда по Пекин-Мукденской жел[езной] дороге. Кажется теперь вероятным, что в скором времени они займут Тяньцзинь, Пекин и Калган.

21 апреля. Побывал сегодня в библиотеке Русского клуба, когда-то основанной мною же. Я оставил ее в начале ее существования, когда в ней было не более ста томов. Теперь в ней около полутора тысяч томов, набранных почти исключительно самим бывшим председателем А.А. Орловым. Последний насовал туда много всякой дребедени, помогая свосму приятелю Ушинскому ликвидировать находившиеся на его попечении книжные запасы из обанкротившегося здесь как-то несколько лет тому назад книжного магазина Аверсти*.

Вечером я вместе с Лапердиным побывал в еврейской синагоге, где слушали приехавшего из Харбина и пользующегося известностью среди евреев кантора Крымчанского, обладателя сильного и красивого драматического тенора. Он выдсывал своим голосом такие фигуритурны и колоратурны, коим нельзя было не удивляться. Порой его голос рыдал и плакал. К моему удивлению, публики в синагоге было мало.

22 апреля. Мои занятия с Чжан Гоченом за последнее время почти что прекратились. Я прихожу к нему: он спит еще, или его нет дома. Когда же, наконец, застаю его дома, занятия идут вместо часа каких-нибудь пятнадцать минут. Он рассказал мне, что начал сильно играть в мачжан и что порой сидит за этой игрой непрерывно больше суток и плохо поэтому высыпается. На мой вопрос, удачно ли он играет, Чжан Гочен ответил: за последние дни десять я выиграл чистыми более трех тысяч долларов. Мачжан – эта китайская игра (с костяшками, вроде домино) сильно распространилась теперь и среди европейцев-иностранцев, живущих в Китае. Русские местные дамы также увлекаются ею, просиживая за нею порой так же чуть ли не сутки времени.

23 апреля. В апрельской книжке «The China Journal» напечатана моя небольшая этнографическая заметка «Funeral Money in China» с несколькими фотографическими иллюстрациями¹. Это уже четвертая моя статейка на английском языке.

Сегодняшнее воскресенье провел так. С утра сидел за литературными работами. Перед обедом сделал по городу часовую прогулку. Встретился с Ф.П. Романовым, здешней шахматной знаменитостью, чемпионом Шанхая и Тяньцзиня. Условились с ним поиграть сегодня в шахматы. В два часа дня я был у Романова в Astor House Hotel, где он живет и служит. Сыграли две партии, первую я выиграл, вторую проиграл. В шесть часов Романов потащил меня в гости к Борису*, таможенному служащему, послушать его виктролу. С Борисовым я раньше не встречался и не был знаком. Как я узнал из расспросов, он окончил в Петрограде еще в 1915 году Практическую Академию Восточных языков и вскоре же поступил на службу в Китайскую таможню. Здесь он теперь занимает [вычеркнуто: уже сравнительно – Прим. А.А. Хисамудинова] большое служебное положение и получает

¹ Serebrennikoff I.I. Funeral Money in China // The China Journal. 1933. Apr.

более тысячи долларов жалованья в месяц. Конек его – граммофонные пластинки, каковые он с увлечением коллекционирует.

Завел новое знакомство. Сам Борисов произвел пока на меня неопределенное впечатление. Жена его показалась мне не совсем гостеприимной и приветливой. Слушали виктролу. Пластинок у Борисова около четырех тысяч штук. Никогда в жизни у частного лица я не видал такого огромного числа пластинок.

Вечер я просидел дома. Был у меня в гостях Mr. More. Он подправил мне одно английское письмо в Америку. Я пригласил его к себе на завтрак в следующее воскресенье.

24 апреля. Подготовил сегодня для отправки в Америку, в журнал «Asia», первую партию монгольских фотографий.

25 апреля. Пришло письмо от А.А.Пурина из Шанхая. Сообщает невеселые вести о сибирских делах в Шанхае. В Обществе сибиряков здесь – ссоры и дразги, наряду с бездеятельностью и ничегонеделанием. Все это, кажется, только подтверждает мою точку зрения, что в наше страшно-русское время совсем не до сибирского областничества. Не сюда устремляются умы и настроения. К тому же все устали от жизни на чужбине, ослабли и приникли. Пожалуй, столь же устали здесь, сколь и они, коммунисты, там, в России, от бессмысленного толчения воды в коммунистической ступе. Поднять настроения и влить новые силы в эмиграцию может лишь вторая, национальная, революция в России. Увидим ли мы ее?!

Вечером зашел ко мне П.А.Савинцев и занес свежую книжку шанхайского «Паруса» (№ 12). В ней напечатана моя статья «К вопросу о шаманизме в Китае». Посмотрел я и ахнул: статья крайне скверно прокорректирована – пропуски целых выражений, искажения слов, английские слова почти все перековерканы до неузнаваемости.

Я разговорился с гостем, который оказался сам журналистом и поэтом. В той книжке-журнале, которую он занес мне, напечатаны и его стихи, под псевдонимом Петракса. Среди них одно, «Сказка о сказках», по своему началу мне понравилось. Вот оно:

Прошрое – как сон, как чудные миражи.
То, что было было, стало небылицей.
И в ином уж виде сказок персонажи,
И во всем иные образы и лица...
Соловей-разбойник, ставши коммунистом,
Выбрался из лесу и засел в Кремле,
И такую бучу поднял своим свистом,
Что житья не стало на родной земле.
Дедушка-мороз стал тоже эмигрантом,
Так же добр и ласков к русской детворе,
Но тоскует часто по родным курантам
И грустит, что снегу мало на дворе.
А когда с тоскою справиться нет мочи,
Подойдет к России и у рубежа
Смотрит на березки... И слезятся очи,
А тоска-то крепче да острей ножа...
У Кашея все, что было, реквизинули,
Тянет, бедный, лямку где-то в Соловках.
Дурака Ванюшку в три дуги согнули,
Стоном стонет дурень, – новь-то нелегка.
Леший партизанит. Домовой в Нарыме,
Где-то за границей бабушка Яга.

Бесы отдыхают в санаторьях, в Крыме,
Черт стал дипломатом и спилил рога.
Ведьмы все в бабкомах...

26 апреля. Этой весной было много русских свадеб. В прошлое воскресенье их было целых три. Сегодня вечером новая свадьба. Венчаются Зазерский, таможенный служащий, и М.Н.Осипова, бывшая ученица жены. Осипова, дочь Т.И.Барбье по браку с ее первым мужем, — молоденькая и миловидная барышня. Дай Бог ей счастья на ее новом супружеском пути. Такова жизнь: молодые женятся, старики умирают. Плодится и нарастает новое поколение русских в Китае. Грустно размышлять на темы подобного рода, ибо сам уже становишься на линию старости. Кстати замечу, Т.И.Барбье, урожденная Потапова, — иркутянка. Молодые годы провела в Иркутске, частью в селе Лиственничном на Байкале. Как я слышал вечером, свадьба прошла пышно и весело. На торжестве было до 200 человек гостей. Танцевали до утра, когда молодые отправились в свадебное путешествие в Шанхай.

27 апреля. Новости дня: в Нанкин прибыл советский посол Богомолов. В Синцзяне восставшие мусульмане захватили город Урумчи. В газетах как-то указывалась, что одной из причин теперешнего мусульманского восстания в Китайском Туркестане было недовольство действиями русских белых, нанятых китайскими властями на военную службу. Не знаю, верно ли это сообщение. Во всяком случае, оно правдоподобно. Если оно верно, то гнев мусульман может теперь обратиться не только против китайцев Синцзяна, но и против белых русских, укрывшихся здесь от бурь революции. Путаются несчастные белые русские в Азии под колесами истории. Пока не видно и конца их несчастьям и злоключениям.

28 апреля. Пришло письмо от г[осподи]на Э.С.Картера, секретаря Американского совета Института Тихоокеанских Сношений (American Council of the Institute of Pacific Relations). Письмо говорило следующее: «Очень благодарю Вас за Ваше письмо от 24 февраля. Мы очень рады иметь у себя информацию о тех очень немногих лицах, которые способны работать над вопросами Дальневосточной политики и экономики. Фактически, мы уже знакомы с Вашей работой благодаря статье о Внешней Монголии, которую Вы поместили в журнале «Foreign Affairs» несколько лет тому назад, и благодаря личной рекомендации проф[ессора] Ремера. Уже по нашей рекомендации, проф[ессор] Хауланд Йельского университета обратился к Вам за помощью в связи с теми изысканиями, над которыми он работал как раз перед его смертью.

Как только случай представится для нас воспользоваться Вашими услугами, Вы можете быть уверены, что я буду иметь Вас в виду. К сожалению, наше собственное положение таково, что мы не в состоянии сами пригласить Вас на службу. Само собой разумеется, мы очень заинтересованы в проблеме положения России на Дальнем Востоке и постоянно испытываем недостаток в информации, которая может быть доступна для Вас. Если Вы будете добры посылать нам время от времени копии всяких работ, которые Вам приходит-

ся выполнять, они будут очень полезны для нас и дадут нам возможность более конкретно информировать всякого исследователя о Ваших способностях». Снова выплывают на сцену финансовые затруднения. Лучше бы их не было! Я все же рад хорошему тону полученного письма.

29 апреля. Уличные плакаты газеты «Peking and Tientsin Times» на сегодня гласят: «Облака на Сибирской границе». Газеты отмечают напряжение японско-советских отношений. Кажется, Китайская Восточная железная дорога кончила свое существование. Теперь она будет известна под названием Северо-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги]. Скоро, вероятно, и Харбин переименит свое имя.

Зашел на перспутье к доктору Чердынцеву, измерил давление крови: оно показало 200. Это плохо. Придется делать йодовые уколы.

День был сегодня необычно жаркий и душный. В такие дни, в апреле месяце, всегда чувствуешь себя крайне скверно. Господи! Хоть бы на месяц побывать в Сибири и подышать родным воздухом!! Китай осточертел до полной невозможности переносить его более.

30 апреля. Воскресенье. Угощал обедом Mr. Mors. В два часа дня отправился к Ф.Н.Романову. Мы с ним затеяли сыграть шахматный матч из шести партий. Сегодня сыграли две партии: одну я выиграл, другую мы признали ничьей.

Вечер провел дома за чтением свежей книжки журнала «Asia».

1 мая. Пролетарский праздник. Погода ему соответствует: ветер, пыль. Настроение злос.

В сегодняшнем номере «Peking and Tientsin Times» напечатано объявление о выходе в свет апрельской книжки журнала «The China Journal». Это объявление начинается так: «Funeral Money. With the abolition of the tael the question of China's Currencies comes to the fore. There are other Currencies than those of this World used by Chinese. See what Mr. I.I.Serebrennikov has to say about the Currencies of the Nether Regions in the April Number of The China Journal». Меня удивило, что журнал в своем объявлении выдвинул мою маленькую заметку о китайских похоронных деньгах на первый план. Теперь у меня в проекте написать для этого журнала небольшую же заметку на тему «Original Transportation of Wool in Kansu», для которой хочу использовать две случайно мне подвернувшиеся интересные фотографии. Кое-что наметил я написать и для журнала «Asia», но, к сожалению, не хватает времени: в данный момент я много занят обработкой мемуаров Зубца. Здесь мне будет еще работы недели на две, на три.

2 мая. Что-то заболел горлом. Стало больно глотать. Полдня провалялся в постели. Сегодня сделал у д[окто]ра Чердынцева первые йодовые вливания.

3 мая. По болезни весь день высидел дома.

4 мая. Стало немного лучше. Все же мало выхожу из дома.

В Тяньцзинь присехала на гастроли итальянская оперная труппа. Сегодня жена идет слушать оперу «Тоска». Ей сопутствует Е.А.Лавдовская.

5 мая. Читал свежие номера «Последних новостей» из Парижа. Узнал о смерти Пешехонова*, старого русского публициста, сотруд-

ника «Русского богатства». Понемногу ветераны старой интеллигенции России сходят один за другим в могилу.

6 мая. Праздник Св[ятого] Георгия Победоносца, Егорьев день, как слыл он когда-то в России христианской. Еще ранее в России был языческий праздник бога Волоса, или Велеса, «скотьего бога». В этот день скотинушка выгонялась на поскотину, на подножный корм.

— Вот шестого мая будут мои коровушки именинницами. Приходите к ним сразу после обедни, пирога откусать, — как-то сказал нам Я.П.Ерин, недавно купивший себе здесь молочную ферму.

Сегодня мы с женой, в ответ на это приглашение, и направились в гости, на Еринскую ферму, которая находится на бывшей Русской концессии, на усадьбе дома Голоколосова. Кроме нас в гости были приглашены супруги Табаковы и Лавдовские.

Хлебосольный хозяин, в прошлом бийско-монгольский купец, и его радушная хозяйка, дети — два взрослых сына и дочь — тепло встретили гостей. Перед пирогом была предложена гостям закуска с выпивкой. К рыбному пирогу был подан дома приготовленный русский квас, весьма вкусный. Затем всем подали по стакану особо приготовленного кислого молока, фрукты, кофе и чай.

За столом шел оживленный разговор. Вспоминали Сибирь, Монголию. Кроме меня с женой почти все присутствовавшие бывали и живали в Монголии.

Я не утерпел, чтобы не задать хозяину один этнографический вопрос, давно меня интересующий, и спросил его:

— Приходилось ли Вам встречать в Монголии шаманов?

— Как же, — оживился хозяин, — один монгол-шаман даже жил как-то у меня на заимке.

— Это где же? — перебил я рассказчика вопросом.

— Недалеко от Улясутая, в ста верстах в стороне, — ответил он мне и стал продолжать рассказ: — Вот жена знает, какое представление этот монгол шаман устроил нам однажды. Как-то я ему говорю: «Ну Джингил Бо, покажи-ка нам свое искусство». Джингил — это его имя, а Бо — по-монгольски значит шаман. Он отвсчал мне: «Как я могу показать тебе мое искусство? Ведь я не ремесленник, которому можно сделать заказ! Надо иметь повод какой-нибудь для этого». Ну, повод мы нашли: подговорил я одного молодого монгола, моего рабочего, обратиться к шаману с просьбой пошаманить для него по одному делу. Шаман согласился показать свое искусство у себя в юрте. Было это вечером. Перед началом он хватил стакана два водки, потом сел на пол и посадил против себя на пол же молодого монгола, своего клиента. Последний выглядел испуганно: еще давая свое согласие на обращение к шаману, он просил остановить шамана во время его шаманского действия, если он вытащит нож. Шаман вначале, пожалуй, целый час наигрывал что-то на маленьком губном музыкальном инструменте, похожем по форме на лиру, с вибрирующей посередине тонкой железной пластинкой. Играл хорошо. Все слушали внимательно. Шаман стал приходить постепенно в раж и попросил меня дать ему нож. Я исполнил его просьбу и дал ему остро отточенный длинный ножик. Шаман приказал молодому монголу высунуть язык.

Он послушно исполнил это, тогда шаман быстро схватил нож и мгновенно откромсал им кончик языка у монгола. Брызнула кровь...

В это время рассказчика перебила его жена и сказала:

— Так страшно было. Я испугалась и сейчас же убежала из юрты к себе домой, легла в постель и закрылась одеялом.

— Да, кровь полилась ручьем, — продолжил рассказ Я.П.[Ерин], — шаман наполнил кровью чашку и приказал монголу выпить ее. Сам начал сильно ругать монгола: «Русский, собака, захотел, чтобы я показал ему свое искусство, — говорит, — а ты решил ему помочь в этом. Ах ты, такой-сякой». Монгол сидит смиренно. Шаман всунул нож ему в рот и резким движением разрезал ему глубоко углы рта с обеих сторон. Потом взял немного пепла с огня в юрте, помазал им свежие порезы на щеках, и раны затянулись мгновенно; остались лишь едва видимые рубцы. Как потом я узнал, и сам шаман, и его клиент-монгол находились уже все это время вне сознания. Потом он показал нам еще одну штуку. Приставил нож к своей груди и велел тяжелым камнем бить по черенку его. Нож постепенно входил в тело, и, наконец, острие его показалось в спине. Когда нож шел вперед, шаман еще более или менее спокойно вел себя; когда же нож тащили из тела обратно, он, видимо, сильно мучился: сильно подергивался, кричал. Так пять раз всаживали ему и вытаскивали нож, каждый раз раны он мазал пеплом, и они быстро затягивались. Потом шаман заявил, что теперь он вскрыет ножом свое чрево и выпустит кишки наземь. Ну тут уж я не выдержал, схватил шамана за шиворот и вытолкнул его за юрту. Думаю, хватит и того, что посмотрели.

— Знаете, он потом сказал мне, что за все время этого своего шаманского действия он был вне сознания; в таком же состоянии находился и его клиент, молодой монгол. Еще мне рассказывали, что шаманы умеют языком лизать раскаленное добела железо.

На этом Я.П.Ерин и закончил свой рассказ о монгольском шамане и его искусстве.

Обед наш закончился во втором часу, и я вскоре затем ушел домой. Жена еще осталась погостить на ферме.

Я думаю, что от Ерина можно было бы, при желании, много интересного узнать о Монголии.

Вечером был у меня в гостях В.Н.Лавдовский. Он рассказал мне в беседе много интересного из своей жизни у границ Тибета. Тоже хоть садись и записывай.

7 мая. Воскресенье. День необычайно жаркий и душный. В два часа дня термометр показывал 105 градусов по Фаренгейту. Сыграл сегодня одну партию в шахматы с Ф.Н.Романовым и продул ее. Вечер провел дома. Работать, благодаря жаре и духоте, не мог. Рано лег спать.

8 мая. Сегодня, наконец, я узнал окончательно, что было положено Ивановым-Риновым на хранение в Русско-Азиатский Банк, в его тяньцзинское отделение, несколько лет тому назад. Бывший служащий банка, И.Х.Шароглазов передал мне копию протокола от 31 декабря 1928 года о вскрытии сейфа Иванова-Ринова. Протокол этот был составлен по-английски, и я полностью воспроизведу его текст здесь: «Russo-Asiatic Bank. Tientsin, 31-st December 1928. Protocol. On

this 31-st December 1928 in the premises of the Russo-Asiatic Bank, in Tientsin, the Safe Custody № 16/36 in the name of Mr. Ivanov-Rinoff, having remaining unclaimed, was opened in the presence of Mr. N.Y. Tscheng, the Assistant Liquidator, Mr. F.A. Frisk, Associated Liquidator, Mr. J.C. Sharoglazoff – procurer of this Branch, and Mr. C.L. Lee and Mr. M.C. Sun, the clerks of the liquidation, and was found to contain:

1) Military Banner of the Siberian Cossacks with shaft top, containing St. George Cross, ring, two St. George ribbons one red ribbon for shoulder and St. George Cross.

2) Certificate signed by Emperor Alexander I for 10 Banners allowed to Siberian Cossaks.

3) Certificate signed by Emperor Nicolai II for banner, 4th Regiment.

4) Ditto, for 5th Regiment.

5) Ditto, for 7th Regiment.

6) Ditto, for 8th Regiment.

7) Certificate of Emperor Nicolai II for St. George Banner and for Siberian Cossacks land.

8) Memo of Government Treasury of Omsk for Roubles 13,000,000.

9) Correspondence and documents up to 1919.

10) Historical correspondence with personal signatures of Emperor Alexander I.

11) Maps of Land belonging to Siberian Cossacks.

12) Engraving of portrait of General Korniloff.

The above mentioned articles have been replaced into the original container and sealed up, and the package has been handed over to the Bank of China for Safe Custody pending further decision.

Signed: N.Y. Tscheng, F.A. Frisk, J.C. Sharoglazoff, C.L. Lee, M.C. Sun».

Из этого протокола видно, что на хранении Банка Китая (Bank of China) должны находиться в данное время: войсковое знамя Сибирского Казачьего войска; разные Высочайшие грамоты, жалованные войску, за подписями императоров Александра I и Николая II, архивные материалы войска включительно до 1919 года, земельные карты и планы войска и портрет генерала Корнилова. Копию протокола я думаю послать в Русский Заграничный Исторический архив в Прагу, для сведения.

9 мая. Получил письмо от Д. П. Першина из Калгана. Старикан пишет про себя: «Здоровье поправилось, но одышка еще не оставляет, так что ходить избегаю. Вообще замечаю, что дело, по старости, идет к развязке».

За прошлый месяц я сумел перевести Д[митрию] П[стровичу] всего только 20 долларов. Как бы побольше послать ему денег в мае?

10 мая. В городе появился Н. Д. Меркулов*, известный деятель белого Приморья в 1921/22 годах, а затем высокий советник белого¹ китайского маршала Чжан Цзучана (1924–1928). Что он тут делает, неизвестно. Говорят, что он находится совершенно без денег и не имеет какого-либо заработка и поэтому пока заимствуется у знакомых. Я видел Меркулова несколько раз на улицах Тяньцзиня. Вид у него

¹ В состав его войск входили наемники из Белой армии России.

бравый, молодеватый, моложавый, несмотря на то, что ему будто бы уже свыше 60 лет. По-видимому, не упускает случая и здесь поволочиться за молоденькими дамочками и даже барышнями. Когда-то я встречался с ним в редакции тяньцзиньской газеты «Наш путь»¹, но он, видимо, не узнает меня или делает вид, что не узнает. Мы не кланяемся.

11 мая. Третий день весенних скачек. Кому-то сегодня окажет свое благоволение фортуна? Кто выиграет 50 или 60 тысяч долларов? Я на эти скачки затратил пока всего только два доллара. Раньше тратил много больше, но никогда ничего не выигрывал.

12 мая. Получил письмо от Зубца. Пишет, что будет здесь между 15—20 мая и привезет окончание своей рукописи — мемуаров. Обработка мною его рукописи идет пока что медленнее, чем ранее: сейчас имею готовыми около 300 страниц, из коих жена перепечатала на машинке уже свыше 100. Итак, сейчас трое сидим за одной и той же работой. Даст ли она нам что-нибудь в смысле денежном, неизвестно. Работа идет на риск и на русское авось. Работе сильно мешают наступившие жаркие и душные дни. Ждем все хорошего, освежающего дождя и не можем дождаться...

13 мая. Японцы опять начали продвижение на Пекин-Мукденской ж[елезной] дороге. Сенсациями дня являются сообщения о полете японских аэропланов над Пекином. Говорят, по этому поводу один харбинский китаец на ломаном русском языке сказал: «Наша петиза не боиза, яиза боиза».

Что значит: наши птиц не боятся, яиц боятся, т.е. бомб, которые летят с аэроплана.

14 мая. Играл с Романовым две последние партии шахматного матча и обе проиграл. Тем самым проиграл я и матч, со счетом 2,5 против 3,5. Играл сегодня почему-то плохо, зевал.

15 мая. Пришло письмо из Харбина от И.Н.Головко-Улазовского. Пишет: «Жизнь у нас в Харбине тихая во всех отношениях. Ждем разных событий, но, по моему мнению, все кончится любыми уступками одной стороны, именно СССР. Судя по достоверным сведениям, любая война, затеянная СССР, кончится свержением советской власти, и это там хорошо знают».

16 мая. Побывал сегодня в помещении Русских соколов, смотрел гимнастические упражнения. Всего в Сокольской организации состоит до 150 лиц об[оего] пола. Впечатление от посещения Сокольского клуба — отрадное. 20 мая в помещении Русского клуба состоится Сокольский бал.

17 мая. Начал обработку дневников А.И.Ефимова, деятеля войскового правительства Оренбургского казачьего войска при атамане Дутове. Пока я в сокращенном виде переписываю для себя седьмую книгу его дневников. Она как раз касается странствования остатков

¹ Наш путь: Газ. Тяньцзинь; Харбин. Издавалась в русских войсках Чжан Цзолина в г. Цинани, столице Шаньдунской провинции с осени 1926 г. Издатель Н.Д.Меркулов. Первый редактор В.Н.Иванов, его заместитель В.П.Разумов, ставший затем редактором (до 1927), затем П.И.Зайцев. Закрыта в 1927 г. китайскими властями.

армии Дутова по Китайскому Туркестану и Монголии. Записано много жутких моментов и немало вообще исторически ценного материала.

Вечером уплелся я в Немецкий клуб, чтобы послушать вечер китайской поэзии.

18 мая. Вчерашний вечер в Немецком клубе представлял из себя следующее: немецкий поэт Хундхаузен, находящийся в Тяньцзине, перевел на немецкий язык ряд стихотворений китайских классических поэтов. Берлинский композитор Бернгард Келер положил некоторые из этих стихотворений на музыку для оркестра и отдельных голосов: баритона, тенора и сопрано. Вчера местные артисты, певцы-любители, и выходили на сцену, исполняя эти произведения берлинского композитора. В музыке, по моему мнению профана, ничего китайского не было. Были ли исполняемые вещи интересны пожалуй, да. Если не все, то некоторые. В общем, демонстрировались произведения четырех китайских поэтов и писателей: Ли-Дай-Бо, Бо-Цю-И, Цзы-Гунь-Шу и Гао-Мин. Вот, напр[имер], стихотворение Бо-Цю-И, называющееся «За шахматной игрой»:

Два монаха играют в шахматы,
Скрывшись в бамбуковой роще.
Крыша из листьев, распростершись
Над полем битвы, даст прохладную тень.
Время от времени слышится стук фигур.

Вот и все. Эта песенка, на немецком языке, была спета баритоном. Вот еще одно стихотворение того же поэта:

Моя ива.

На берегу озера, на месте, дышащем миром и покоем,
Я посадил ее. Я должен был уехать отсюда. Две весны уже прошли
Со времени моего отъезда, и все же моя ива занимает мои мысли.
Я знаю, что она цветет, но я не знаю, кто теперь срывает ее цветущие ветви...

Вот стихотворение поэта Sze Kung-Shu (Цзы-Гунь-Шу).

В рыбацкой деревне.

Я возвратился на берег, после небольшой поездки на рыбную ловлю,
я видел, как луна исчезает в море.
Я вытащил мою лодку на песок и забыл привязать ее к колышку.
Однако это не заботит меня. Спокоен и здоров — мой сон.
Я доверяю ветру и волнам: утром я, конечно, найду мою
лодку где-нибудь среди пахучих тростников.

Могу сказать, что вечер был не банальный, и я несколько не жалею, что побывал на нем.

19 мая. Приехал из Пекина В.А.Зубец, привез окончание своих мемуаров. За эти дни я с увлечением поработал над дневниками А.И.Ефимова. Эта работа убедила меня, что следует мне или кому-либо другому заняться историей рассеяния белых армий по пространству Центральной Азии, где разыгрались многие, порой чрезвычайно жутко-трагические моменты белой эпопеи. Без них эта эпопея будет не полна. Это будет важно как для будущих историков гражданской войны в России, так и для писателей, которые надумали представить всю эту эпопею в художественных образах, для нового Льва Толстого, который напишет десятитомный роман «Война и Революция».

Работаю над архивными темами — занятие мирное. Кругом же царит атмосфера тревоги. Все ждут наступления на Тяньцзинь японцев. М[ожет] б[ыть], разыграются какие-нибудь местные события. Китайцы массами бегут из китайского города на иностранные концессии.

20 мая. Вчера вечером произошел сильный взрыв бомбы на вокзале. Ночью слышалась ружейная стрельба. Что происходит в Тяньцзине, путем понять нельзя. Кажется, готовится здесь восстание в пользу Маньчжуго, но пока оно не удастся. Сегодня над нашим городом пролетела эскадрилья японских аэропланов.

21 мая. Воскресенье. Бродил много по улицам города. Пока все тихо и спокойно. Вчерашний «Сокольский» бал в Русском клубе прошел с большим успехом. Танцевали и веселились до утра. Водили даже хороводы.

22 мая. После долгого перерыва имел сегодня беседу с Чжан Гоченом, который теперь отдыхает после своего увлечения азартом игры в маджан. Он сообщил мне, что в его квартире поселились восемь человек знакомых и родных, прибежавших к нему из-за страха перед войной и грабежами китайских солдат; у его повара поселилась родня из деревни, тоже что-то человек семь—восемь. Так вот незаметно иностранные концессии Тяньцзиня впитывают в себя на тревожное время десятки тысяч беженцев, ищущих спокойного крова и убежища.

23 мая. Начал чтение интересной книги «With Mystics and Magicians in Tibet», автором которой является писательница Alexandra David-Neel, знаток тибетских языков и буддизма¹. Я не перестаю интересоваться религиями азиатских народов и надеюсь, что книга Дэвид Нил доставит мне большое удовольствие.

24 мая. С японцами — неопределенно. Находятся они близко от трех важных городов Северного Китая: Пекина, Тяньцзиня и Калгана. Возьмут ли они эти города — неизвестно. Говорят, что китайцы заключили с ними перемирие. Для русской эмиграции Д[альнего] Востока злобой дня является то обстоятельство, что японцы начали травить генерала Хорвата, приписывая ему явно несуразные намерения и действия. Похоже на то, что они имеют очень недалековидных и даже, может быть, неумных советников по русским делам, таких, как, например, пресловутый атаман Семенов. Последний, однако, предан японцам.

25 мая. Вознесение. Несмотря на большой праздник, работал, имел все уроки, сидел над перепиской мемуаров Зубца. Вечером я с женой и супруги Лавдовские отправились в Русский клуб, чтобы послушать виолончельный концерт, посвященный музыке Мусоргского.

26 мая. Против моего ожидания, на вчерашнем концерте в Русском клубе было очень много публики. Устроитель этого граммофонного концерта Е.Е. Борисов дал много отрывков из двух опер Мусоргского: «Хованщина» и «Борис Годунов», затем представил несколько романсов этого удивительного русского композитора и целую его музыкаль-

¹ Переизд.: David-Neel A. Magic and Mystery in Tibet. N.Y.: «Univ. Books», 1958.

ную картину «Выставка». Перед слушателями проходили произведения Мусоргского в исполнении: русском, латвийском, итальянском, английском и немецком. Из певцов-исполнителей доминировал, конечно, Шаляпин...

Некоторые вещи я слышал в первый раз: таковы, напр[имер], выразительная сцена в лесу под кронами из «Бориса Годунова», обычно в России ранее выпускавшаяся при представлении этой оперы, а также романс «Трепак смерти» и «Выставка». Следующий музыкальный четверг будет посвящен произведениям Глинки, Балакирева и Бородина.

Пришло письмо от д[окто]ра Фишера от 27 апреля. Судя по письму, имеется некоторая надежда, что моя статья о Сибирском автономном движении будет напечатана в сентябрьском или декабрьском номере журнала «Pacific Historical Review».

После долгого перерыва сегодня же пришло письмо от проф[ессора] Г.К.Гинса из Харбина. Пишет, что для меня им получено из Парижа 60 франков — как мой гонорар за посланные туда мною три фотографии. Кажется, это будет первый мой заработок на фотографиях, и притом сделанный через посредство Парижа.

И.Н.Головко-Улазовский прислал мне из Циндао, где он сейчас находится, одиннадцать книг, относящихся к движению Рериха в Америке. Из этих книг три на русском языке: Жан Дювернуа «Рерих. Фрагмент биографии», Николай Рерих «Сердце Азии». Он же «Держава света». Одна книга на французском языке, это «Le Pacte Roerich. Banniere de Paix. № 1. Paris». Остальные семь книг — на английском языке. Это, во-первых, сочинения самого Рериха: «Heart of Asia», «Shambala» и «Adamant», затем: «Foundations of Buddhism by Natalie Rokotoff», «Signs of Agni Yoga». Наконец, последние две книжки. Это описание Музея имени Рериха в Нью-Йорке и альбом фототипий с картин художника, хранящихся в этом музее. Я хорошо не знаю, почему художник Н.К.Рерих приобрел такую большую популярность в Америке. Меня давно интересует этот вопрос. М[ожет] б[ыть], теперь я разберусь, в чем тут дело.

27 мая. Жена получила письмо из Иркутска от ее сестры В.Н.Петровой, которая извещает о получении ею пяти американских долларов, переведенных нами ей некоторое время тому назад.

Сегодня окончил обработку и переписку одного из дневников А.И.Ефимова.

28 мая. Воскресенье. Получил письмо от И.Н.Головко-Улазовского из Циндао. Из письма видно, что книги Рериха и о Рерихе присланы мне для продажи и что братом Рериха, проживающим в данное время в Харбине, мне предлагается взять на себя тяньцзиньское представительство по продаже изданий Музея Рериха. Я думаю принять это предложение.

29 мая. Сегодня еще получил некоторые книги Рериха, а также репродукции с его картин. Пока что Рерих представляется мне не только художником, но и каким-то учителем — своего рода русско-скандинавским Буддой. Скоро засяду за штудирование его трудов и работ о нем.

30 мая. Японцы ведут мирные переговоры с китайцами, и потому их продвижение к Калгану, Пекину и Тяньцзиню приостановилось.

31 мая. Газета «Возрождение Азии» сделала сегодня ряд несумных выпадов против представителей местных эмигрантских организаций, которые недавно, собравшись вместе, вынесли не понравившуюся ей резолюцию по поводу обвинений ген[срала] Хорвата в устройстве заговора против Маньчжуго¹. Газета, очевидно, хочет, чтобы решительно все на свете были влюблены в японцев и Маньчжуго.

1 июня. Вот уж и июнь месяц. Как скоро летит время. Текущая нелепица под названием «Генерал Хорват — Маньчжуго — японцы — газета «Возрождение Азии»» продолжает волновать умы. Назавтра созывается экстренное собрание уполномоченных Русской общины для обсуждения вопроса о выпадах вышеназванной японской газеты по адресу русской эмиграции.

2 июня. Начал читать сибирские рассказы Н.И. Наумова*, писателя-сибиряка.

3 июня. Становится жарко. Окна открыты. Поэтому уличные шумы заполняют мою квартиру. Особенно шумят русские и еврейские ребятишки, которые у нашего дома устроили себе «детскую площадку». Кричат, орут, визжат. Что делать? Запретить им играть я не могу. Приказать им играть молча я также не могу. Приходится терпеть. Иногда я не выдерживаю и куда-нибудь убегаю из дома.

4 июня. Воскресенье. Троицын день. Можно сказать, провел весь праздник в игре в шахматы. Сыграл вничью трехчасовую партию с Романовым, затем играл еще в кафе Карацаса. Вечер провел дома. Немного пописал.

5 июня. Весь день шел дождь. Сидел поэтому дома и продуктивно поработал. Обработывал рукописи Зубца и Мокроусова, писал письма.

6 июня. Сегодня в еврейском клубе «Кунст» — Пушкинский вечер. В программе его три сцены из оперы «Евгений Онегин» плюс много другого. Жена и ее две подруги отправились посмотреть этот вечер.

7 июня. Сегодня из «Нашей Зари» узнал, что в понедельник на этой неделе на общем собрании членов Литературно-научно-философского кружка я был избран в члены правления этого кружка². Это я рассматриваю как попытку втянуть меня в некоторую общественную работу, от чего я уже много лет упорно уклоняюсь.

В воскресенье, 11-го июня, здесь будет праздноваться «День русской культуры». Комиссия по устройству этого «дня» просила меня написать какую-нибудь статью для помещения ее в этот день на особо отводимой странице газеты «Наша Заря» Я не отказался от этого предложения, однако в силу апатии и одолевшей меня лени я не собрался что-нибудь написать. Как-то так случилось, что руководителями устраиваемого «Дня культуры» оказались здесь В.Н. Якушева и А.И. Ефимов. Первая — это вздорная и малокультурная учительница

¹ К вопросу Хорвата; Активное выступление русских эмигрантов против Японии и Маньчжу-Го // Возрождение Азии. 1933. 31 мая.

² Основан под председательством С.Г. Стилл, где читались лекции на самые разные темы, в том числе и на востоковедческие.

из местной прогимназии, второй – не совсем грамотный музыкант, бывший чиновник белой оренбургской армии.

8 июня. Получил сегодня окончание рукописи В.А.Зубца. Думаю, что в моей переписке она составит около 380 страниц. Печатно, на машинке, выйдет, вероятно, на треть меньше. К рукописи будет приложено до 40 фотографий и 5 разного рода схем, вычерченных автором. Работы мне с этою рукописью, пожалуй, хватит еще на неделю.

9 июня. Газета «Возрождение Азии» продолжает свою упорную кампанию против руководителей местной эмигрантской общности в лице бывших полковников гвардии Бендерского и Веденяпина. На это некому возражать. «Наша заря», что называется, воды в рот набрала.

10 июня. Закончил переписку «Дневника прелести революции», написанного солдатом Мокроусовым. Для меня это небезынттересный материал по вопросу о рассеянии белых армий по просторам Азии в 1918–1922 годах. Кажется, это рассеяние было богато трагическими моментами. История Гражданской войны в Сибири и на Урале будет неполна, если она не изобразит и этого рассеяния.

11 июня. Воскресенье. День русской культуры. Празднество устраивалось в Gordon Hall. Был утренник для детей. На нем побывала моя жена. Я был на вечере для взрослых: здесь играл симфонический оркестр из десяти музыкантов, пел хор, выступали певцы-солисты и лекторы-ораторы. Последними были – о[тец] Петр Рождественский, генерал В.Д.Карамышев* и педагог г[осподин] Шлззингер. Первые двое дали удачный набор патриотических сентенций. Карамышев, перефразируя Пушкина, в конце своего спича выразил надежду, что скоро...

От Перми до Тавриды,
От финских хладных стран до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая...
Восстанет русская земля...

Это вызвало громкие аплодисменты. Торжество привлекло полный зал публики. Прошло, пожалуй, в приподнятых тонах.

12 июня. Чжан Гочен прекратил сегодня со мною занятия впредь до особого уведомления. Последние месяца два я почти никогда не мог застать его дома. Бесцельные хождения мои к нему мне сильно надоели.

13 июня. Перевел сегодня в Иркутск на Торгсин для сестры жены, В.Н.Петровой, пять золотых долларов. Обошлось это в 19 долларов 39 центов на китайские деньги: американский доллар значительно подешевел.

14 июня. Закончил сегодня обработку мемуаров В.А.Зубца. Думаю, что получится интересная рукопись. Всего вышло около 390 страниц моего рукописного текста, разделенного на 49 глав. Теперь придется мне заняться подбором фотографий к тексту.

15 июня. Написал большую статейку на английском языке «Original Transportation of Wool on Huanu-Но», для каковой у меня приготовлены четыре фотографические иллюстрации.

Вечером побывал на очередном граммофонном концерте в Русском клубе, где слушал произведения композиторов Бородина, Балакирева и Римского-Корсакова. Народу на концерте было много.

16 июня. Мучился сегодня от жары. Со страхом начинаю думать о приближающихся фумянах. Не подходящий для нас, сибиряков, местный климат сильно расшатывает здоровье.

17 июня. Перевел сегодня Д.П.Першину тридцать долларов как очередное месячное вспомоществование старикану.

Занялся мемуарными работами В.Ю.Сокольниковского, полковника, бывшего начальника штаба отряда Кайгородова, оперировавшего в Западной Монголии в 1920—21 году.

18 июня. Воскресенье. Прочел в «North China Star», что в одном из местных книжных магазинов появилась в продаже книга профессора Ремера «Foreign investment in China»¹. Материалы по вопросу об инвестировании русского капитала в Китае в свое время собирал для автора книги я, по его личному поручению. Ремер обещал послать его труд, как только он выйдет из печати. Пока что обещанного я не получил.

В четыре часа дня я отправился в Русское собрание на торжество акта Русской прогимназии. Пробыл там до шести часов. За отчетный год в школе было около ста учащихся, окончило теперь школу всего трое.

На обратном пути из школы я забрел к Д.М.Тобокову*, где и засел за шахматы.

Вечером у меня погостил Mr. Moge, который принес мне для просмотра два свежих номера журнала «Asia».

19 июня. Бывший войсковой старшина Сибирского казачьего войска Шишкин, неутомимый оппозиционер ко всему, что выше его, обладатель страшного литературного зуда, начал выпускать здесь спорадически газету «Вестовой», каковую наполняет исключительно своими статьями. Сегодня попался мне на глаза номер этой газеты от 5-го июня, и я прочел его: газета наполнена выпадами против руководителей местной эмигрантской общественности.

20 июня. Посмотрел сегодня в книжном магазине новую книгу проф[ессора] Ремера. Глава «Russian investment in China», занимающая 65 страниц, напечатана почти полностью так, как была составлена мною, о чем автор и заявляет в построчном примечании к этой главе. Ответственность за материалы, помещенные в ней автором, возлагается на меня. Что же? Я ничего ни имею против этого!

21 июня. Когда-то по поводу мусульманского восстания в Западном Китае я высказал в своем дневнике предположения, что русские эмигранты и беженцы, проживающие в Китайском Туркестане, могут оказаться благодаря этому восстанию в тяжелом положении. Во вчерашнем номере местной английской газеты «Peking and Tientsin Times» я прочел некоторые свежие сведения о восстании. Эти сведения говорят об участии в событиях «русских наемников» на китайской службе. Вкратце эти сведения передаются газетой в следующем

¹ Foreign investments in China, by C. F. Remer. New York, H. Fertig, 1968.

виде. Восстание мусульман два года тому назад явилось как прямой результат плохого управления и самоуправства китайских властей. В восстании приняли участие тюрко-татарские народы края. Сражения происходили вокруг [города] Хами, который в течение пяти месяцев был осаждаем повстанцами и был освобожден только белыми русскими наемными войсками, которые отогнали повстанцев в горы. Восставшие мусульмане, засев в горных гнездах, совершали оттуда набеги на проходившие караваны, а порой грабили и крестьянское население в земледельческих районах. В январе месяце этого года, однако, повстанцы вышли из гор и, усиленные рядами восставших дунган, китайских мусульман, повели более решительную борьбу против власти.

Соединенные силы повстанцев наводнили страну, грабя и убивая китайцев. Пичан, маленький городок близ Турфана, был стерт с лица земли. Сам Турфан был одно время захвачен мусульманами, но потом отобран обратно китайцами. Затем мусульмане захватили и держат Карашар. Под угрозу захвата попали города Яркенд и Кашгар. В борьбе китайцев и мусульман жестоко пострадало от китайских солдат мирное, нейтральное население.

21 февраля этого года война приблизилась к самому городу Тихуа, или Урумчи, столице Китайского Туркестана¹. В течение трех дней происходил жестокий бой вокруг города. Повстанцы, однако, потерпели поражение и понесли тяжелые потери. Героями обороны Урумчи были русские. Отойдя от города, повстанцы стали опустошать страну.

В апреле месяце этого года в Урумчи произошли важные события. Относительно последних я сделаю дальше дословный перевод из статьи. «12 апреля имела место перемена правительства. В течение последнего времени русские наемники были недовольны поступками и мероприятиями губернатора провинции. Всего русских, нанятых на военную службу к китайцам, было около 2000; многие из них имели боевой опыт Мировой Войны, и это были единственные люди, которых боялись мусульмане.

Губернатор провинции оказывал, однако, им мало поддержки. Он приказал всем войскам эвакуировать Урумчи и сделал много такого, что могло только продолжить в крае гражданскую междоусобицу. Он лично наносил оскорбления русским командирам и создал чувство крайнего недовольства среди этих бездомных искателей приключений.

Мусульмане обещали прекратить борьбу, если им будет передана голова губернатора. Так, чтобы положить конец смуте, русские атаковали ямынь губернатора и захватили последнего. Затем они взяли власть в свои руки. Губернатору, однако, с помощью некоторых друзей удалось убежать и собрать силы, чтобы атаковать русских. Он был разбит после жестоких боев, которые снова были причиной бедствий для города.

В конечном результате, губернатор отступил по направлению к Тачену, и русские передали управление городом Урумчи некоторым

¹ Урумчи, главный город кит. Джунгарии, торговый пункт между Россией и Восточным Китаем.

из китайских лидеров, которые пришли в Синцзян из Маньчжурии, после того как были разбиты здесь японцами».

Относительно русских беженцев в Синцзяне¹ газета приводит следующие данные: «Со времен революции в России, и особенно за последние годы, в провинцию направлялся довольно большой поток русских эмигрантов. Несколько десятков тысяч таковых теперь осели здесь, главным образом, по пограничным городам. Среди вновь прибывших сюда были русские баптисты и германские менониты², которые бежали за границу от страшных преследований христиан в Советской России».

Были ли русские в Урумчи военными наемными на китайской службе? Как будто и нет, ибо в одном месте газета говорит следующее: «В это время две тысячи русских были завербованы в солдаты против их желания, так как борьба китайцев с мусульманами нисколько их не касалась».

22 июня. Сегодня закончились, перед летними вакациями, занятия в Grammar school. Наши ученики из этой школы смогут теперь заниматься с нами по утрам. Это будет легче. В дневную жару теперь уже трудно корпеть за уроками.

23 июня. Получил письмо от И.Н. Головки-Улазовского из Шанхая. Обещает быть завтра здесь с пароходом «Huashan-maru». Это отлично. Хорошего человека всегда приятно повидать.

Днем сделал большую прогулку в район Рэйскорса. Побывал здесь в конюшнях и манеже, которые держит А.П. Бендерский*, бывший гвардии полковник, весьма милый и культурный человек, руководитель местного войскового союза³ и старшина русской общины. А[лександр] П[етрович] встретил меня очень приветливо, и я прогостил у него около трех часов, которые мы провели в беседах и прогулках.

24 июня. Приехал из Шанхая И.Н. Головки-Улазовский. Привез мне подарок: курительный прибор из мрамора китайской работы. Подарку

¹ Синцзян – район на севере Китая. 30% населения составляют уйгуры. Столица Урумчи. Здесь находились русское консульство и православная церковь, открытая Российской миссией в Пекине. Русская община значительно увеличилась после 1920 г., когда здесь появились остатки воинских соединений Анненкова, Дутова, Унгерна и Бакича. Большинство русских жили в Кульдже (Инин). В 1931–1933 г. появилось много беженцев из СССР, недовольных коллективизацией. В то же время в С. проявлялось советское влияние. «Из тех кратких сведений, – писал житель С., – что я Вам сообщал, можно было бы заключить, что все обстоит благополучно: люди живут, некоторые даже хорошо и т.д. Но это далеко не так. Чувствуется гнет. Везде советские инструкторы, советники, врачи и т.д. Интеллигентному работнику пристроиться, т.е. получить работу такую, чтобы можно было жить – трудно. Если он будет угоден Советам, если он будет с ними ласков и любезен, то устроиться, наверное, можно, и хорошо устроиться. В противном случае очень трудно» (НИЛА. Serebrennikov I.I., box. 21. О русской эмиграции в Синцзяне (Кит. Туркестан). Из письма доктора А. Педашенко).

² Правильно – меннониты, протестантская секта, основанная в 30–40-е XVI в. в Голландии Менно Симонсом.

³ Отделение Русского общевойскового союза (РОВС). Одна из самых массовых русских эмигрантских организаций, объединяла военные и военно-морские сообщества и союзы во многих странах, где жили русские эмигранты. Создан в 1924 г. генералом П.Н. Врангелем (вначале до 100 тыс. членов). Существовал до 1940 г. Печатный орган – журнал «Часовой» (с 1929).

был рад как признаку внимания: сам же я вот уже полтора месяца не курю. Продержусь ли далее с воздержанием от курения, не знаю.

Пришло сегодня письмо от конторы газсты «Харбинское время» с предложением мне взять на себя представительство газеты здесь, в Тяньцзине.

25 июня. Воскресенье. Ради прогулки побывал сегодня на бывшей Германской концессии, в так называемом «Саду Принцессы». Возможно, что это были действительно вилла или парк какой-либо маньчжурской принцессы. Парк очень большой, страшно запущенный и заброшенный. В нем имеется, однако, много очаровательных уголков.

26 июня. Стараюсь больше быть на воздухе: сегодня полдня провел в прогулке за городом.

28 июня. Посетил меня сегодня некто В.И.Соловьев, человек, недавно вырвавшийся из Советской России и пробывший целых семь лет в Соловках. Принес он мне для просмотра свою рукопись «Правдивое повествование гражданина Латвийской республики В.И.Соловьёва, который в 1925 году был арестован Советским ОГПУ во время проезда через СССР». Человек, благожелательно настроенный к республике Советов, был ограблен по дороге чекистами, потому что имел при себе деньги, а для сокрытия преступления арестован, обвинен в шпионстве и отправлен на десять лет в Соловки. Рукопись ярко живописует соловецкие кошмары, характерные для той сволочи, которая управляет теперь Россией. В.И.Соловьёв думает устроить публичное чтение своей рукописи. Пробирается он сейчас в Шанхай, откуда думает поехать во Францию. Сволочная власть, искалечившая ни за что ни про что жизнь человека, получила в лице Соловьёва теперь лютого противника.

29 июня. Сегодня с Н.П.Коршуновым* разработали программу доклада В.И.Соловьёва «О Соловках». Доклад этот предполагено устроить в ближайший вторник в Русском клубе.

2 июля. Воскресенье. Вместе с И.Н.Улазовским побывал за городом на пикнике, который устраивало гимнастическое общество «Сокол». Пробыл на воздухе около семи часов. Прогулкой остался доволен.

Дневник начал вести с перебоями, неаккуратно. Постараюсь этот недочет исправить.

Газеты сообщили о чудовищном случае морского пиратства в водах Китая, причем в качестве пиратов выступили немцы, пять человек (невероятно, но это так), которые захватили китайский пароход, убив его русского капитана, моряка Вахмана, его помощника Азарьева, жену последнего и семь китайцев. Все убитые были выброшены за борт в море. Пираты повернули пароход от Шанхая, куда он шел, к Дайрену и здесь посадили его на мель, недалеко от курорта Хошигаура. Японские власти Дайрена успели арестовать троих немцев, двое же успели скрыться. Мало здесь своих китайских бандитов и пиратов, так еще немцы начали разбойничать.

3 июля. Не можем все решить, как будем проводить лето: будем ли жариться здесь, в Тяньцзине, или же попытаемся перебраться куда-нибудь к морю.

4 июля. Доклад Соловьева о Соловках и Советской России привлек полный зал слушателей в Русском клубе. По окончании доклада докладчику было задано множество вопросов разного рода.

5 июля. Жара начинает сильно донимать. К счастью, ночи пока стоят еще прохладные, — можно спать.

6 июля. Работается что-то очень плохо: пожалуй, я давно уже так не лодырничал, как теперь. Единственная работа, которую я еще веду понемногу, это обработка мемуаров полк[овника] В.Ю.Сокольницкого. Жена понемногу же перепечатывает на машинке уже обработанные мною мемуары Зубца: кажется, ей остается напечатать еще страниц около тридцати.

7 июля. Сегодня — Иванов день. Справляли у нас именины И.Н.Головко-Улазовского.

8 июля. Пробродяжил почти весь день: ушел из дома почти в 11 часов утра и вернулся домой к десяти часам вечера. Погибаю от скуки и ничегонеделания.

9 июля. Воскресенье. Полдня лил дождь. К вечеру погода прояснилась. Рейтеровские телеграммы сообщили сегодня, что советская пограничная охрана обыскала маньчжугоский пароход «Дунзан» в маньчжугоских водах р[еки] Уссури, конфисковала груз парохода и захватила десять русских эмигрантов, представлявших стражу судна. Когда читаешь такого рода сообщения, не можешь отделаться от страшных мыслей: ведь арестованных эмигрантов уведут и расстреляют. Расстреляют не потому, что это было нужно кому-нибудь по мотивам целесообразности какой-нибудь, а просто так, из кровожадности и садизма, присущих проклятой власти.

10 июля. А.П.Бендерский сообщил мне, что будто бы французское правительство решило распустить Воинский союз. Очевидно, в угоду большевикам. Верно это известие или нет, я еще не знаю, но в нем нет ничего неправдоподобного, ибо глупость человеческая бывает поистине бесконечной.

11 июля. Жена закончила сегодня перепечатку на машинке мемуаров В.А.Зубца. Остается теперь проверить все напечатанное. По сильной жаре сегодняшней день оказался мучительным. Кажется, предстоит бессонная ночь.

12 июля. День Петра и Павла. Невольно как-то вспомнил про Петров день у себя на родине, в родной Знаменке. Этот день справляли шумно и весело. Как-то теперь наши мужички проводят этот деревенский праздник?

13 июля. Жена и ее неизменная подруга Е.А.Лавдовская решили недели на три съездить на курорт Танканцзы, вблизи Мукдена, чтобы там полечиться и получить хотя бы и небольшой летний отдых. Возможно, я соберусь тоже недели на три в Пэйтайхо, если только будет налажено сообщение с этим морским дачным местом.

14 июля. Получил по почте от проф[ессора] Ремера его новую книгу «Foreign Investments in China». Я был рад, что профессор вспомнил обо мне.

15 июля. Жара выматывает все силы. Потесшь день и ночь. На теле появилась тропическая сыпь.

16 июля. Воскресенье. «Наша Заря» выпустила большой юбилейный номер по случаю пятилетия своего существования. Многие русские общественные организации принесли газете свои поздравления — еврейские воздержались.

17 июля. Отправил сегодня в Америку мемуары В.А.Зубца «На службе в Китайской армии» на 244 печатных на машинке страницах с 45 фотографиями и 5-ю схемами. Не знаю, приобретет ли эту рукопись Военная библиотека Хувера? Если нет, то труды мои и моей жены пропадут даром. А их было немало.

18 июля. От жары кроме тропической сыпи стали появляться и нарывы. На этих днях солнечные и тепловые удары поглотили немало жертв: умерли один англичанин, один русский, служащий одного советского парохода, недавно прибывшего в Танку, и несколько десятков китайцев. Дочитал сегодня книжную новинку: это очерки Михаила Талызина* «По ту сторону»¹. Книга написана талантливо. Было приятно узнать, что автор ее — сибиряк, енисеец.

19 июля. Получил письмо от доктора Фишера из Америки. Пишет мне: «Я не хотел бы, чтобы Вы прекратили посылку нам архивных материалов, если только Вы и собственник этих материалов будете иметь в виду, что мы не в состоянии приобретать большое количество таких материалов и не можем предлагать за них высокие цены». Я и не прекращаю этой работы: только на днях отправил мемуары В.А.Зубца в Америку. С осени пошлю туда еще кое-что.

20 июля. Начинаем собираться в дорогу.

21 июля. Если ничто не изменится, решили выехать в воскресенье утром: жена в Дайрен, я — одновременно в Пэйтайхо. Здесь из-за жары становится жить совершенно невозможно. Много смертей из-за тепловых ударов.

22 июля. Сегодня хлопотный день: сборы перед поездкой.

23 июля. Воскресенье. Выехал в Пэйтайхо с поездом в 9.45 утра. Поезд оказался переполненным пассажирами. В вагоне II класса в компании со мной оказались две дамы, еврейки с нашей Дикинсон-род, с ними сжали две маленькие девочки — те самые, которые еще сегодня утром разгуливали по тротуару нашей улицы и распевали:

— Чижик, Чижик. где ты был?

Едут тоже в Пэйтайхо. Было немало и других пассажиров, направлявшихся на этот морской курорт для летнего отдыха. В вагоне I класса я встретил О.Л.Звереву с ее сыном Люрой, моим будущим учеником. На полпути, со станции Таншан, мы попали уже в зону японского влияния. Здесь была пересадка, пришлось пробыть на станции около двух часов. Новый поезд был составлен из чистеньких вагонов Южно-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги], и я купил себе билет III класса. В Таншане полил сильный дождь, и мои соседки, еврейские девочки, поглядывая в вагонное окно, запели:

— Дождик, дождик, перестань,
Мы поедем на ристань²,

¹ Талызин М.А. По ту сторону. Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1932.

² Возм. от слова «ристанье». По В.И.Далю: место, площадь и все устройство для ристанья (боевых упражнений или представлений).

Странно было слышать эту русскую песенку в вагоне, переполненном китайцами, где-то на станции Таншан. Я невольно как-то вспомнил и свои детские годы, когда мы в Сибири порой тоже так же упрашивали дождик перестать литься.

В Пэйтиайхо я приехал уже в 8-м часу вечера, на вокзале взял рикшу и проехал прямо в Central hotel. На вокзале поезд наш встретили уже многие русские, в большинстве дамы, высматривавшие постояльцев для своих boarding-house'ов, в числе их я увидел М.П.Степанову, А.М.Шустову и Е.В.Смолянникову. Последняя предложила занять у нее комнату. Решил завтра побывать у нее и посмотреть ее дачу.

В Central hotel мне отвели довольно плохенькую комнату, с полным пансионом за 4 доллара в сутки. За ужином, на веранде отеля, я познакомился с публикой, которая населяла отель. В большинстве это были русские дамы: русские и еврейки. Утомившись от пути, я довольно крепко уснул и не просыпался до утра, когда уже рассвело. Спать было прохладно. Вечером этого дня моя жена в компании с Е.А.Лавдовской и И.Н.Головко-Улазовским должна была выехать по ж[елезной] д[ороге] на станцию Танку, чтобы там сесть на японский пароход, отходящий в Дайрен.

24 июля. Утром отправился на дачу г[оспо]жи Смолянниковой, где и снял небольшую комнату после некоторого торга. Комнату снял посезонно за 50 долларов, стол из расчета 80 долларов за месяц. Несомненно, я немного переплатил. Комнату снял посезонно из-за соображения, что, м[ожет] б[ыть], жене на обратном пути из Танканцзы удастся заехать тоже в Пэйтиайхо и здесь пожить неделю-другую. Дача Смолянниковой расположена в центральной части Пэйтиайхо, на Rocky Point, недалеко от моря. После обеда я оставил Central hotel и перебрался на новое место. Мои болячки на голове очень меня беспокоят. Надеюсь, что прохлада и морские купанья их вылечат.

25 июля. Моя дачная хозяйка, Е.В.Смолянникова, — уроженка Сибири, из Алтая, с ней находится ее 14-летняя дочь Таня, ребенком с родителями перешедшая русско-китайскую границу, и отец ее супруга, священник о[тец] Флегонт*, настоятель церкви при тяньцзиньском Доме милосердия. Далее на даче было семейство Хусисян: муж, жена и двое детей. Он родился где-то в Малой Азии, она — в Тифлисе. Затем было еще две дачницы: г[оспо]жа Н.Ф.Петрова и девочка Лия Быкова, первая родом из Петербурга, вторая, кажется, забайкалка. В моем лице вселился на дачу еще и иркутянин. Как это видно, бывшая Россия была представлена на даче Смолянниковой довольно-таки разнообразно.

В 11 часов утра я надел купальный костюм и пошел на море. С большим блаженством я погрузился в морские волны: плавал, нырял, барахтался в воде, наверное, не менее часа времени, чем привел в ужас моих новых знакомых по даче, которые считают, что для первого раза достаточно будет покупаться около 5 минут.

26 июля. Отправил письма и газеты жене. Записался в местную английскую библиотеку и взял для чтения интересную книгу лэди Hosié

«Two Gentlemen of China»¹. Будет ли только читаться? Присмотрелся к Пэйтайхо: против прежних лет народу в нем немного. Виной этому — недавние события, разразившиеся на Северном Китае, и военная [рас]пря между японцами и китайцами. Приехала на дачу новая жилища m[ada]me К.М.Карпинская, родившаяся в Петербурге, выросшая в Харбине (дочь генерала Афанасьева).

28 июля. На рейде Пэйтайхо появились военные суда, кажется, английские... Приехал сюда на отдых английский посланник. Публика вообще понемногу прибывает. Купаюсь в море вовсю.

29 июля. Писем от жены нет. На даче появился муж нашей хозяйки [М.Ф.Смолянников*], взявший двухнедельный отпуск для летнего отдыха. В прошлом это белый офицер, теперь управляющей конторой одной большой пушной фирмы в Тяньцзине. Вечером небольшой компанией были в Tea shop, смотрели фокстротные танцы.

30 июля. Сегодня с о[тцом] Ф.Смолянниковым побывали на даче Русской Духовной Миссии. На той даче поселились семейства Рейс, Колобовых, Ушинских и Кулаевых. Прогулка вышла большая: вероятно, туда и обратно мы промеряли не менее семи верст.

31 июля. Отличный, яркий, солнечный день. С наслаждением купался в море. Мои болячки на голове начинают как будто подсыхать.

1 августа. С утра полил большой дождь, стало сыро. Купание сегодня пропустил. Хотел отправить письмо express жене, но на почте мне заявили, что в зону Южно-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги] принимаются письма только простые. Боюсь, что и мои письма к жене не доходят.

2 августа. Снова отличный день. Наслаждаюсь чистым воздухом, купаюсь, гуляю. Чувствую, что силы мои освежаются.

3 августа. Хорошо, но все же дни проходят однообразно, по-дачному. Живу, как животное, даже очень мало читаю. На даче компания жильцов подобралась хорошая: кажется, ко мне все относятся дружески — хорошо. А на даче компания — дело великое. Сколько могу, развлекаю дам шутками.

4 августа. Получил, наконец, первое письмо от жены. Письмо от 30 июля, значит, шло пять дней. В Пэйтайхо на лавках вывешены флаги Гомиьндана. Это означает, что курорт перешел от японцев снова под крыло Нанкина.

5 августа. Вчера ходил на Lotus Hill и любовался здесь многочисленными живописными уголками. Часто брожу по берегу моря. От больших прогулок пока еще воздерживаюсь.

6 августа. Воскресенье. Ходил в гости к Капустиным, которые имеют здесь свою дачу. Отсюда большой компанией ходили в горы. На нашу дачу приехали супруги Быковы.

7 августа. Получил от жены целых четыре письма. Пишет, что начала курс лечения своих больных рук. Боюсь за ее сердце, так как в этом отношении горячие грязи в Танканцзы могут быть опасны.

¹ Hosie, Dorothea Soothill (1885–1959). Two gentlemen of China; an intimate description of the private life of two patrician Chinese families, their homes, loves, religion, mirth, sorrow, & many other aspects of their family life, by Lady Hosie, with an introduction by Professor Soothill. London, Seeley, Service & co. Limited, 1929.

8 августа. Сегодня утром хозяин дачи подрался с китайцем, кули-водоносом. Я не принял участия в этом происшествии. Кажется, сочли, что я трус. Мои болячки на голове почти все ликвидировались. Собираюсь числа 15-го вернуться в Тяньцзинь, где, как пишут, погода устанавливалась прохладная, во всяком случае, терпимая.

9–13 августа. Дни потекли однообразно. Начал совершать большие прогулки. 12-го дважды в день путешествовал на Shell Beach и, в общей сложности, за день прошел не менее 18 верст.

14 августа. Возвратился домой со сквозным поездом. Поезд шел быстро и точно. В вагонах была видна японская охрана. Мой отдых на море продлился 3 недели.

15 августа. Итак, я снова в Тяньцзине, который после пэйтэйховской зелени показался мне серым и тусклым. Жена пишет, что числа 23-го намерена также возвратиться домой.

16 августа. За мое отсутствие в Тяньцзине я получил мало писем, корреспонденции вообще. Д.П.Першин из Калгана прислал мне свою рукопись о Внутренней Монголии. Нью-Йоркский журнал «Asia» сообщил мне, что из 75-ти посланных мною фотографий, относящихся к Халхе, он приобретает 25 и переводит за них мне 10 американских долларов. Давно нет никаких писем из Праги. День провел в мелких хлопотах, вечером сделал большую прогулку за город. Жара стоит терпимая: около 80 градусов по Фаренгейту. Местное русское общество «Сокол» пригласило меня прочесть ряд лекций по сибиреведению и китаеведению. Я дал свое согласие на это. Жена приглашена прочесть ряд лекций по истории русской литературы.

17 августа. Утром побывал у епископа Виктора, который лежит в постели, страдая от ревматизма. Беседовали довольно долго. Я узнал, что переданная мною в свое время епископу рукопись «Албазин и албазинцы» лежит где-то в Шанхае без всякого движения. После обеда я ходил по знакомым и собирал деньги в пользу Д.П.Першина. День был довольно жарким. Я порядочно потел. Если бы не было так дорого жить в Пэйтэйхо, лучше было бы пожить там лишнюю неделю.

18 августа. Занялся корреспонденцией: наладил очередные посылки в Прагу и Америку. С 8-го августа прошлого года я начал записывать наши заработки с женой. На днях сделал подсчет. Выяснилось, что за год мы с женой заработали всего 4476 долларов. По отдельным статьям этот доход распределился так:

Литературные заработки 2419 долл[аров]

Уроки 1965

Разные 92

Всего 4476 долл[аров].

Пожалуй, в будущем году уже не удастся столько заработать. Не предвижу удачного заработка в Америке.

19 августа. Местный бунтарь, войсковой старшина Шишкин, вкуче с несколькими любителями критики и оппозиции, приступил к созданию газеты «Зарубежный Голос», которая пока выходит спо-

радикаски¹. Я видел первый номер этой газеты, который оказался на редкость тусклым и бездарным. Не много ли будет: три русских газеты для Тяньцзиня?

20 августа. Воскресенье. Ночь провел скверно, почти без сна: мучил припадок боли в печени. Ночь была очень прохладная, я же лежал в тяжелой испарине. Кажется, в этом году это был мой первый припадок болезни печени. Тяжко сознавать, что к старости тебя одолевают все более и более разные болезни.

21 августа. Получил письмо от жены. Пишет, что собирается вернуться домой в субботу, 26-го. Вечером побывал один за другим в трех клубах: шахматном, теннисном и Русском. В Русском теннисном клубе публика разнообразно проводит время: кроме игры в теннис я видел тут игру в бридж и маджан. Утром у меня побывал и пообедал В.А.Зубец из Пекина. Взял черновик своих мемуаров и одну копию моей переработки их. Интересно, что-то даст нам эта мемуарная затея. Я думаю, в половине сентября придет уже ответ из Америки. В «Возрождении Азии» некто за подписью «Унгерновец» печатает довольно интересные очерки из эпопеи сумасшедшего барона². Я довольно аккуратно вырезаю из газеты эти очерки для своего архива.

22 августа. Литературные мои занятия налаживаются очень туго; понемногу веду обработку мемуаров В.Ю.Сокольницкого.

23 августа. Журнал «Парус» просит меня посылать ему рассказы из китайской жизни. Не знаю, явится ли у меня желание еще что-нибудь посочинять по части беллетристики.

24 августа. По городу расклеены летучки с извещением, что скоро в Тяньцзинь прибывает Терский казачий хор. Значит, для любителей хорового пения скоро будет много удовольствия.

25 августа. Опять провел ночь без сна: жестоко мучили боли в печени. На протяжении шести дней — это второй припадок. Отчего, не знаю. То ли я ем больше, чем надо, то ли что-то неладно в моем выборе пищи. С нетерпением жду приезда жены; она должна возвратиться домой завтра или послезавтра. Надеюсь, она с обычным ей присущим мастерством и чутьем наладит наш общий стол. С 1-го сентября нам придется потесниться: мы решили сдать одну из наших больших комнат мальчику Люре Звереву, который приезжает сюда из Пекина для поступления в старшие классы английской школы для практики в английском языке. С нами он в то же время будет заниматься по программе русских учебных заведений, примерно на аттестат зрелости. До сих пор Зверев (он же Ростислав Кульшинский) учился в Пекине, в немецкой школе, которую он и окончил весной этого года. Нашей квартирантке, Н.В.Семеновой, придется выехать из нашего дома. Приходится наводить режим экономии.

¹ Зарубежный Голос: [«Временник» газеты того же названия]: Орган русской патриотической мысли / Отв. редактор Д.Я. Шишкин. [Изд. «Временника» — впредь до выхода газеты «Зарубежный Голос», который не вышел]. Тяньцзинь, 1933; См. об этом: Новая русская газета в Тяньцзине // Возрождение Азии. 1933. 25 июля.

² Возможно, автор П.Чегодаев.

26 августа. Вечер провел в кафе Карацаса, где одновременно играл с двумя шахматными игроками. Выиграл шесть партий, не проигравши ни одной. Рано улегся спать.

27 августа. Утром рано меня разбудил наш повар-китаец фразой:
— Мадам лай-ла!

Приехала жена вместе с ее спутницей Е.А.Лавдовской. Как показалось мне, обе похудели. Весь день рассказывали друг другу: жена о том, как проводила время в Танканцзы, я — о том, как отдыхал в Пэйтиахо. Ткаченко, русский доктор в Танканцзы, констатировал у жены болезнь сердца, миокардит, и сделал ей ряд медицинских предписаний. Руки у жены как будто стали болеть менее.

28 августа. Успенье. День выдался необыкновенно жаркий. Наладившийся к вечеру дождик немного освежил атмосферу. С громадным нетерпением жду настоящей осенней погоды.

29 августа. Надо как-то располагаться на 14-ую осень в Китае. Надежд на возвращение в родные края нет никаких. Китай, китайцы и китайщина надоели и опостытели до последней возможности...

30 августа. Кажется, я надумал окончательно набросать ряд очерков из эпохи рассеяния белых русских по просторам Азии, в живой полубеллетристической форме, выбрав для живописания наиболее драматические моменты из этой эпохи. Все это будет относиться к 1920—22 годам. Эту свою проектируемую киноленту рассказов думаю перевести на английский язык и предложить какому-либо частному американскому издательству. Цель — зашибить немного денег, если удастся... О, мечты! Мечты!

31 августа. Получил письмо из Пекина с известием, что наш новый квартирант и ученик Люра Зверев приезжает к нам в субботу, 2 сентября.

1 сентября. Жена занята усиленными хлопотами по устройству комнаты для нашего нового постояльца. Я слоняюсь из комнаты в комнату и томлюсь от скуки.

2 сентября. В 7 ч[асов] 25 м[инут] вечера я встретил на вокзале Л.Зверева.

3 сентября. Утром отправился на прогулку за город, по направлению к Скаковому кругу. По дороге туда трое встречных знакомых сообщили мне новость дня:

— Убит Андрющенко!

Андрющенко — в прошлом студент Восточного института во Владивостоке, здесь владелец столярно-мебельного предприятия «Desoga Studio», поставлявшего для города художественно исполненную мебель в стиле модерн. Мастерская за последнее время приобрела большую популярность, отлично работала, будучи завалена заказами. Убит был Андрющенко за городом, недалеко от усадьбы Бендерского. Я видел труп убитого, накрытый простыней, в стороне от дороги, где печально стоял автомобиль убитого. Публика предполагает, что убийство, вероятно всего, произошло на почве мести, возможно, на романтической подкладке. Трагедия разыгралась ночью. Труп был обнаружен прохожими китайцами рано утром. Русская публика очень взволнована происшествием.

Вечером мы с женой слушали концерт хора терских казаков под управлением маэстро Машина. Получили, конечно, большое удовольствие.

4 сентября. В связи с убийством Андрющенко арестованы будто сегодня супруги Сидоровы: он – предприниматель, владелец кишечного завода; она зубной врач. Город продолжает питаться этой сенсацией дня.

5 сентября. Кончил сегодня обработку и переписку мемуарной работы В.А.Сокольниковского, описавшего поход его отряда в 660 человек из Западной Монголии в Китайский Туркестан (от Кобдо до Гучена) в 1922 году. Теперь придется, кажется, засесть за другую его работу, носящую заглавие «Кайгородовщина». Последняя работа имеет более объемистый вид, чем первая.

6 сентября. Беседовал с директором английской школы. Оказалось, что наш квартирант, Люра Зверев, провалился на экзаменах и в школу принят быть не может. А ведь мальчик ранее полностью кончил немецкую школу в Пекине. Видимо, школа эта очень плохо поставлена и не даст ученикам прочных знаний. Для его матери это будет малоутешительно.

7 сентября. Вечером, неожиданно для нас, приехала к нам из Пекина О.Л.Зверева. Она озабочена устройством своего сына, которому надо продолжать свое образование.

8 сентября. Супруги Сидоровы продолжают сидеть под арестом. Город не перестает обсуждать таинственное убийство Андрющенко.

9 сентября. Побывал на вечеринке – бале, устроенном русскими соколами в Русском клубе. Перед дивертисментом полк[овник] Н.П.Коршунов сказал краткое слово по истории сокольства вообще, русского сокольства в частности. Н.П.Коршунов имеет ораторское дарование. Он – оратор божьей милостью, явление довольно редкое в рядах эмиграции. На вечеринке я пробыл до 2-х часов ночи.

10 сентября. Воскресенье. Согласился через неделю прочесть у соколов лекцию на тему «Народы Сибири». Вечером побывал на вечеринке, устроенной Эмигрантским комитетом на площадке Русского теннисного клуба.

11 сентября. Началась педагогическая страда. Сегодня провел за уроками уже четыре часа. Эта страда продлится до первых чисел декабря. За день у меня побывало двое визитеров: Галкин из Дайрена и В.А.Зубец из Пекина.

12 сентября. Вечером меня посетил гость из Харбина Т.В.Бутов*, когда-то, во времена Сибирской республики, «именитый сибирский боярин». Он ведал в 1918 году всей секретарской частью Совета министров Сибирского правительства, в то время как его родной брат стоял во главе секретариата Рев[олюционного] военного совета Советской республики, т.е. у Троцкого. Теперь на визитной карточке Бутова значится: директор Торгового Дома «Чистяков и компания», в Харбине. Кажется, занят в кишечном деле.

13 сентября. Дни проходят скучно. Много времени тратится совершенно непроизводительно. В родной стране и обстановке я даже и в эти мои годы сделал бы в десять раз более, чем здесь.

14 сентября. Получил письмо от Фишера из Америки, не очень утешительного характера. По животрепещущему для меня вопросу о мемуарах Зубца он сообщает следующее: «Подтверждаю получение Ваших писем от 18 и 22 июля вместе с манускриптом В.А.Зубца. Я с удовольствием передам его в Библиотеку Хувера с Вашим предложением. Если же библиотека не будет в состоянии его приобрести, я постараюсь продать его другому учреждению, которое может им заинтересоваться. Я должен сказать, что рассчитывать на предложение Библиотеки напечатать этот материал на английском языке в 1934 году не приходится. Я также должен предупредить Вас еще раз, что средства для приобретения Библиотекой таких материалов уменьшились, и поэтому автору этого документа не следует быть слишком оптимистически настроенным в вопросе о покупке его материала Библиотекой...»

В этом ответе я мало что понимаю. Если у Библиотеки Хувера нет средств и она не в состоянии израсходовать даже несколько сот долларов на приобретение такой интересной рукописи, как мемуары Зубца, то вообще к чему же тогда ее деятельность может сводиться? К переписке со случайными корреспондентами вроде меня? К ожиданию сложа руки лучших времен?

Вечером зашел ко мне Н.П.Коршунов и сообщил, что моя лекция о народах Сибири перенесена на субботу, 16 сентября. Положение мое с уроками пока определилось так. Имею шесть учеников и учениц. Занят с ними 20 часов в неделю, что даст мне заработка 150 долларов в месяц. Жена пока имеет двух учениц.

15 сентября. Вчера вечером побывал на 14-м вечере русской музыки в Русском клубе. На этом концерте виолончель исполняла произведения Чайковского, Прокофьева, Дубенского и Авшаломова*. Меня заинтересовал последний композитор, с которым я несколько лет тому назад встречался здесь, в Тяньцзинь. Авшаломов родился в еврейской семье в городе Николаевске-на-Амуре в 1894 г. По окончании университета в Цюрихе, в Швейцарии, он уехал в Сан-Франциско, где много занимался музыкой. Затем он прожил несколько лет в Китае, в Пекине, где посвятил все свое свободное время изучению китайской музыки. На основе народных китайских песен, пения в китайских кумирнях и музыки китайского театра Авшаломов написал оперу «Богиня Гуань-Инь», которая была с успехом исполнена в Америке, в Портленде. В настоящее время Авшаломов проживает в Шанхае. На концерте были исполнены его произведения на китайские темы и с китайским ритмом: 1) поэтические произведения из сборника Ши-Цзин «Ты умрешь», для голоса и оркестра, и 2) пляс уличных мальчишек в деревне. В «Ты умрешь» пела китайка, обладательница весьма красивого сопрано, европейски поставленного. Кажется, впервые в жизни я слышал такое пение китайки. Оба произведения Авшаломова были исполнены симфоническим оркестром в Шанхае под управлением дирижера Пати.

Стихотворение «Ты умрешь» было написано в глубокую старину китайским поэтом по адресу одного скупого феодалского владетеля, обладавшего колоссальными богатствами и ими не пользовавшегося.

В русском переводе это стихотворение гласит примерно следующее:

У тебя есть богатые наряды и парча,
Отчего же ты так бережешь их?
Кони есть у тебя в роскошной упряжке,
Отчего же позволяешь стоять им?
Ты умрешь,
И тогда уж другой, а не ты
Насладится всем этим...
У тебя есть палаты, есть и дворцы.
Отчего же их никогда не метут?
Есть барабаны, есть и колокола.
Отчего же не слышно их звуков?
Ты умрешь,
И тогда уж другой, а не ты
Насладится всем этим...
У тебя есть вино, вкусные яства.
Отчего не играешь на лютне всегда,
Чтобы в радости проводить свои дни?
Ты умрешь,
И тогда уж другой, а не ты
Насладится всем этим...

и т.д.

Сегодня узнал из газет, что епископ Виктор назначен начальником Русской Духовной Миссии в Пекине. Я не знаю, является ли епископ Виктор честолюбцем, добивался ли он своего назначения на этот пост. Одно могу сказать, что не на радость свою он так высоко поднялся. Сегодня же Н.П.Коршунов рассказал мне следующую грустную новость. Последние недели епископ Виктор, страдая ревматизмом, лежал на излечении в Рокфеллеровском институте в Пекине. К нему на днях явился приехавший из Тяньцзиня в Пекин пресловутый китайский священник, протоиерей Сергей Чан и попросил епископа приехать в Миссию, чтобы принять участие в работах какого-то совещания. Епископ внял просьбе протоиерея, встал с постели и отправился в Миссию. На совещании Сергей Чан предъявил епископу Виктору требования о предоставлении ему архиерейских покоев и сдаче ему миссийского дома на Синкайлу. Епископ ответил, что эти дома не принадлежат ему лично и являются собственностью Миссии и что он поэтому не может решать этот вопрос сейчас же. Протоиерей затеял крупный разговор. Епископ встал, чтобы покинуть совещание. Чан преградил ему путь и затем якобы толкнул епископа в бок так, что тот упал на пол. Никто из присутствовавших не заступился за православного епископа, попираемого диким китайцем. Служка поднял епископа на ноги, и он уехал обратно в госпиталь. Эта история была бы невероятна, если бы не было так сумбурно то время, которое мы переживаем.

Н.П.Коршунов рассказал мне всю эту историю «по секрету». Я думаю, однако, что скоро ее будут знать все, если только она правдива. В последнем случае, чем она кончится, трудно сказать. Правдивость ее для меня все же сомнительна.

16 сентября. Сегодня в Пекине маститый Д.Л.Хорват празднует 75-летие свое в кругу друзей и представителей некоторых эмигрантских организаций. Из Тяньцзиня на празднество выехало несколько человек, в том числе полковник А.П.Бендерский и

Е.М.Адерсон. Мы с женой послали почтенному юбиляру поздравительное письмо.

17 сентября. Воскресенье. Вчашняя моя лекция у соколов прошла удовлетворительно. Из-за краткости времени, предоставленного в мое распоряжение, я не сумел рассказать всего, что задумал. На вечеринке было более ста человек народу.

Сегодняшний день провел вяло и скучно. Вечером ко мне забрел Mr. Moge. С ним долго говорили о китайцах и Китае.

— Я ненавижу китайцев, презираю их, — говорил мне мой собеседник. — Я устал смертельно от Тяньцзиня. Нужно куда-нибудь уезжать отсюда.

Признаться сказать, я разделял его настроение и мысли. Но куда тронешься без денег? Хоть бы выиграть кучу денег в какую-нибудь лотерею! Теперь Американский полк каждые две недели устраивает лотереи: за один доллар можно счастливцу выиграть 8000 долларов. Мы с женой уже несколько раз пытали счастье, но все неудачно...

18 сентября. Надумал прочесть для соколов лекцию о русском языке, искажениях его и словотворчестве в нем, иллюстрируя эту свою лекцию сценическими эскизами. Вообще, планов у меня по части лекционной немало...

19 сентября. Побывал вечером на именинах М.Ф.Смолянникова. Было человек двадцать гостей. Разило скукой...

20 сентября. Переписываемые мною мемуары В.Ю.Сокольниковского «Кайгородовщина» весьма интересны. Я с удовольствием погружаюсь в эти предания «старинны глубокой». Беседовал сегодня с соколом Константиновым, бывшим партизаном отряда Казагранди. Он тоже поведал мне много интересного о действиях этого отряда. Все более и более убеждаюсь, что рассеяние «белых русских» по просторам Центральной Азии — грандиозная эпопея, которой необходимо получить своего Гомера, изобразителя...

21 сентября. В целях снижения давления крови начал вливание японского препарата «Lodipon» (глюкоза) по совету мукденского доктора Ткаченко. Последнее измерение давления крови показало у меня: 216. С таким давлением ни одно общество не возьмется страховать мою жизнь.

22 сентября. У меня появился новый ученик для подготовки его в английскую школу, молодой человек 18 лет. Это некто Педашенко, сын врача из Китайского Туркестана. По его рассказам, он вместе с 12-ю другими русскими пробыл полтора года в плену у мусульман. Здесь его неоднократно били, мучили, водили на расстрел. Слушать его рассказы — страшно. Подумать только, за что судьба приготовила иным русским в Китае такие ужасные испытания. В Тяньцзинь мой ученик вместе с матерью прилетел из Туркестана на аэроплане.

23 сентября. Получил письмо от Д.И.Густава*, редактора журнала «Парус», с просьбой поддержать этот журнал посылкой работ: статей, рассказов и пр. В письме Густав причислил меня к «редким рядам действенных культурных сил русской эмиграции». Если это не комплимент, то приятно прочесть такую оценку.

24 сентября. Воскресенье. Вчера вечером побывал у меня И.Я.Антуфьев, владелец книжного магазина «Знание», сибиряк родом, когда-то живший и в Иркутске. Много беседовали на сибирские темы, вспоминали Иркутск. Я достал из своего книжного шкафа «Восточное обозрение» за 1889 год. Антуфьев, большой библиофил, пришел в восторг, увидев такую сибирскую книжную редкость.

Сегодня я был с ответным визитом у него. Потом пошли пить чай к старикам Наквасиным, кяхтинцам. Старик Наквасин*, по моей просьбе, рассказал мне кое-что из старого кяхтинского быта, привел примеры того своеобразного языка, на котором объяснялись когда-то в Кяхте русские и китайцы. Вот, например, китаец говорит по-русски:

– Нынче влемея шибка худа, талан ниту никакой, чай поташи шибка мало; кушаху все дологой...

Это значит:

– Время ныне очень худое; работы нет. Чаю привозят очень мало. Кушать – все дорого!..

Или вот обмен приветствиями:

– За теби како поживай?!

– За моя шибка халошо.

А вот и целая картина: китаец пилит на своей скрипке, сидя на базаре, и поет, что баба на базаре продает ватрушки. Баба – маленькая, толстая, походит на пушку. А ее мужик, как дурак, таскает квас в тусесе, ходит и кричит: Квасу! Квасу! Я попробовал квасу немного, и брюхо заболело.

По-китайски, на русском языке, это выходило так:

– Баба на базале продает а ваталушки. Сама – маленьки, толстан, андали наша пушка!

Ти-та, ти-та! Та-та-та! То-то-та!

За его мужики андали дулаки, все кваса потайшан по большан булаки.

Ти-та, ти-та, ти-та-та!

– Куаса! Куаса! За его кличи за моя плобавай пустяка, блюха заболита.

Ти-та, ти-та, Та-та-та!

Или:

– Ты плохо поступил со мной!

Это на особом языке будет значить:

– За тебе жестоко манел постав еси.

Кое-что в этом роде было когда-то записано в известной книге Максимова о русском Дальнем Востоке¹.

Купил сегодня себе сентябрьскую книжку «The China Journal»; в ней напечатана моя небольшая заметка «Transportation of Wool on the Huang Ho» с двумя фотографическими иллюстрациями. Это уже четвертая моя заметка в этом английском журнале.

25 сентября. В начале декабря я наметил прочесть свой доклад на тему «О недочетах этнографии как науки» в одном из очередных

¹ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. 3-е изд. СПб.: Просвещение, 1909.

заседаний местного Литературно-научно-художественного кружка. Признаться сказать, большой охоты работать в этом кружке у меня нет. Приготовил для отправки в «Парус» статью «Русские интересы в Китае» — ту самую, что не была принята у меня в Париже «Современными записками».

26 сентября. Советско-японские отношения становятся натянутыми и напряженными. Публика начинает поговаривать о возможности войны между Сов[етской] Россией и Японией.

— Война так война! — говорят некоторые. — Хотя бы разрядилась эта проклятая атмосфера, которой мы дышим теперь... и от которой задыхаемся.

27 сентября. В китайских делах опять происходит какая-то несурязица: какой-то генерал опять куда-то почему-то и для чего-то наступает. Видеть эти несурязицы вот уже тринадцать лет подряд — это поистине тяжелое испытание.

28 сентября. Сенсация месяца: убийство Андрющенко продолжает привлекать внимание русских кругов здесь. Арестованные по этому делу супруги Сидоровы предаются на днях суду. Говорят, что прямых улик против них все же нет. Любители посудачить высказывают предположения, что Андрющенко могли убить большевики, которые имели против него какой-то зуб... — больно уж работа-то чистая; так убрать человека способны только наши большевики, говорят некоторые.

29 сентября. Получил сегодня предложение от О[бщест]ва «Сокол» прочесть в воскресенье, 1-го октября, лекцию для соколов на тему «Народы Китая». Хотя у меня и мало времени остается для подготовки, все же я дал свое согласие. Ученики у нас с женой прибавляются: сейчас мы имеем, кажется, уже 12 человек, обучающихся у нас.

30 сентября. Виделся с Р.Смит, который только что вернулся из Харбина, и он порассказал мне много интересного о харбинском житье-бытье.

— Войну Сов[етской] России с Японией там считают неизбежной, но никто, конечно, не знает сроков.

От него же я узнал, что дочь П.В.Вологодского [Зина*], живущая сейчас в Америке, продала мемуары своего отца в Hoover War Library, точнее, в находящийся при этом учреждении Институт по изучению русской революции. По словам рассказчика, представитель сибирских областников в Харбине, проф[ессор] М.П.Головачев за последнее время безвыездно торчит в Токио, где, очевидно, ведет какие-то переговоры с японцами.

1 октября. Воскресенье. Днем побывал на торжественном освящении знамени в местной организации «Русский Сокол». Сокола, соколки и соколята были в парадной форме и представляли в своем построении живописные ряды. Торжество началось с молебна, который служил о[тец] прот[оиерей] Петр Рождественский, в сослужении о[тца] диакона Федора Дэ (албазинца). По моему подсчету, соколов в парадной форме было не менее ста человек.

Вечером в сокольне состоялась моя лекция на тему «Народы Китая». Читал я ее около 40 минут. Признаться, трудно выбрать тип

лекции: слишком уж разношерстна аудитория — как по возрасту, так и по общему развитию слушателей (дети и взрослые, малограмотные и ученые). Как-то надо приноровиться. Следующая лекция заказана мне на тему «Славянские народы».

2 октября. В данное время я имею уже занятыми уроками 33 часа в неделю, и жена имеет 10 часов в неделю жс. Порой уроки меня утомляют, тем более что я занимаюсь почти исключительно по математике. Изредка, по старой памяти, преподаю латинский язык.

3 октября. Дни проходят в трудовом порядке. Занимаюсь уроками; в промежутке между ними веду обработку мемуаров Сокольницкого, кои нахожу интересными. Начинаю обдумывать план моей новой работы «Рассеяние русских белых армий по материк Азии». План этот еще не совсем вырисовался у меня. Есть еще желание что-то сделать, только бы хватило сил и здоровья!

4 октября. Сегодня — китайский осенний праздник, праздник Луны. Гуляя вечером по улицам города, я заметил кое-где в китайских лавках жертвенные приношения в честь ночной красавицы: это были различного рода яства и фрукты, расставленные на столах, с двумя горящими свечами на них. Луна сегодня великолепно сияет на небе, в полном блеске, чувствуя свой именинный день.

5 октября. Года четыре тому назад я написал статью на тему «Людские опустошения в Китае». Статью эту я нигде не напечатал, и она до сих пор валяется в моем архиве. Последние годы могли бы прибавить еще много грустных цифр к этой моей статье. Наводнение Желтой реки в этом году принесло большие несчастья: погибло 50 000 человек, 2 000 000 пострадало; из них более миллиона голодает. Коммунистические банды предали за последние четыре года потоку и разграблению сотни уздов центральных и южных провинций страны.

6 октября. Сегодня вечером в квартире председательницы Литературно-научно-философского кружка m[ada]me Стилл состоялось сообщснис А.А.Орлова на тему «Китай и китайцы». Докладчик прочел перевод, сделанный им из книги одного иностранного путешественника по Китаю. После доклада — легкий обмен мнениями по поводу прочитанного и затем основательный ужин, предложенный гостеприимной хозяйкой. M[ada]me Стилл — русская родом, замужем за англичанином, занимающим большое место по администрации Пекин-Мукденской ж[слезной] д[ороги].

7 октября. На дворе стало что-то очень холодно. Люди оделись в теплое платье. Боюсь, как бы завтра погода не испортила сокольского парада.

8 октября. Сокольский парад состоялся в 2 часа 30 минут на Can do Field, гимнастической площадке американских войск. Присутствовало много народу. Мы с женой получили даровые билеты. К сожалению, стояла холодная погода, дул противный пыльный ветер. Все это портило зрелище и мешало гимнастическим упражнениям. Я схватил простуду и к вечеру почувствовал себя плохо.

9 октября. Весь день провалялся в постели, отменив свои уроки. Голова была тяжелая, сильно хотелось спать, был легкий жар. На ночь выпил малины, проглотил таблетку аспирина.

10 октября. Сегодня почувствовал себя лучше и снова начал свои занятия.

Вчера Китайский Суд начал слушанием дело об убийстве Андрющенко; в качестве обвиняемых по делу находятся супруги Сидоровы. Суд был переполнен публикой. Газеты, русские и иностранные, печатают сегодня длинные судебные отчеты.

11 октября. Получил на этих днях ряд писем: в т[ом] числе от Фишера и журнала «Asia» из Америки, Д.П.Першина из Калгана и И.Н.Головко-Улазовского из Харбина. Д[окто]р Фишер сообщил, что он не нашел возможным приобрести мемуары Зубца для архива Военной Библиотеки Хувера, но, возможно, их приобретет некоторое другое учреждение. Пилюля несколько позолочена, но это не меняет существа дела. Меня удручает то обстоятельство, что в Америке как будто закрываются для меня источники дополнительного заработка. Не хотелось бы, чтобы это действительно было так.

12 октября. Получил письмо от проф[ессора] Паттерсона (Ernest Minor Patterson)* из Филадельфии с предложением вступить в число членов Американской Академии Политических и Социальных знаний, председателем которой он состоит. Эта Академия имеет свои издания: ежегодно выпускает шесть томов, каждый из которых посвящается одному какому-либо важному национальному или международному вопросу. Июльский том Академии за этот год был посвящен, напр[имер], теме «Американская политика в Тихом океане».

13 октября. Проскочили кое-как письма из Праги, но, в общем, я мало получаю теперь почтовой корреспонденции.

14 октября. Покров Пр[есвятой] Богородицы. Сегодня градотяньцзиньская Покровская церковь празднует свой престольный праздник. Для меня, в заграничной обстановке, этот праздник прошел, как будни: имел семь часов занятий с учениками. К вечеру порядочно устал от уроков.

15 октября. Воскресенье. Утром гулял за городом. Был на усадьбе Бендерского. Случайно встретился здесь с проф[ессором] Широкогоровым и его женой. К сожалению, не успел с ними побеседовать как следует. Профессор приехал сюда погостить на несколько дней. Сегодня же он уезжает в Пекин, где он состоит в профессорской коллегии университета Цин-Хуа.

16 октября. Германия вышла из Лиги наций — вот сенсация дня. Как видимо, мир начинает поворачиваться в какую-то другую сторону. Куда? Будут ли драться паны? Будут ли трещать чубы у хлопцев?

17 октября. Неприятный день... Хотел бы, чтобы он стал приятным днем — днем забвенья и исцеленья грехов прошлого, и притом прошлого, более далекого от нас, чем моя жизнь... от начала дней моих.

18 октября. Начал перечитывать книгу Оссендовского* «Звери, люди, боги». Хочу поучиться у него, как надо врать, чтобы уметь зарабатывать деньги в Америке... нечем иным, как именно этим самым враньем...¹

¹ А.М.Оссендовский является инициатором шантажа известной дальневосточной фирмы «Кунст и Альберс», имевшей тесные связи с Германией. Он потребовал

19 октября. Что-то опять я начал плохо чувствовать себя.

20 октября. Весь день «скудал» желудком, каковой я, очевидно, где-то простудил. Часть дня провалялся в постели.

21 октября. Сегодня стало мне лучше. Вечером, после двух суток голодания, я немного поел.

22 октября. Газеты много пишут о предстоящем признании Соединенными Штатами Союза Советских якобы Социалистических Республик и о предстоящей поездке в Америку полномочного представителя бывшей России Финкельштейна-Валлаха-Меера-Литвинова, когда-то продавца награбленного товара. Сам президент Рузвельт примет Литвинова. Эх!..

23 октября. Сказать откровенно, я не ощущаю аппетита к жизни...

24 октября. Кажется, плохо то, что даже литературные занятия перестали меня интересовать...

25 октября. В этом месяце мне удастся перевести Д.П.Першину в Калган 30 долларов: из Шанхая от Н.К.Эльтекова* пришло подкрепление для этой цели в сумме десяти долларов. Эльтеков, бывший сослуживец Першина, обещает ежемесячно посылать по столько же.

26 октября. После летней поездки в Танканцзы жена окончательно расстроила свое сердце, и теперь она часто чувствует недомогания в сердечной деятельности. Сегодня ночью она почти не спала, боялась за сердце, принимала капли. Так вот, к 50-ти годам мы оба превратились в инвалидов.

27 октября. Отправил письмо в шанхайский «Парус», который прошу выручить мою рукопись «Албазин и Албазинцы». Эта рукопись, как сообщил мне недавно епископ Виктор, оставлена им у о[тца] иеромонаха Гавриила*.

28 октября. Газета «Возрождение Азии» перепечатала сегодня из шанхайского «Слова» мою статью «Покорение Сибири», отнюдь, однако, не под этим заглавием, а придумав свое собственное, именно: «Сибирь — страна родная». Инициалы мои (И.С.)⁴¹ сохранены, источник, откуда статья заимствована, не указан. Газетные нравы в эмиграции упростились до чрезвычайности.

29 октября. Побывал сегодня на вечеринке соколов в Русском клубе. Ушел, когда веселье было еще в разгаре. Молодежь непринуж-

от главы Торгового дома А.В.Даттана отступную в 25 тыс. руб. Коммерсант отказался, и Оссендовский опубликовал в петербургской газете «Вечернее время» статью «Дальневосточный паук», в которой утверждалось, что известная компания была гнездом немецких шпионов на Дальнем Востоке. Судебный процесс не внес ясности в запутанное дело, доказать, что Торговый дом с немецкими корнями не имел никакого отношения к шпионажу, никто не смог, и в январе 1915 г. Даттану пришлось отправиться этапом в ссылку — в Томскую губернию. Фирма же понесла миллионные убытки. В 1917 г. О. повторил аферу — на этот раз с большевиками. Он публично обвинил их, предъявив якобы подлинные документы, в том, что они являются платными агентами германского военного командования. Позднее графологи, проверив подписи на документах, сделали заключение, что они были подделкой. Весной 1921 г. О. стал советником и близким другом барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. Этот период своей жизни он описал в книге «Звери, люди, боги», выдержавшей много изданий и переведенной на иностранные языки. Позднее было доказано, что в ней содержится немало вымысла.

¹ См. приложение (Список псевдонимов).

денно и скромно веселилась. Танцевали, но не фокстрот, который изгнан... В общем, вечеринка оставила у меня приятные впечатления. Кажется, созданной организацией надо дорожить.

30 октября. Перевел сегодня Д.П.Першину в Калган 30 долларов. Жаль, что запоздал с переводом. Старику, наверное, туго приходится. В общем, за этот год я перевел ему свыше 180 долларов. Конечно, этого мало. Но что делать? Слава Богу, что пока и это находится.

Мои ученики, Зверев и Луговская, держали сегодня экзамен в Английской школе. Оба приняты в школу. Утра у меня теперь будут свободные.

На днях представители местных русских общественных организаций посетили китайский суд и наводили справки по вопросу о положении Сидоровых, заключенных в тюрьме. Выяснилось, что сидят они в скверных условиях: камеры не топят, страшно холодно, полно крыс. Судья откровенно заявил, что он не может, совершенно бессилён, чтобы улучшить условия тюремной жизни для Сидоровых, пообещал все же ускорить слушание дела.

31 октября. Сейчас у нас с женой 15 учеников и учениц — своего рода маленькая школа. Это обилие учеников — не надолго, всего до середины декабря, когда будут здесь происходить Кэмбриджские экзамены.

1 ноября. На днях перечитал прошумевшую в свое время книгу Фердинанда Оссендовского «Звери, люди и боги». Книга эта впервые появилась в Америке, на английском языке, произвела здесь фурор и принесла автору значительный гонорар. Потом она была переведена на французский и некоторые другие европейские языки, появились и на русском языке в дешевом рижском издании Г.Л.Биркмана в 1925 году. Об авторе ее я был несколько наслышан в России еще до революции 1917 года. В предреволюционные годы Оссендовский жил в Петербурге и занимал здесь место секретаря Совещательной конторы золото- и платинопромышленников и состоял в то же время сотрудником суворинского «Нового времени».

Во время Великой войны мне пришлось услышать кое-что о нем при следующей обстановке. В 1915 или 1916 году я как-то в Иркутске получил по почте большой пакет, адресованный в организованный мною Архив Войны при музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Пакет этот содержал ряд документов, доказывавших, что вся травля по адресу якобы работающей в пользу германского шпионажа в России известной дальневосточной торговой фирмы Кунста и Альберса затеяна и проводится на средства другой крупной дальневосточной же русской фирмы Чуринов и К^о, при содействии сотрудника «Нового времени» Оссендовского. По заказу фирмы Чуринов Оссендовский, укрывшись под псевдонимом Марк Чертван, написал роман, где изобразил шпионскую деятельность в России фирмы Кунста и Альберса, особенно главы этой фирмы Даттана.

Я не помню сейчас заглавия этого романа, но в свое время я его видел, хотя и не читал: как сейчас помню обложку книжки, где в красках был изображен земной шар, по которому паук плетет свою

паутину. Присланные мне документы сообщали, что деятели фирмы Чурина собирались одно время заказать в Москве инсценировку этого романа в кино, надеясь, что появление подобной киноленты во Владивостоке, Хабаровске и других городах Д[альнего] Востока может повести к тому, что толпа разгромит магазины Кунста и Альберса.

Я не знал, насколько верны были присланные мне документы, но они показались мне правдоподобными, и я еще тогда, в 1915 или 1916 году, подумал: должно быть, порядочная таки это бестия, господин Оссендовский! Вот тебе хваленый патриотизм, думал далсе я: вот и германофобство, на котором зарабатывают деньги. В 1918 и 1919 годах Оссендовский фигурировал уже в Омске как центре антибольшевистской борьбы в Сибири. Насколько я помню, он занимал довольно видную должность в Министерстве финансов здесь, у И.А.Михайлова. Кажется, иногда он выступал в Омске и в заседаниях Совета министров как докладчик по золотопромышленным вопросам. В конце 1919 или начале 1920 года Оссендовский бежал из Сибири за границу, причем через Урянхайский край выбрался в Монголию, побывал в Урге, где имел встречи с бароном Унгерном. Эти-то монгольско-урянхайские приключения Оссендовского послужили канвой для его книги «Звери, люди, боги», где была, порой искусно и талантливо, порой грубо и нсряшливо, была перемешана с небылицами, явным вымыслом, просто враньем, под соусом некоторой экзотики, в таком духе, чтобы удовлетворить неприхотливым вкусам американских читателей, воспитанных на приключенческой литературе. Оссендовский взял верный прицел, заработал деньги, а то, что его книга стала ни то ни се, не мемуары и не Майн Рид, это уже мало его беспокоило.

Автор довольно красочно описал свое знакомство со знаменитым бароном. Вероятно, он умолчал кое о чем из истории этого знакомства, если верить другим свидетелям этой мрачной русско-монгольской эпопеи 1921 года. Поручик Носков, автор вышедшей в Пекине в 1922 году на английском языке брошюры «Black Year», сообщил, что знаменитый приказ № 15 барона Унгерна был написан Оссендовским¹. Это тот самый приказ, один из пунктов которого гласит: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожить вместе с семьями...»

Таким образом, если поверить Носкову, Оссендовский в своей книге «Звери, люди, боги» мог бы сообщить читателям гораздо более подробностей из истории своего знакомства с Унгерном, чем это он позволил себе в названной книге.

В связи с книгой Оссендовского я вспомнил теперь о злосчастной судьбе ветеринарного врача Гея, погибшего в Монголии от рук белых. По Оссендовскому, Гей и вся семья его были казнены по приказу унгерновского генерала Резухина. Ранее я слышал, что он был казнен по приказу Казагранди. Где, правда, не знаю. Я хорошо знал Гея и хочу здесь посвятить несколько строк его памяти. Гея я знал

¹ Носков К. Авантюра. или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин, 1930.

по деятельности его в Иркутске в военное время, когда он занимал здесь пост уполномоченного Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующей армии. Его канцелярия располагалась где-то по Троицкой улице, недалеко от Харлампиевской церкви. В ней работало много народа. Через Гея проходили миллионные суммы. Деятельность его по закупке скота распространялась на Монголию. Я помню, как однажды я в начале 1918 года, когда после разгрома Иркутска большевики водворились в этом городе, был у Гея и просил его принять на службу одного молодого человека, моего дальнего родственника по жене, бывшего юнкера, не так давно дравшегося на улицах Иркутска против большевиков. Гей охотно исполнил мою просьбу, хотя я и ничего не скрыл из биографии молодого человека, и вскоре устроил ему командировку во Владивосток. Несколько позднее, через месяц-два, я снова был у Гея и просил его принять на службу офицера П., настроенного антибольшевистски, и в этом случае просьба моя была исполнена. Перед падением большевиков летом 1918 года Гей переотправил находившиеся [зачеркнуто: у него в канцелярии. — Прим. А.А.Хисамутдинова] в его распоряжении значительные денежные средства в Тунку, боясь, очевидно, как бы убежавшие из Иркутска большевики не захватили этих денег с собой. По моим наблюдениям, Гей был далек от политики и готов был питать мясом всякую армию, от которой он получал бы средства. Во всяком случае, я лично не мог считать его человеком большевистски настроенным. Когда, однако, большевики пали в Сибири, Гей был арестован в Семипалатинске военными властями, чуть ли не атаманом Анненковым, и ему грозила жестокая расправа как заподозренному в большевизме. Узнав в Омске об этом, я побывал у тогдашнего военного министра Сибирского правительства генерала Гришина-Алмазова и стал ходатайствовать перед ним об освобождении Гея. Я сообщил молодому генералу о том, как Гей принимал по моей просьбе на службу лиц, антибольшевистски настроенных и даже укрывавшихся от большевиков. Гришин-Алмазов сказал мне:

— Если вы ручаетесь, что Гей не большевик, я дам телеграмму об его освобождении.

— Я ручаюсь.

Телеграмма была послана, и Гей был освобожден. Я тогда еще понял, что против Гея велась какая-то интрига, вероятнее всего, со стороны частных мясоторговцев и скотопромышленников, оперировавших в Монголии. По возвращении Гея в Иркутск он снова был арестован местными военными властями и затем опять был освобожден. Вероятно, напуганный всеми этими арестами и угрозами, он и решил выехать со всей своей семьей в Монголию как тихое и спокойное место и поселился где-то около оз[ера] Косогола. Но человек предполагает, а Бог располагает. Спокойная и действительно тихая ранее Монголия в 1921 стала, однако, ареной бурных событий, когда многие русские люди сложили здесь свои головы. Заподозренный вновь в большевизме, и на этот раз уже окончательно, Гей был убит белыми в Монголии, людьми из отряда барона Унгерна или Казагранди. Погибла вся его семья, состоявшая, насколько я помню, из жены, де-

тей и бабушки. Очевидно, его убили, как повелевал приказ, написанный Оссендовским для барона Унгерна и гласивший: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожить вместе с семьями!»

2 ноября. Обработал больше половины мемуаров полк[овника] В.Ю.Сокольниковского «Кайгородовщина». Что интересно, это то, что эти мемуары содержат много материалов, крайне любопытных в бытовом отношении. Сейчас мною уже заполнены почти четыре толстые переплетенные тетради, имеющие общий заголовок «Материалы по истории рассеяния русских белых армий в Китайском Туркестане, Монголии и Маньчжурии».

3 ноября. Вчера мы с женой были в гостях, на ужине у И.Я.Антуфьева, владельца книжного магазина и библиотеки «Знание». Вечер провели хорошо.

4 ноября. Начал читать интересную книгу «Hunted Through Central Asia», автором которой является наш соотечественник Павел Степанович Назаров, родом оренбуржец, воспитанник университета в Москве и Горного института в Петербурге¹. В предисловии к книге англичанин Malcolm Burr представляет Назарова читателю как своего друга, горного инженера, геолога, минералога, химика, орнитолога, искусного садовода, опытного препаратора, спортсмена, охотника, эксперта по оружию и археолога. Первые прочитанные мною две главы этой книги произвели отличное впечатление. Мне понравилось, что гориллу он и называет всюду гориллою, не обращая внимания на то, напичкана эта горилла цитатами из Карла Маркса или нет.

5 ноября. Воскресенье. День провел в полном отдыхе. За день побывали у нас гости: Н.В.Семенова, И.Я.Антуфьев и Ф.П.Романов. Антуфьев прогостил у нас почти семь часов. Много беседовали с ним, слушали виктролу, декламацию. Антуфьев отлично пропел нам почти всю составленную женой оперетку-шутку «Иванов Павел в Тяньцзине», а также с чувством прочел переведенную женой же с чешского языка сатирическую поэму чешского поэта Гавличка «Крещение св. Владимира». Вечером жена ушла с Ж.О.Лимасовой в кино. Я остался один дома и засел за чтение книги Назарова.

6 ноября. Я нахожу книгу Назарова крайне интересной и думаю, что она, изданная на русском языке, должна будет составить ценный вклад и в русскую литературу. В главе «Hiding among the Sarts» я прочел следующие любопытные строки, относящиеся к нашему, русскому, Туркестану.

«Серебряный рудник, найденный мною в горах, был не что иное, как знаменитый Кухисим (Kuh-I-Sim), Гора Серебра, каковая снабжала в средние века серебром всю Центральную Азию, Персию и Россию. В Эрмитаже, в Петрограде, имеются серебряные монеты с надписями, что они были отчеканены в монетном дворе Тункенда из серебра Кухисима. Перед войной я как-то однажды осмотрел этот старый рудник, укрывшийся в отдаленном месте, среди гор. Здесь были большие холмы из шлака, покрытые травой и кустарником, останки

¹ Nazároff P. S. Hunted through Central Asia, by P. S. Nazároff. Rendered into English from the Russian of the author's manuscript by Malcolm Burr. Edinburgh, Blackwood, 1932.

обширных строений, старые шахты и подземные галереи и огромные выемки в скалах, все течением времени и действием землетрясений обращенные в натуральные каверны. Стены этих каверн были уже покрыты слоем извести, и тут, и там сверху нависали большие сталактиты. Требовался очень опытный глаз и тщательное исследование, чтобы узнать во всем этом работу рук человека, и разглядеть, какие руды были разрабатываемы и из каких мест. Замечательно, что во многих таких рудниках жилы были тщательно скрыты, зацементированы и замаскированы. Очевидно, богатая и высоко развитая горная индустрия процветала когда-то в этом месте. Здесь кипела жизнь, и был такой улей промышленности, какие могут быть наблюдаемы в наше время в Англии или Бельгии. Железо и сталь отсюда экспортировались в Дамаск, где из них выработывались знаменитые клинки. Все же и теперь Туркестан скрывает многие сокровища, и многочисленные залежи разнородных руд, старые и новые, из числа тех, что я открыл в более счастливые дни, могут обогатить страну и сделать ее преуспевающей; но так, как обстоит дело сейчас, они остаются вне обработки. Точь в точь, как нашествие орд монгольских дикарей опустошило страну и разрушило ее благосостояние столетия тому назад, так и теперь их современные эквиваленты разорили вновь ее, и использование ее минеральных богатств задержано, быть может, на столетие или еще более. Одно различие между этими двумя народами дикарей состоит в том, что монголы, со всей их страстью к разрушению, щадили все же образованных людей, философов, ученых, жрецов и писателей, а их современные наследники сочли за благо уничтожить эти классы прежде всего...»

7 ноября. Сегодня они как раз празднуют 16-ую годовщину своего издевательства над Россией и здравым смыслом. Сегодня советский консул здесь устраивает прием: будут иностранные консулы, гости; будет шампанское с официальными любезностями. Гнусно, но это так...

8 ноября. Обращаясь снова к книге Назарова, я отмечаю его интересные указания относительно того, кто могли быть скифы. По словам автора, замечательное описание Геродотом скифов, их быта и обычаев, не оставляет места для сомнений в том, что он описывал предков того самого народа, который в наше время называется киргизами и который в давнейшие времена обитал в степях южной России и Западной Сибири. Я как-то интуитивно почувствовал, что Назаров прав в этом своем заключении. Этнологические вопросы меня не перестают интересовать, как и ранее.

9 ноября. К данному дню я имею десять учеников и учениц и занят с ними 35 часов в неделю; жена имеет пять учеников и занята с ними 15 часов. Оба мы, таким образом, заняты сейчас уроками порядочно.

10 ноября. Д. П. Першин из Калгана сообщил мне, что его воспоминания о бароне Унгерне подходят к концу, и он скоро пошлет мне рукопись.

11 ноября. Armistice Day!.. И я примирился сегодня немного с действительностью, когда прочел, что нобелевская премия по ли-

тературе в этом году присуждена русскому писателю, академику Бунину.

Сегодня в газете «Наша Заря» появилась опечатка, надславшая много толков в городе. В письме в редакцию от имени Русского Православного Братства стояла подпись вице-председателя Жебрака. Наборщики набрали не «вице-председатель», а «вице-предатель» — корректор просмотрел, и так пошло в газету. Вероятно, это вышло случайно, а не нарочно. Говорят, что корректор газеты, полковник В.Ю.Сокольниковский, уволен со службы. Бедняга, если это так — теперь так трудно искать себе работу.

Относительно Жебрака, старой полицейской крысы, сумевшей завоевать здесь среди русской эмиграции большую популярность, — публика не тужит, что он попал в вице-предатели. Так ему и надо, говорят многие. Публика очень недовольна теперь его поведением в деле Сидоровых, обвиняемых в убийстве Андрющенко. По чьему-то поручению он стал собирать материалы против четы Сидоровых, помогая обвинению. Между тем общество уверено, что Сидоровы страдают безвинно.

Сидят они вот уже два месяца в китайской тюрьме, отдельно друг от друга в ужасных условиях, в камерах грязных, холодных, совершенно неотапливаемых, полных крыс. Сегодня как раз состоялось третье слушание дела Сидоровых. Вечером мне передавали, что заседание суда прошло весьма благоприятно для Сидоровых, и что суд даже согласился выпустить их из тюрьмы под поручительство.

12 ноября. Воскресенье. Днем побывал в кино, слушал разговорную картину на французском языке «Победитель», оказавшуюся забавным пустячком, весьма, однако, художественно поставленным.

13 ноября. День пасмурный. С утра шел дождь. На улицах сыро, мало народу. В домах — как-то темно; в душе — скверновато.

14 ноября. Газеты принесли весть о смерти миллионера А.М.Сибирякова*, который скончался 10-го ноября в Ницце в возрасте 84-х лет, в полной бедности и почти без друзей. Бывший миллионер не был похоронен в могилах, отводимых нищим, только благодаря вмешательству представителей шведского правительства. Покойный, иркутянин родом, был другом С.И.Серебрянникова, моего двоюродного деда, когда-то политического эмигранта, одно время бывшего шведским подданным, и в предреволюционные годы находился в постоянной переписке с последним. По словам моего деда, Сибиряков эти годы все время жил за границей, меняя место своего жительства между тремя городами: Берном в Швейцарии, Каиром в Египте и Ниццей во Франции; был он уже почти без денег, получая какую-то, очевидно, небольшую золотопромышленную дотацию. С.И.Серебрянников, воспитанник Фрейбургского политехникума в Германии, горный инженер, сам составивший себе некоторое состояние по золотопромышленной службе в Сибири, умер в 1919 году в Кременчуге от голода. Его друг пережил его 14-ю годами и умер, как нищий, в Ницце. А ведь Сибиряков много сделал для Иркутска, для Сибири, для России — помянут ли его добром там, где гнетет теперь

всех проклятая диктатура, или, как буржуй, должен будет подлежать забвению?

Нельзя забывать и того обстоятельства, что знаменитая экспедиция Норденшельда вокруг севера Азии по полярному морю¹ была организована при материальной поддержке все того же иркутского миллионера А.М.Сибирякова. По словам лиц, близко знавших покойного, он обладал некоторыми странностями: к числу этих странностей во время жизни Сибирякова в России принадлежали его колоссальная страсть к передвижениям и некоторая чиновобия.

Если бы я вздумал здесь описать все филантропические пожертвования А[лександра] М[ихайловича], равно как и замечательного его брата, Иннокентия Михайловича, я принужден был бы исписать на эту тему весьма много страниц. Надеюсь, когда-нибудь Родина вспомнит добром одного из интересных сынов своих. А теперь... да будет легок ему переход в другой мир...

15 ноября. Прочел сегодня на заседании Литературно-научно-философского кружка доклад на тему «Недочеты этнографии как науки». Народу на докладе было мало: помешали чьи-то именины, не то день рождения. Это обстоятельство изрядно меня охладило: кажется, я выйду из кружка. Все присутствовавшие, если не врали, нашли мой доклад крайне интересным. Прения по нему и разговоры перенесли на другой день, именно: на пятницу, 17 ноября, в Русский клуб.

16 ноября. Съездил в Китайский город в Бюро Общественной Безопасности, где получил новый паспорт и новое свидетельство о регистрации. В паспортной комнате — грязь, пыль, спертый воздух. Печь дымит: топили ее при мне старыми русскими паспортными книжками. Не знаю точно, топили ли, но во всяком случае растапливали. Это я наблюдал сам... То же — государство!

17 ноября. Супруги Сидоровы, обвинявшиеся в убийстве Андрющенко, судом оправданы. До вхождения судебного приговора в законную силу г[оспо]жа Сидорова выпущена из тюрьмы под залог 3000 долларов; ее супруг продолжает оставаться в тюрьме. Русская колония страшно возмущена китайскими судебными порядками. Как не сказать опять: то же государство!

18 ноября. Узнал, что Соединенные Штаты Северной Америки признали Советскую Республику. Рузвельт и Литвинов о чем-то договорились... Отныне USA и USSR будут находиться в правильных дипломатических сношениях. Один мой приятель сказал мне:

— Отныне Америка будет убеждаться в том, что советский строй есть такой строй, который вносит расстройство во всякий строй.

Однако шутки в сторону. Дела наши, белые, обстоят плохо. В утешение не поверить ли другому моему знакомому, который сказал мне:

— Если Америка признала Советы, значит, дела советские плохи. Это — признание накануне падения.

¹ Нильс Адольф Эрик Норденшельд, шведский исследователь Арктики, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1879). Первым прошел Северо-Восточный проход из Атлантического океана в Тихий (1878—1879).

19 ноября. Воскресенье. Вчера вечером побывал в театре «Олимпик», где смотрел кабаретное представление артистов, прибывших из Харбина. Отлично танцевала балерина Анна Роговская, ее партнер, Шевлюгин*, показался мне, однако, несколько тяжело-ватым. Гимнасты, [зачеркнуто: братья. — Прим. А.А.Хисамутдинова], трио Варди, произвели прямо-таки фурор: они оказались не только превосходными акробатами, но и артистами, способными поставить тонкую пантомиму. Волшебник балалайки, виртуоз Димов, очаровал меня.

Театр был почти полон. Это было приятно чувствовать и видеть. Большинство, и огромное, составляли иностранцы. Последнее время замечаю, что в Тяньцзинь все время выезжают из Харбина русские артисты и артистки, и Тяньцзинь является как бы первым этапом заграничного гастролерства для харбинцев.

20 ноября. Сегодня прибавились у меня еще две ученицы по математике. И поэтому придется теперь работать по семь часов в день. Расписание дня было у меня сегодня такое: 8—9 часов утра — чтение газет, утренний чай; 9—12 — уроки; 12—12 1/2 обед, 12 1/2—1 1/2 урок; 1 1/2—3 отдых, 3—4 прогулка; 4—4 1/2 чай, 4 1/2 — 7 1/2 уроки, 7 1/2—8 ужин.

После 8-ми вечера я свободен — могу почитать, пописать что-нибудь, заняться корреспонденцией, принять друзей... Все же семь часов занятий по математике меня утомляют: к вечеру я уже не могу похвастаться своей работоспособностью. Почти все мои ученики — из английской школы или собираются поступить в таковую. Среди моих учеников и учениц сейчас — 6 евреев, 5 русских и 1 англичанка (Miss Kelly). У жены — пять учеников по русскому языку: 4 евреев и 1 американка. Одна ученица у нас общая с женой.

21 ноября. Д.П.Першин из Калгана сообщил мне, что его мемуары об эпохе барона Унгерна в Монголии подвигаются к концу и общей сложностью займут до 240 страниц рукописного текста. Старик жалуется мне, что его донимают скука и одиночество в Калгане. Хочется невольно сказать про себя, пишет он мне:

— Холодно, странничек, холодно...

— Может быть, и голодно, — подумал я.

22 ноября. Приехала из Пекина на несколько дней в Тяньцзинь и остановилась у нас О.Л.Зверева, сын которой — мой ученик — живет у нас же, снимая отдельную большую комнату. Гостья рассказала нам разные пекинские новости...

23 ноября. Слушал сегодня в Русском клубе виолончельный концерт, посвященный произведениям финского композитора Сибелиуса. Всяло от них суровым скандинавским духом и, пожалуй, скукой...

23 ноября. ¹Сегодня двое моих учеников держали устный экзамен по русскому языку и зашли ко мне рассказать, как он прошел. Диктант был очень труден — и по содержанию, и по языку: что-то об остроге, арестантах и т.п.; много незнакомых слов, как сказали мне мои ученики.

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой. Где не оговорены — И.И.Серебрянникова.

Утром я прогулялась по Виктории-род. Стоит совсем весенняя погода — нынешняя зима вообще пока не похожа на зиму: очень тепло, солнце так ласково греет, небо голубое, и в парках еще доцветают хризантемы. Вечером я, муж, Елиз[авета] Ал[ексеев]на [Лавдовская] и Mr. More слушали пластинки Сибелиуса в Русском клубе. Музыка его мне не особенно понравилась: однообразна и бедна красками. Пишу, вернувшись оттуда (11,5 часов ночи). Как всегда после музыки, у меня пропал сон.

24 ноября. Ученицы жены держали сегодня первый экзамен по русскому языку на Кэмбриджских экзаменационных испытаниях: писали диктант, вели разговоры с экзаменатором, каковым приглашен служащий Британской Муниципальной Полиции А.П.Сухоруков*. Основные экзамены будут 6–16 декабря, после чего наша учебная страда и закончится...

¹Чувствую сегодня какую-то печаль, на сердце тяжело. Шла сейчас по улице — серенький денек, тихий и теплый, в тусклом небе словно притаилось что-то; желтые улицы, желтая толпа, и прошла мимо меня группа китайских полисменов в черных плащах и фуражках, медленно и бесшумно выступая, точно тени проплыли. Все это вдруг коснулось моей души каким-то мрачным ощущением.

Надосл Китай, жизнь стала тягостна своим однообразием, безысходностью. Вспомнила, как в Пекине, в Бейгуани, наша военная молодежь пела:

Эх, яблочко, куда ты котишься?
В Китай попадешь, не воротишься.

Вот и докатилось наше русское яблочко до предельной точки!

25 ноября. Купил два номера фашистской газеты из Харбина «Наш Путь». Газета усиленно сообщает об успехах повстанческого антибольшевистского движения в Приморье и Забайкалье. Публика, однако, так изверилась в такого рода сообщениях, что уже не обращает ровно никакого внимания на эти «сенсации».

²Утром прибежали ко мне, радостно запыхавшись, три моих ученицы: Ира, Люба и Нюся, и сообщили, что все они хорошо сдали первый русский экзамен. Об этом сказал им сам экзаменатор, А.П.Сухоруков. Я, конечно, рада. Остается еще трудный письменный экзамен, но там они пройдут на переводах.

Сегодня опять совершенно весенний день, напомнивший мне нашу сибирскую раннюю весну, конец марта: тепло, улицы мокры от выпавшего тумана, и пахнет совсем как будто растаявшим снегом. Но мне грустно. На душе моей все та же старая печаль, и когда я изживу ее, Бог знает.

Сидела вечером одна; приняла горячую ванну, поработала немного. Муж ушел в Русский клуб, Ольга Львовна [Зверева] с Люрой — в Empire, слушать балалаечника Большакова. Я его слышала: на таком неблагодарном инструменте, как балалайка, он делает положительно чудеса.

¹ Записи А.Н.Серебренниковой.

² Записи А.Н.Серебренниковой.

26 ноября. Воскресенье. Праздник провел скучно. Ради развлечения днем смотрел французскую кинокартину «Дорога в рай» с участием Ольги Чеховой. Дочитал книгу Назарова и сделал из нее некоторые выписки. Выписок из прочитанных мною английских книг накопилось у меня очень много (особенно выписок из книг о Китае). Эти выписки составляют сейчас целых пять книг. Не знаю, пригодятся ли они мне когда-нибудь еще. Когда-то я лелеял мечту: вернусь в Иркутск; захвачу все свои материалы о Китае; может быть, все мои выписки и материалы переводные пригодились бы мне, если бы пришлось читать лекции по вопросам китаеведения. Мечты, мечты... Куда-то они исчезли! Хотя бы другому кому пригодились все эти мои материалы — труды не пропали бы, быть может, даром!

¹Сегодня воскресенье. Этот день почти всегда проходит по одинаковой программе: к 11 часам утра мы с мужем идем в Виктория-парк и дожидаемся там выхода, с оркестром музыки, английского полка в казармы. Затем прогуливаемся по Виктории-род и возвращаемся к завтраку домой. В 3 часа я иду в кино; в 5 часов — чай, к которому обычно приходят несколько человек близких знакомых. Иногда кто-нибудь остается к ужину. Вечером пришли к Ольге Львовне [Зверевой] Клава Кухтина с мужем; сидели все у нас в столовой, пили чай.

Мг. Морг завтракал у нас сегодня. В скором времени он думает перебраться в Дайрен, где его знакомый богатый китаец предлагает ему уроки английского языка с его сыном — за комнату, стол и 100 иен жалованья. С его отъездом мы лишимся единственной практики английского языка.

27 ноября. От О.Л.Зверевой сегодня узнал, что И.Н.Веревкин скончался в Харбине. Еще не так давно, менее года тому назад, мы лежали с ним в одной палате в Германском госпитале в Пекине. Я лечился тогда от высокого давления крови, он лег в госпиталь, чтобы распознать свою болезнь, и ему сказали, что у него язва в желудке. Позднее уже, в Рокфеллеровском институте, было окончательно установлено, что у больного был рак желудка. Покойный был долгое время профессором истории русской литературы в одном из китайских высших учебных заведений Пекина. В дореволюционные годы, помимо этого, он был пекинским корреспондентом некоторых больших русских газет Петербурга и Москвы. В революционные годы И[ван] Н[иколаевич] примкнул к большевикам, точнее, к большевизанствующей части русской колонии Пекина. Сделал ли он это идейно, искренне веря в благую миссию русского коммунизма, или же по соображению своей служебной карьеры, — затрудняюсь сказать. Покойный неплохо владел пером, писал удачно и стихи, интересно переводил китайских поэтов. Некоторые из этих своих переводов мне были продублированы И[ваном] Н[иколаевичем], когда мы находились в Германском госпитале в январе месяце этого года.

27 ноября. ²Вчера ночью был сильный ветер, помешавший мне спать. С утра сегодня холодно, но воздух очень приятный, какой ред-

¹ Записи А.Н.Серебренниковой.

² Записи А.Н.Серебренниковой.

ко бывает в Тяньцзине: свежий, крепкий, как после выпавшего снега. Я сказала мужу, что сегодняшний ветер прилетел, вероятно, из наших сибирских лесов.

Мне опять стал сниться каждую ночь Иркутск. Все еще мечтаю порой о возможности пожить там снова, хотя, правду сказать, все меньше и меньше оснований надеяться на это.

28 ноября. Пожалуй, в декабре месяце, если буду жив и здоров, я закончу обработку мемуаров полковника В.Ю.Сокольниковского. Д.П.Першин заканчивает для меня свои мемуары о бароне Унгерне. Таким образом, к 1934 году у меня накопятся великолепные материалы по истории последних актов «белой драмы», поскольку они разыгрывались на просторах Центральной Азии, и я засяду за свой новый труд. Полковник В.Ю.Сокольниковский, пожалуй, один из лучших людей, что я встречал в русской эмиграции Китая, — сейчас служит корректором местной газеты «Наша Заря», где жестоко эксплуатируется редактором газеты, Исаем Миллером, мастером вышибать пот из мелких сотрудников. Полковник, среди страшных опасностей, сумел благополучно вывезти в 1921/22 годах всю свою семью и сотни других русских людей из дебрей Монголии. За годы пребывания своего в Пекине и Тяньцзине ему, однако, пришлось пережить много тяжелых ударов: он похоронил свою жену, зятя, не так давно застрелился в Шанхае его единственный сын, волонтер русского отряда на британской службе. Сильное религиозное чувство еще поддерживает силы и душевное равновесие этого удивительного человека...

¹Ольга Львовна Зверева уехала сегодня обратно в Пекин, тепло простившись с нами и поблагодарив «за себя и за Люру».

«Заря» сообщила, что прокурор китайского суда опротестовал оправдательный приговор по долгу Сидоровых. Новый суд может затянуться еще на полгода, если не больше, а несчастные Сидоровы и сейчас уже превратились в стариков за время своего сидения в китайской тюрьме. Я не могу не посвятить страницы-другой в моем дневнике этому страшному делу.

2 сентября этой осенью был найден убитым за городом, вблизи манежа полк[овника] Бендеровского, владелец местного мебельного магазина Андрющенко. Его жена и компаньон его по делу, художник Примаков, указали как на возможных виновников убийства на чету Сидоровых, так как покойный Андрющенко будто бы имел с m[ada]me Сидоровой роман. Их арестовали. Дальше началась китайская неразбериха. Следствие велось небрежно, без соблюдения самых элементарных формальностей. К трупам убитого целый день ходили сотни людей, заметая и затаптывая все следы; вскрытие тела не производилось; не установлен даже способ убийства — не то огнестрельным оружием, не то каким-то колющим предметом, не установлены момент убийства и место убийства; не сделано обыска в бумагах и письмах покойного, которые могли бы пролить свет на тайну убийства, и т.д. Против Сидоровых не было никаких улик; их алиби в день убийства было установлено многочисленными свидетелями. И

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой.

тем не менее они просидели в тюрьме более двух месяцев в ужасных условиях, в нетопленных камерах с дырявыми полами и потолками и множеством крыс. Ужас их положения усугублялся тем, что против них начал работать Н.А.Жебрак. Кому он служил в этом деле, не знаю, но он усердно собирал по городу улики против Сидоровых, а за неимением таковых иногда и подтасовывал факты, находил лжесвидетелей, даже, как говорят, и подкупал их и вообще всеми силами помогал нелепому обвинению. Суд состоялся, и Сидоровых оправдали. Защитник их, английский адвокат Кент, сказал блестящую речь, в корне опровергнув все обвинения. Но Жебрак продолжает гнуть свою линию, несмотря на то, что даже сама г[оспо]жа Андриющенко отказалась от обвинения Сидоровых, сделав официальное заявление об этом на суде. Чем теперь все это кончится, неизвестно.

За все время нашего проживания в Тяньцзине я не помню такого ажиотажа в городе, какой возник в связи с убийством Андриющенко. Все, и в домах и на улице, говорили только об этом. Шерлоков Холмсов народилась тьма-тьмущая: все старались разгадать тайну убийства, высказывали разные догадки и предположения. Преступление это действительно загадочно и является из ряда вон выходящим по своей обстановке. Труп найден на том месте, где, как говорят, Андриющенко всегда устраивал свои многочисленные свидания с дамами: вблизи стоял его автомобиль. На убитом был чистый и новый летний костюм, который оказался в полнейшем порядке, даже галстук не сбился на сторону, и ботинки блеснули — на них не было ни грязи, ни пыли. Маленькие ранки на лбу и шее оказались заткнутыми, весьма аккуратно, кусочками ваты. Крови на платье не было. Похоже, что Андр[ющен]ко был убит где-то в доме и, вероятно, внезапно, без борьбы, — потому что все на нем и было в порядке, или же убийцы имели время и возможность привести его в приличный вид, даже ранки заткнуть ватой, чтобы не текла кровь. Затем его, в его собственном автомобиле, вывезли на место его свиданий, где и бросили.

Мне кажется, что последнее сделано с определенной целью: отвести подозрения в сторону романтической подкладки убийства. Потому тут и подвернулись Сидоровы. Дело сделано так чисто, как бывает только в детективных романах. На одном из заседаний суда несколько свидетелей показали, что Андр[ющен]ко незадолго до смерти не раз говорил, что ему угрожает опасность, что в Тяньцзинь приехал человек, у которого с ним есть старые счеты, и т.п. Он и автомобиль купил, потому что стал бояться ходить пешком. Я помню, что, когда он приехал, лет девять тому назад, на жительство в Тяньцзинь, в городе ходили слухи об его темном прошлом и о нескольких странных обстоятельствах его приезда сюда. Быть может, он нарушил условия какой-нибудь сделки, подвел своих сообщников в каком-нибудь нечистом деле, и они за то расправились с ним. Я тоже, конечно, сейчас представляю собой маленького Шерлока Холмса, высказывая подобные догадки, но почему-то в эту сторону невольно направляется мысль. Уж очень все тонко и обдуманно сделано. Убийство из ревности бывает всегда в состоянии аффекта, и тут убийца уж не станет затывать раны ватой, а будет стараться скорее унести ноги, чтобы спа-

сти собственную шкуру. Нет, здесь работали профессионалы. Упорно говорят, что это дело рук большевиков.

Убитый Андрющенко был несимпатичный человек. Ловелас, ухаживавший, и порой весьма нахально, за многими и многими дамами, он не был корректен по отношению к ним и часто непристойно распускал язык. Об его связях обычно знал весь Тяньцзинь. Его не жаль, но тайна его смерти как-то беспокоит, и хочется раскрыть ее во что бы то ни стало. Неприятно, что в одном городе с нами, среди нас, живет такой страшный преступник, и он останется неуловимым для правосудия и может продолжать и дальше свои ужасные опыты, а за него будут страдать невинные, как пострадали в этом деле Сидоровы.

Страшная вещь — это китайское правосудие, примитивное и недалекое. Во всякой другой стране сумели бы по горячим следам найти убийцу — здесь же сделали все для того, чтобы схоронить все концы в воду. Можно сказать определенно, что тайна убийства Андрющенко никогда уже не будет раскрыта.

29 ноября. Вечером зашли к нам гости: И.Я.Антуфьев и Ф.П.Романов. Вечер провели в дружеской беседе. Антуфьев показал нам интересные альбомы видов Кулина, дачного места по Янцзы, где оказался и русский уголок с дачами бывших русских чайных магнатов в Китае и где теперь имеется и маленькая русская церковь. Он же показал нам отлично изданные годовые отчеты Общественного Совета Русской концессии в Ханькоу. Как ни судить, а концессия эта была отличным и весьма благоустроенным русским уголком в Китае, канувшим теперь в Лету благодаря паскудной политике советской власти в СССР.

30 ноября. Видел свежий номер шанхайского «Паруса». В нем напечатано начало моей статьи «Русские интересы в Китае»¹. Статья напечатана хорошо, без ошибок.

1 декабря. Итак, вот уже декабрь: время летит быстро. За занятостью его не замечаешь. Вечерком смог побывать в прогулке на Французской концессии, заглянул в Oriental Book Shop, где мог убедиться, как много сейчас интересных книг выходит из печати. Смотришь на все эти книги и облизываешься, цены на них все высокие, недоступные для нашего брата. Чуть было не соблазнился купить свежий Статистический справочник Лиги Наций с текстами к цифрам на французском и английском языках. Стоит эта книга 7,50 долларов. Пока что воздержался от соблазна купить эту книгу.

²Три дня прошли незаметно. Были вчера вечером И.Я.Антуфьев и Ф.П.Романов. Антуфьев принес с собой два альбома с видами Кулина — это прекрасная местность на юге Китая в горах, покрытых сосновым лесом: там с успехом лечатся чахоточные. Кстати, скоро туда уезжает Ляля Барбье с мужем: бедняга болен туберкулезом в весьма серьезной степени. Мне очень жаль Лялю: так завидовали ей все ее подруги, когда она выходила замуж, а вот теперь ей суждено, быть может, долгие годы быть сиделкой при больном муже.

¹ Серебренников И.И. Русские интересы // Парус. 1933. № 17–18.

² Записи А.Н.Серебренниковой.

Кроме видов Кулина Антуфьев показал нам сохранившиеся у него отчеты Русского муниципалитета в Ханькоу, где он много лет жил. Снабженные фотографиями, отчеты дают полную картину блестящего процветания тогдашней Русской концессии в Ханькоу: прекрасные здания, отлично устроенная набережная, банки, школы, больница, пожарная команда — все, как в прежних русских городах, и все говорит о большой энергии и организаторских способностях русских, везде умеющих создавать прочный и красивый быт¹.

Сегодня утром я побывала у Елиз[аветы]. Алекс[севн]ы [Лавдовской] в новой ее квартире. Вчера она звала меня поужинать у них по случаю американского «Дня Благодарности», который праздновал ее зять — американец Краудер. В этот день у них подается к столу традиционная индейка и специальные торты. Я не пошла ужинать, нездоровилось. Сегодня попробовала этих американских тортов и нашла, что это ужасная гадость: начинка из тыквы с имбирем — надо же придумать!

Через неделю я заканчиваю все свои уроки: начинаются экзамены в Grammar School. Нужно будет тогда приниматься за печатание мемуаров мужа (1901—1916 гг.), и еще много накопилось работы моей собственной.

Незаметно проходит зима. Уже скоро английское Рождество и Новый год, после которого обычно время начинает катиться под гору, к весне. Меня ужасает иногда быстрота, с какой сменяются дни...

2 декабря. Японское агентство «Nippon Детро» сообщает в сегодняшних газетах некоторые новости об атамане Семенове. Это новости такого рода: «Антибольшевистское движение на Украине вызвало большой интерес среди 400 белых русских резидентов в Дайрене. Генерал Семенов, лидер белых русских в Маньчжуге и Китае, в течение последнего времени стал проявлять большую активность и начал движение с целью объединения различных белых русских организаций в разных местах. В то же самое время он пытается связаться с антибольшевистскими организациями, действующими на советской территории. Как результат его усилий объединение белых русских постепенно осуществляется, и, передают, состоялось также его соглашение с антибольшевистскими организациями на советской территории. «Около двух дней тому назад генерал Семенов выехал из Дайрена в Мукден и затем Синьцзин (Чаньчунь) с целью устроить совещание с различными белыми русскими лидерами здесь».

[Замазано полстроки. — Прим. А.А.Хисамутдинова.] Японцы именуют пресловутого атамана Семенова лидером белых русских в Китае: здесь нет лица, в неказачьих кругах более непопулярного, чем

¹ Русская концессия открыта в Ханькоу в 1896 г., располагалась в центре иностранных концессий и занимала территорию около полуверсты вдоль набережной. К 1920 г. здесь жило около 200 русских. Из русских учреждений находились: Российское генеральное консульство, городской общественный совет, отделение Русско-Азиатского банка, почта, коммерческая русско-китайская школа. После соглашения с СССР в 1924 г. концессия перешла под управление китайских властей. Многие предприятия были переданы китайцам или иностранцам.

он. Японцам хотелось бы, чтобы Семенов был таким лидером. Свое желание они принимают за действительность.

[Замазано четыре с половиной строки. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

Прочел я также в сегодняшнем номере газеты «North China Star», что в Советской России в этом месяце выйдет из печати пятитомный труд, посвященный адмиралу Колчаку и эпопее его борьбы с большевиками. Я хотел бы иметь такой труд в своей библиотеке. Может быть, он появится в продаже в Харбине.

3 декабря. Вчера побывал на сокольском балу-вечеринке в Русском клубе. Публики на вечеринке было много, и она непринужденно веселилась. Пришел домой около двух часов ночи.

4 декабря. Праздник Введения во Храм. Соблазнился-таки и купил сегодня «Statistical Year Book of the League of Nations. 1932/33», на что затратил около семи долларов.

5 декабря. Книгами я обрастаю почти всегда и везде, где я только осаживаюсь на постоянное житье. В 1927 году я продал свою библиотеку здесь, когда в ней уже было около двух тысяч томов. Теперь уже вновь у меня накопилась небольшая домашняя библиотека, в которой имеется порядочно книг по китаеведению.

6 декабря. Начались сегодня Кэмбриджские экзаменационные испытания. Продолжатся свыше десяти дней. После этих экзаменов у нас с женой уроков будет много меньше. Будет облегчение и для кармана. Будет зато больше свободного времени: приналягу на литературные занятия.

7 декабря. Начал читать книгу В.С.Толстова* «От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев)». Книга эта была издана в Константинополе, в 1922 году. Жаль, что автор начал свое повествование с прибытия в форт Александровск на Каспийском море. Чреватый трагическими событиями поход уральцев от Гурьева до Александровска опущен автором в его мемуарных записях.

8 декабря. Доктор Фишер из Америки просит меня прислать ему мою краткую автобиографию. По его словам, история Гражданской войны в России, революции вообще, грешит отсутствием достаточных биографических данных. На это обстоятельство обратил свое внимание и Русский Заграничный Исторический архив в Праге. Получил сегодня из Харбина две новые книги проф[ессора] Г.К.Гинса: это учебники «Политическая экономия» и «Учение о праве и политическая экономия»¹.

9 декабря. Просматривал сегодня сербско-русский и болгарско-русский словари. Нашел, что в обоих языках есть прилагательное «лански», что значит — прошлогодний, и в болгарском языке имеется слово «лани» — в прошлом году. Еще ранее узнал, что и у чехов есть *loni* — с тем же значением (кажется, в польском языке имеется выражение ланской рок — прошлый год). Отсюда я окончательно вывел за-

¹ Гинс Г.К. Политическая экономия: Начал. курс. Харбин: Тип. Н.Е.Чинарсева, 1933; Он же. Учение о праве и политическая экономия: В 2 вып. Харбин, 1933. Вып. 1: Курс законоведения; Вып. 2.

ключение, что сибирские слова «лани» и «ланысь», значащие «в прошлом году», есть слова старославянские, исчезнувшие в Европейской России, но сохранившиеся в Сибири. И поэтому едва ли их можно называть сибирскими провинциализмами. Они — архаизмы.

10 декабря. Воскресенье. С И.Я.Антуфьевым совершили большую прогулку по японской и французской концессиям, осмотрели ряд китайских букинистских лавок с английскими книгами, ничего, однако, интересного не нашли. После прогулки я обедал у Антуфьева.

11 декабря. Д.П.Першин сообщил мне, что он закончил свои мемуары о бароне Унгерне и собирается переслать их мне.

12 декабря. За последнюю неделю у нас с женой убыло десять учеников и учениц, и осталось пока всего семь. Новая наша «урочная» ситуация обозначится в январе, после рождественских каникул. Занят я теперь утрами; вечера становятся свободными.

13 декабря. Много беседовал сегодня с Константиновым, бывшим офицером из отряда Казагранди, о действиях этого отряда в Монголии в 1920—22 годах. Об истории этого отряда мало что писалось в печати. Мой собеседник обещал зайти как-нибудь ко мне и дать исторические справки об отряде Казагранди с тем, чтобы я записал их сам с его устной передачи. Виделся с Р.В.Смит. Он довольно деятельно собирает разные, порой и весьма интересные, материалы архивного и книжно-антикварного характера для отсылки их в Военную Библиотеку Хувера, в Америку, точнее в Комитет по Русским изысканиям при Станфордском университете.

¹Я совсем забросила дневник. Днем некогда, вечерами всегда кто-нибудь приходит, сидят часов до 11—12, а потом я ложусь в постель, так как чувствую себя страшно усталой.

«Наша маленькая жизнь» бежит себе потихоньку без событий. Сегодня будет слушаться во второй инстанции дело Сидоровых. М[а]даме Сидорова недели три тому назад уже выпущена на поруки, муж ее освобожден вчера, тоже под поручительство и залог. Было бы нелепо после отлично мотивированного оправдательного акта, вынесенного судом, вдруг все-таки признать их виновными. Но от китайцев всего можно ждать.

В Харбине раскрыта и почти полностью ликвидирована русская шайка бандитов, совершившая за последнее время ряд дерзких похищений людей с целью выкупа². Возглавлялась эта шайка, как говорят, надзирателем харбинского розыска Мартыновым*, что придает всему делу весьма пикантный оттенок. Несчастливого С.Каспе* бандиты убили, так как требуемой ими суммы выкупа отец Каспе* не мог дать, а Японский розыск уже по пятам гнался за ними. Погибшего молодого

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой.

² В начале 1933 г. С.Каспе приехал в Харбин навестить отца и дать несколько концертов, включая и благотворительный для бедных и больных. Затем собирался на гастроли в Китай и Японию. Поздним вечером 24 августа похищен с целью крупного выкупа. Похитители — Мартынов, Шандарь, Кириченко и Глушко, который убит в перестрелке с агентами уголовного розыска. Находился в землянке вблизи станции Эрцендянцзы, затем у станции Сяолин (Скорбная страница Харбина за год: (Некролог) // Всеобщ. календарь на 1935 г. Харбин: Зигзаги, Б.г. С. 69: портр.).

человека харбинские газеты характеризуют как «благородного, одаренного» человека, перед которым «его тонкая духовная организация, прекрасные душевные качества и талант открывали широкую жизненную дорогу...» Весь Харбин взволнован этим жестоким убийством. Проводить С.Каспе к могиле собралась тысячная толпа — евреи, русские, иностранцы, китайцы. Он был талантливым скрипачом.

Сегодня с утра какой-то тяжелый день, и настроение мое упало очень низко. Вдобавок я еще сильно простудилась и схватила часто бывающий здесь «прострел»: не могу наклоняться, с трудом хожу и чувствую острую боль в спине. Была очень рада, что сегодня у меня очередная «штопка»: пришли семь дам, и за работой я незаметно отвлеклась от своих болей. Уже второй год, по моей инициативе, мы, несколько дам, собираемся каждую среду по очереди друг к другу для совместной работы, главным образом, штопанья носков и чулок. Это скучное занятие в компании проходит незаметно: языки работают, руки двигаются, и, в общем, очень много сделаешь такого, что в одиночестве как-то не клеится. В перерыве между работой мы пьем чай. Я делала к сегодняшней «штопке» хворост и творожные пресные лепешки, очень всем понравившиеся. Не в похвалу себе скажу все-таки, что я стала за годы беженства хорошей хозяйкой. Мой стол всегда хвалят все, кому приходилось его пробовать; я много умсю приготовить сама, знаю несколько сортов печений; варю вкусные варенья, ликеры и наливки; квартира моя блещет чистотой и уютом, и я люблю повозиться со всем этим, когда есть время.

14 декабря. Узнал совершенно случайно, что наш иркутянин, эстонец Сандер, предприниматель, разоренный большевиками, устроился теперь в Австралии, где вновь начал масляное дело. Будто бы его сливочное масло и еще некоторые продукты появились уже на рынках Китая. Интересно проверить эти слухи. В 1922 или 23 году я виделся с Сандером здесь, в Тяньцзине. Он сказал тогда мне:

— Я имею в Шанхае небольшую лавочку, торгую молоком, сметаной, селедками и икрой. Нужно начинать все сначала. Что поделаешь? Я духом не падаю.

Из Шанхая Сандер, как я узнал немного позднее, перебрался в Австралию, а дальше я уже ничего о нем более не слышал.

15 декабря. Страшно становится жить. В то же время интересно. В сто первый раз хочется узнать, наконец: кто же был прав? Мы или они? Кто же? Кто же?

¹Стоят теплые, но сырые и какие-то неприятные дни, которые совсем не способствуют моему выздоровлению. Вчера я из-за своего «прострела» не смогла попасть в Русский клуб, где была обычная «четверговая» пластиночная музыка — шла опера «Кармен» в исполнении артистов и хора Миланского театра Ла Скала. Так жалею, что мне не удалось ее послушать. Муж был в клубе, остался очень доволен. Он сидел за столиком с А.А.Орловым и профессором М.В.Тарле.

Уже более полугода идут эти музыкальные четверги в Русском клубе, привлекая всегда много публики. Пластинок у Борисова, который

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой.

ставит эту музыку, говорят, тысяч до пяти. Я думаю, что нам хватит слушать их еще года два. Летом шла преимущественно русская музыка — мои любимые авторы: Чайковский, Римский-Корсаков, Глинка в исполнении лучших певцов — Шаляпина, Нины Кошиц, Смирнова и др. Мне эти четверги доставляют большое удовольствие, не давая отвыкнуть от настоящей, серьезной музыки, что очень легко в нашей глухой тяньцзиньской провинции.

Я провела вчерашний вечер за работой. Были Лида и Наталья Семеновна с Тamarочкой, все с вязаньем и вышиванием. Мы поставили несколько наших пластинок и послушали пение и оркестр; потом сами пели тихонько грустные романсы, соответствовавшие нашему настроению. Мне часто бывает очень печально по вечерам, глубокая тоска сдает сердце.

Сегодня днем я все же рискнула пройтись немного по улицам. Ноги ходят лучше, но спина и бок еще болят. Встретилась с m[ada]mc Зенн, которая очень любезно пригласила меня прийти в воскресенье в «Кунст», посмотреть ее новые детские постановки.

Я обещала, а потом вспомнила, что в воскресенье мы с мужем приглашены на молебен в новое общежитие Русской Национальной Общины и после молебна — на чашку чая в Русский клуб. Не знаю теперь, как быть.

Здесь еврейские дамы расположены ко мне. Они всегда зовут меня к себе, пригласили как-то в «Кунст», где показали работу детской секции и спрашивали кое-что в чем моего совета. Если бы я не держалась немного замкнуто от всех, я вообще могла бы иметь весьма обширные знакомства.

Завтра З.И.Антуфьева приглашает меня и мужа на бал-маскарад в Русский клуб. Я очень давно не бывала ни на каких балах, кроме благотворительных, где всегда работала за чайным и закусочным столом. Я уже отвыкла от большого общества, и идти мне не очень хочется. Но З.И. так упрашивала, и, по-видимому, компании у нее больше нет — придется, должно быть, согласиться. Начнется, значит, целое дело: нужно попросить у Милочки Краудер ее бальную черную кофточку, так как мое единственное вечернее платье не имеет рукавов, а это сейчас не в моде. Нет у меня и бальной сумки. Да еще, пожалуй, придется причесаться у парикмахера. От всего этого я уже заранее чувствую усталость.

16 декабря. Очень был порадован сегодня, получивши из Шанхая от Н.К.Эльтекова и г[осподина] Жавроцкого 20 долларов для Д.П.Першина. Я думаю, мне удастся теперь к Новому году перевести для старикана до сорока долларов.

17 декабря. Воскресенье. Вчера З.И.Антуфьева пригласила нас с женой на бал-маскарад в Русский Клуб. Мы приняли это приглашение, и пробыли на балу с 10 часов вечера до 5 утра. Выпивали, закусывали. Дамы немного танцевали. Я чувствовал себя диковато, так как, пожалуй, уже года три как не бывал на подобного рода увеселениях. Придя домой с бала, я не мог уснуть долго. Удалось поспать, может быть, всего часика два. Сегодня весь день клонит ко сну, и немного побаливает голова.

18 декабря. Газеты вновь сообщают о напряженности советско-японских отношений. Будет война у большевиков с японцами? Или не будет? Вот вопрос, который имеет грозное значение для русской дальневосточной эмиграции и от которого, увы, эмиграция как-то невольно отмахивается. Что война? Может быть, ее не будет совсем. Стоит ли ломать голову над проклятыми вопросами: с японцами ли против России, хотя бы советской? Нейтралитет? Или с большевиками против японцев?

19 декабря. Мг. Могэ прислал мне письмо из Дайрена, где он поселился на морском курорте Хотигаура в доме семьи министра иностранных дел Маньчжуго. Впереди дома — море, позади — холмы, покрытые сосной. Могэ — в восхищении после своей долгой жизни «в пыльном, грязном и скучном» Тяньцзине.

¹Сегодня Николин день, к которому у нас в Иркутске уже начинали потрескивать порядочные морозы. Стало холоднее и здесь, но снега нет. Наверное, всего градуса два ниже нуля, а нам это кажется настоящим морозом. Сейчас я вернулась с небольшой прогулки и до сих пор, уже с полчаса, не могу согреть ноги. В комнате моей очень тепло.

Итак, мы с мужем все-таки побывали на маскараде. Зин[аида] Ив[анов]на не позволила нам заплатить за вход, угощала сначала коньяком, потом вкусным ужином, и пробыли мы там до 5 часов утра. Мне не было скучно, но я чувствовала себя чужой всему этому веселью. Публики было очень много, танцевали, пили. Муж мой был избран в жюри для присуждения призов за лучшие костюмы, и сегодня «Заря» сообщила об этом, чем муж остался весьма недоволен: очень уж легкомысленно для него занятис.

Позавчера я была на молебне по случаю перехода в новое помещение нашей Русской Национ[альной] Общины и ее общежития. Собралось очень много приглашенных. После молебна была чашка чая в Русском клубе; говорили речи председатель общины И.П.Кухтин, от[ец] Петр Рождественский, полк[овник] Веденяпин. Все призывали к поддержке Общины; сейчас много нсимущих бегут сюда из Харбина, нужда увеличивается, нужно всех приютить, одеть и накормить до приискания ими какого-либо заработка. Был пущен вокруг стола подписной лист, давший, кажется, хороший результат. Я подписала и отдала один доллар — все, что было со мной.

Затем зашли мы вчетвером — я, Е.А.Лавдовская, К.И.Стаматова и Т.И.Барбье — в зал клуба, где в этот день был первый в сезоне ти-данс². Я немного потанцевала со знакомыми — я люблю фокстрот и танцую его, как говорят мои партнеры, хорошо. На днях перевела сестре Вале пять америк[анских] долларов. От нее опять давно нет писем, и опять, как всегда, я начинаю бояться, что ее нет больше в живых.

Скоро подоспеет и наше Рождество. Плохо его встретят те, кто не имеет сейчас ни работы, ни сбережений. Депрессия сильно захватила

¹ Записи А.Н.Серебренниковой.

² Tea-dance (англ.) — чаепитие с танцами.

своими когтями Тяньцзинь, до сих пор дававший работу очень многим русским. Но сейчас наплыв из разоренного Харбина так велик, что никакой работы не хватит. В частности, мы уже испытываем на себе давление конкуренции: приехало много педагогов, которые хватают уроки за баснословно дешевую цену. Но что делать, всем надо как-то жить.

Вчера неожиданно явился к нам А.В.Махаев, у которого мы здесь снимали когда-то комнаты. Он тоже приехал из Харбина, где шесть лет пересбивался разной работой, теперь же и пересбиваться стало нечем. Он научился там клеить нечто вроде книжек для мелких бумажных денег; книжки устроены так, что бумажка, вложенная внутрь книжки, каким-то фокусом сама перемещается под резинку на другую сторону книжки. Продажей этих книжек он и думает существовать здесь. К нам он зашел попросить два доллара на покупку материала, так как получил уже здесь несколько заказов. Я, конечно, дала эти деньги и заказала ему пять книжек для рождественских подарков знакомым ребятишкам.

Сейчас, возвращаясь с прогулки, видела забавную сценку: какой-то русский пропойца стоял, едва держась на ногах, на углу двух улиц. Мимо промчался автомобиль, и ветром от колес пьяницу сдуло на землю. Он упал и остался недвижим. Полисмен-китаец, думая, что он задавлен, поднял крик, остановил автомобиль; собралась публика, и все бросились к лежавшему. Но тот вдруг вскочил и убежал в ближайшую лавку, прежде чем к нему успели приблизиться. Дело кончилось общим хохотом. Сидевший в автомобиле, оказавшийся тоже русским, крикнул полисмену на русско-китайском диалекте: «Да он хазуйла (пьяный)!» и поехал дальше.

20 декабря. Тяжелый день... Может быть, будет снег. Ужасно плохо чувствую себя.

21 декабря. Ночью болела печень. Почти не спал. С утра сегодня слег в постель. Часам к 12-ти дня боли улеглись. Вечером я уже вышел на прогулку, правда, очень небольшую.

22 декабря. Начал читать книгу Л.В.Арнольдова*, дальневосточного журналиста, в своей юности моего ученика в Иркутске. Книга эта называется «Китай, как он есть»¹. Не скажу, чтобы книга привела меня в восторг: в ней много дилетантизма и разных рассуждений с кондачка. Впрочем, окончательные суждения об этой книжной новинке я отложу пока, ибо прочел только полсотни страниц. Арнольдов — один из ближайших сподвижников покойного Лембича, основателя всяких «Зорь» по Китаю. Как я и прежде не любил всех этих «заристов», так и теперь отношусь к ним «с заметным предубеждением». Бойкие, в то же время достаточно пошлые, эти журналисты являются не столько «писателями милостью Божьей», сколько коммерсантами, рыцарями желтой прессы.

¹Три дня прошли в обычной будничной работе: стирала и гладила, занималась штопкой и починкой. По вечерам вяжу мужу шерстяную

¹ Арнольдов Л.В. Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Рус. тип. «График», 1933.

фуфайку — первую в моей жизни: никогда раньше не было на это времени. Вяжу с интересом и даже горжусь немного, что научилась и этому.

Кто-то звонит. Пришли Наталья Васильевна с работой и Ф.П.Романов. Бросаю дневник.

23 декабря. Прочел два свежих номера харбинской газеты «Наш путь» — органа русских дальневосточных фашистов. Газета ведет яркую антисемитскую агитацию.

[Замазана строка. — Прим. А.А.Хисамутдинова].

Легко предвидеть, что с тяжелой руки Гитлера антисемитизм будет развиваться теперь интенсивно во всем мире. Любопытно отметить, что и местная японская газетка, издающаяся на русском языке, «Возрождение Азии», тоже начала за последние недели помещать антисемитские материалы.

Распространяемым слухам о том, что советчики договорились с американскими евреями о превращении русского Дальнего Востока в какой-то новый буфер, где политика будет принадлежать советам, а экономика — американцам, я, признаться сказать, не верю.

24 декабря. Сегодня закончил обработку и переписку мемуарного труда полк[овника] В.Ю.Сокольниковского «Кайгородовщина». Придется теперь еще скопировать ряд подлинных документов, приложенных к этому труду. Рождественский сочельник сегодня у иностранцев. В парке Виктория зажжена елка. Возле нее сияет электрическими огнями святающийся транспарант со словами: «Peace and Good Will». Мир и Благоволение!

25 декабря. Праздник Рождества Христова, но не наш, не русский. День провел в компании с И.Я.Антуфьевым. Всечером побывали с ним в читальной Британской Муниципальной Библиотеки, где наслаждались просмотром английских иллюстрированных журналов, особенно богато изданных рождественских номеров.

Получил сегодня 18-ый номер «Паруса», где помещено окончание моей статьи «Русские интересы в Китае». В этом же номере помещены стихи Николая Светлова, давшего образцы китайских стихотворений — очевидно, переводов из китайских поэтов. Я хочу записать здесь для памяти несколько таких стихотворений. Вот стихи поэта Цинь-Жуна.

Вдохновение

В руке стакан пьянящего вина.
Мой стол устлал стихотворений ворох.
Я счастлив. Я творю. И не моя вина,
Что не с кем разделить мне радость взоров.

Стихи поэта Ли-Бай: Либо.

Раздумье в ночной тишине

Перед кроватью — лунный блеск,
Как на полях серебристый иней.
Любуюсь на безмолвный плеск
В окне дрожащих светлых линий.
Но грустью отягченный взор
К земле склоняется все ниже...

¹ Записи А.Н.Серебренниковой.

Когда ж я вновь тебя увижу,
Деревни маленькой простор?

А вот стихи неизвестного поэта:

Счет до десяти
От города я раз прошел две—три версты;
Там дым над четырьмя—пятью домами стыл.
Шесть—семь беседочек и восемь—девять башен
Купались в зелени среди десятка пашен.

26 декабря. Начал писать сегодня свою новую работу под заглавием «Рассеяние в Азии белых русских армий 1919—1922». Не знаю еще, во что точно выльется эта моя работа, но примерный план ее таков:

Вступление. Отход белых армий от Урала. Ледяной поход. Расстрел адмирала Колчака. Смерть генерала Каппеля. Отступление Южной армии, ее голодный поход по Тургаю. Убийство атамана Дутова. Марш смерти — поход уральских казаков. Атаман Анненков в Китайском Туркестане, его злключения и гибель. Приход в Чугучак Народной дивизии. Алтайские события. Выход белых отрядов к Котагачу и Кобдо. Отряд атамана Кайгородова. События в Урянхэе. Отряд Казагранди. Первый поход Унгерна на Ургу. Зверства китайцев в Урге. Гибель экспедиции Центросоюза в Монголии. Погром китайцами русского населения в Кобдо. Занятие Кобдо Кайгородовым. Атаман Казанцев и Улясутай. Профессор Оссендовский. Сражение белых с красными при Тарлакшине в Урянхэе. Погром монголами русского населения в Улясутае. Взятие Урги Унгерном. Террор Унгерна, его идеология. Бой под Кяхтой. Конец Унгерна. Поход генерала Бакича через Чжунгарию, потери от голода. Сражение при реке Кабук. Взятие Бакичем города Шарасумэ. Соединение отрядов Бакича и Кайгородова. Осада монастыря Сарыл-Гуна. Уход Кайгородова в Сибирский Алтай. Сдача Бакича Байкалову. Поход в Китай отряда полковника Сокольникового. Рассеяние анненковцев по Китаю. Конец Бакича. Смерть Кайгородова. Гибель атамана Казанцева. Убийство Казагранди и странствия его отряда. Проезд Дальневосточной армии через Маньчжурию. Правительство братьев Меркуловых. Хабаровский поход. Эвакуация из Владивостока. Маньчжурия, Корея, Шанхай. «Лейтенант Дыдымов». Флотилия адмирала Старка. Поход генерала Пепеляева в Якутскую область. Восстания в Якутии и Западной Сибири. Русские в китайских войсках, на службе у маршала Чжан Цзучана. Русские на китайской службе в Сицзяне, во время мусульманского восстания, в 1932—1933 годах. Заключение.

План этот обширен. Придется, вероятнее всего, писать кинематографически, набрасывать скэтчи, давать зарисовки. Серьезное исследование на указанные выше темы может составить стотомный труд. Изобразить в художественных образах весь драматизм и трагизм эпохи отхода белых армий от Урала и рассеяния их по просторам Азии от Персии и Месопотамии до Кореи и Филиппин сможет лишь гений, равный Гомеру или Льву Толстому. Сейчас правильность этого моего положения еще мало кто сознает и ощущает, слишком близко от нас еще эта страшная эпоха.

27 декабря. С утра повалил снег. Крыши и улицы побелели. Как-то невольно вспомнилась Сибирь с ее морозами и снегами. Снег — не частое явление в Тяньцзине, и мы любим смотреть, как он падает здесь. К

сожалению, через день-два выпавший снег растает, или его соскребнут с улиц и вывезут, и город наш опять примет свой серый монотонный вид.

28 декабря. Сегодня трое учеников у меня держат экзамены в шестой класс Английской школы. По этому случаю весь день выпал у меня свободным от уроков. Я много гулял, наслаждаясь свежим морозным воздухом. Снегу на улицах города еще очень много.

29 декабря. Чем ближе к нашим Рождественским праздникам, к Новому году, тем грустнее как-то становится на душе. Время идет, стареешь, одолевают разные болезни, а возврата домой, на родину, не видишь и не предчувствуешь. Спрашивается, почему эти интернационалисты, всякий международный сброд живут в России, а ты, русский, должен заканчивать свои дни в каком-то чужом Китае; жить среди народа, с которым за тринадцать лет жизни здесь не имеешь, не может найти ничего общего... Что за не нелепица?!!!

30 декабря. Вырзал сегодня из шанхайского «Слова» за 1929 год (случайно попавшего в мои руки комплекта газеты) ряд статей и заметок, относящихся к истории белого движения в Сибири. Мой архив все увеличивается и увеличивается. Новый год завтра мы с женой решили встретить вместе, дома, в компании с И.Я.Антуфьевым, Д.А.Курбатовым и Лидой Страндберг.

31 декабря. Воскресенье. Канун Нового года. День провели дома: я — в безделье, жена — в хлопотах по устройству новогодней вечеринки. Принято в конце старого года подводить итог прожитого за год, намечать планы работы для будущего. Хотелось бы мне, при помощи моей жены, постоянной сотрудницы в моих литературных работах, если Господь пошлет нам сил и здоровья, написать еще четыре больших труда. Это:

1) Рассеяние белых русских армий по Азии в 1919—1922 годах — работа уже начатая. Материалы собраны и приготовлены к их использованию.

2) Мои воспоминания. Детство. Юношество. 1882—1900 годы. Это будут мои сибирские впечатления детства.

3) Мои воспоминания. Китай. 1923—1933. Эта работа может послужить пособием для изучения положения эмиграции в Китае и содержать в себе китайские впечатления и наблюдения. Вместе с двумя уже написанными томами четырехтомный труд мой мемуарного свойства, м[ожет] б[ыть], даст картинку жизни среднего российского (в частности, и сибирского) интеллигента в апокалипсическую эпоху Русского государства.

4) Китай. Его природа, быт, люди. Это должно составить энциклопедическое описание Китая. Половина материалов имеется у меня уже в более или менее готовом виде.

Это и все пока... Конечно, в один год я при всем желании не смогу справиться со всеми этими четырьмя трудами. Но если бы мне удалось приготовить первые две работы, я был бы весьма счастлив.